

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

OLD BELIEVER

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2023. Т 1. № 4

oldbeliever.ru

Старообрядчество

2023. Т. 1. № 4

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

Научный журнал «Старообрядчество» зарегистрирован в Российской Федерации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2023 г., выходит четыре раза в год. Учредитель и издатель — Паламаренко Е.В.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 — 85733 от 14.08.2023 г.

Главный редактор

ПОЗДЕЕВА Ирина Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Церкви исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Редакционный совет

БОЧЕНКОВ Виктор Вячеславович, кандидат филологических наук, заведующий архивом Митрополии Московской и всея Руси, Русская православная старообрядческая церковь

БУБНОВ Николай Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский отдел рукописей, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

БУРАЕВА Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ВАСИЛЬЕВА Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и теологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

ДАНИЛКО Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

КЕРОВ Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальной и экономической истории России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОСТРОВ Александр Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет

МОРРИС Тамара Балдановна, доктор филологических наук, почетный профессор факультета русистики, восточноевропейских и евразийских исследований, Орегонский университет, США

ПРИГАРИН Александр Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет

ТАРАНЕЦ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, руководитель Музея истории и культуры старообрядчества, Украина

Ответственный секретарь

ЛАЗАРЕВА Анна Юрьевна, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Восточный разряд», Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес редакции и издателя

127018, Москва, ул. Складочная, 6, к. 2, оф. 20

E-mail: journal@oldbeliever.ru

Сайт: oldbeliever.ru

Old Believer

2023, vol. 1, no. 4

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

Scientific journal "Old Believer" is registered in Russian Federation by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Published since 2023. Quarterly journal. Founder and publisher — Evgenii Palamarenko

Date of registration: 14th August, 2023. Registration certificate ПИ № ФС 77 — 85733

Editor-in-Chief

POZDEEVA Irina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Editorial Council

BOCHENKOV Viktor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Archives of the Metropolis of Moscow and All Rus', Kostroma, Russian Orthodox Old Believer Church

BUBNOV Nicolay, Doctor of Historical Science, Leading Researcher of the Research Department of Manuscripts, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg

BURAEVA Svetlana, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

DANILKO Elena, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Visual Anthropology, The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology

KEROV Valeriy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Economic History of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

KOSTROV Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University

MORRIS Tamara, Doctor of Philology, Courtesy Professor, Faculty of Russian, East European and Eurasian Studies, University of Oregon, USA

PRIGARIN Alexander, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

TARANETS Sergey, Doctor of Historical Sciences, Head of the Museum of History and Culture of the Old Believers, Ukraine

VASILYEVA Svetlana, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Buryat State University named after Dorji Banzarov

Executive Secretary

LAZAREVA Anna, Junior Researcher at the Eastern Discharge Research Laboratory, Kazan Federal University

Editorial office and Publisher address

Skladochnaya str., 6, bldg., 2, of. 20, Moscow,
Russian Federation, 127018
E-mail: journal@oldbeliever.ru
Website: oldbeliever.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Исследования

Кожурин Кирилл Яковлевич

Шесть портретов духовных наставников Псковского Поозерья5

Пригарин Александр Анатольевич

Переселение старообрядцев из Румынии в СССР в 1944–1945 годы41

Соловьев Павел Константинович

К характеристике внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии второй половины XIX — начала XX века68

Таранец Сергей Васильевич

Находки духовной и материальной культуры старообрядцев села Борсков Винницкой области (по материалам экспедиций 1988–2022 гг.)82

Маслова Юлия Валерьевна

Рогожское кладбище в описании Е.И. Усова (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства)100

CONTENTS

Research

Kirill Ya. Kozhurin

Six portraits of spiritual mentors of the Pskovian Poozerye5

Alexander A. Prigarin

Resettlement of Old Believers from Romania to the USSR in 1944–194541

Pavel K. Solovyev

On the characterization of the intra-confessional identity of co-religionists
Samara province of the second half of the XIX — early XX century68

Serhii V. Taranets

Findings of the spiritual and material culture of the Old Believers of the village
of Borskiv, Vinnytsia region (based on materials from expeditions 1988–2022)82

Julia V. Maslova

Old Believers and A.I. Herzen from the history of relationships100

Шесть портретов духовных наставников Псковского Поозерья

Большинство старообрядческих общин, некогда существовавших на территории Псковского Поозерья (Невельский, Себежский, Пустошкинский, Опочецкий, Новосokolьнический и Великолукский районы), безвозвратно канули в Лету. Сведения о духовных наставниках, которые удалось собрать среди местных жителей, крайне скудны. На основании уникальных архивных данных автор делает попытку восстановить в статье биографические подробности и представить (насколько это позволяют документы) портреты шестерых наиболее авторитетных духовных наставников Псковского Поозерья первой половины XIX века, трое из которых были участниками знаменитого Варковского собора 1832 г. Время их служения приходится на период самых лютых гонений императора Николая I. Все они были людьми грамотными, крепкими в вере и сильными духом, все они свято почитали древлеотеческое предание и в той или иной степени претерпели за него гонения и мучения. Тем не менее, они продолжали нести своё служение и не прельстились теми льготами, которые им могло бы дать присоединение к господствующей церкви на правах единоверия. Благодаря их мужеству и стойкости древлеправославие на Псковской земле продолжило своё существование во второй половине XIX в. и даже пережило настоящий расцвет в начале XX в. В биографиях духовных наставников Псковского Поозерья прослеживается одна общая черта — их активная проповедническая и пастырская деятельность, постоянное общение и связь со старообрядческими общинами соседних уездов и губерний, со старообрядческими общинами Санкт-Петербурга и Прибалтики, участие в общестарообрядческом движении.

Ключевые слова: раскол, религия, старообрядчество, Витебская губерния, Псковское Поозерье, федосеевцы, беспоповцы, духовные наставники, культура старообрядчества.

...

Для цитирования: Кожурин К.Я. Шесть портретов духовных наставников Псковского Поозерья // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 4. С. 5–40. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0170

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (проект № 36ВГ) «Формирование мировоззрения и систематических представлений о сущности и динамике развития российской цивилизации и государственности как фундаментальных составляющих общеобразовательной подготовки студентов при изучении дисциплины "Основы российской государственности"».

6 Kirill Ya. Kozhurin

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy of Man, Herzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika Emb., Saint-Petersburg, Russia 191186

E-mail: kozhurin@list.ru

Six portraits of spiritual mentors of the Pskovian Poozerye

Most of the Old Believer communities that once existed on the territory of the Pskovian Poozerye (Nevelsky, Sebezhsy, Pustoshkinsky, Opochetsky, Novosokolnichesky and Velikiye Luki districts) have irrevocably sunk into oblivion. Information about spiritual mentors that has been collected among local residents is extremely scarce. Based on unique archival data, the author in this article makes an attempt to restore biographical details and present (as far as documents allow) portraits of six of the most authoritative spiritual mentors of the Pskovian Poozerye in the first half of the XIX century, three of whom were participants in the famous Varkovsky Council in 1832. The time of their ministry falls during the period of the most severe persecution of Emperor Nicholas I. All of them were literate people, strong in faith and strong in spirit, they all revered the ancient Patristic tradition and, to one degree or another, suffered persecution and torment for it. Nevertheless, they continued to carry out their ministry and were not seduced by the benefits that joining the dominant church on the rights of Edinoverie could give them. Thanks to their courage and steadfastness, Ancient Orthodoxy in the Pskov land continued to exist in the second half of the XIX century and even experienced a real flourishing at the beginning of the XX century. In the biographies of these spiritual mentors of the Pskovian Poozerye district, one common feature can be traced — their active preaching and pastoral activities, constant communication with the Old Believer communities of neighboring counties and provinces, with the communities of St. Petersburg and the Baltic States, participation in the general Old Believer movement.

Keywords: schism, religion, Old Believers, Vitebsk province, Pskovian Poozerye, fedoseevtsy, bespopovtsy, spiritual mentors, culture of Old Believers.

...

For citation: Kozhurin K.Ya. Six portraits of spiritual mentors of the Pskovian Poozerye. *Old Believer*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 5–40. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0170

The research was supported by an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 36VG) "Formation of a worldview and systematic ideas about the essence and dynamics of the development of Russian civilization and statehood as fundamental components of general educational training for students when studying the discipline 'Fundamentals of Russian Statehood'".

С самого начала старообрядческого движения личность играла в нем первостепенную роль. Как отмечает И. В. Поздеева,

«одним из направлений работы в старообрядческих регионах является сбор материалов о роли личности в старообрядческом движении, о руководителях общин, память о которых сохранилась, об их жизни и деятельности. Можно напомнить, что русское старообрядчество появляется именно тогда, когда волны истории выдвигают на первое место именно личность... К сожалению, если имена людей, отдавших жизнь за “старую веру”, для XVII–XVIII вв. прослеживаются по архивным материалам, судебным делам и документам о расправах над старообрядцами, то для XIX и особенно XX в. у нас чрезвычайно мало точных данных, и память об этих людях уходит с каждым днем, поскольку общины, как правило, эту сторону своей истории пытаются восстановить очень редко» [Поздеева, 2023. С. 12].

К величайшему прискорбию, приходится констатировать, что большинство старообрядческих общин, некогда существовавших на территории Псковского Поозерья (нынешние Невельский, Себежский, Пустошкинский, Опочецкий, Новосokolьнический и Великолукский районы Псковской области), безвозвратно канули в Лету. Сведения о духовных наставниках, которые удалось собрать среди местных жителей, крайне скудны. А ведь некогда на этих землях, где компактно проживали староверы, находилось их несколько крупных и влиятельных духовных центров: три староверческие обители и пара десятков моленных (подробнее см.: [Кожурин, 2021; Кожурин, 2022 (а); Кожурин 2022 (b)]). Фактически именно в этом регионе зародилось такое многочисленное беспоповское согласие, как федосеевское, впоследствии распространившее свое влияние на весь Северо-Запад Российской империи, на Москву и Поволжье.

Вместе с тем архивы, в которых хранятся дотошно проводившиеся полицией дела «по расколу», порою предоставляют нам счастливую возможность приоткрыть завесу неизвестности и поближе познакомиться с теми незаурядными личностями, которые сыграли выдающуюся роль в истории местного старообрядчества и чьи имена не сохранила людская память. В данной статье делается попытка восстановить биографические подробности и представить (насколько это позволяют документы) портреты шестерых наиболее авторитетных духовных наставников Псковского Поозерья первой половины XIX века, трое из которых были участниками знаменитого Варковского собора 1832 г. Время их служения приходится на период самых лютых гонений императора Николая I. Все они были людьми грамотными, крепкими в вере и сильными духом, все они свято почитали древлеотеческое предание и в той или иной степени претерпели за него гонения и мучения.

При написании статьи были использованы материалы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург; фонды Департамента общих дел Министерства внутренних дел и Канцелярии Синода), Государственного архива Псковской области (Псков; фонды Канцелярии псковского губернатора и Опочецкого духовного правления Псковской духовной консистории) и Национального исторического архива Республики Беларусь (Минск; фонды Витебского губернского правления и Канцелярии витебского гражданского губернатора).

1. Захарий Леонович Смарыгин (1774–1858)

Захарий Леонович Смарыгин (Смарига) был духовным наставником старейшей и авторитетнейшей в Псковском Поозерье старообрядческой общины, центр которой находился в д. Обитель Себежского уезда («Заполоцкая Обитель»). Само название деревни говорит о том, что здесь некогда был монастырь. И действительно, старообрядческая обитель, или скит, в деревне Пороплово (Переплово), близ озера Неведро, был основан сыном Феодосия Васильева Евстратом в 1720 г. после разгрома Ряпинской обители и до середины 1740 г. управлялся авторитетным федосеевским наставником Иваном Ивановичем Бедрой. В окрестных деревнях — Яблонце, Голубово, Давыдово — в 1720–1730 г. прошел ряд федосеевских соборов. Судя по всему, именно здесь состоялся и знаменитый Польский собор 1752 г. Деревня Пороплово, по-видимому еще в XVIII в. переименованная в Обитель, продолжала играть весьма заметную роль в жизни местного старообрядчества вплоть до начала XX в. В ней находилась моленная, выстроенная до 1826 г., и богадельня при ней, при которой призревались «в значительном количестве неимущие, увечные и престарелые лица обоюга пола» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 205 — 1850 г. Д. 470. Л. 27–27 об.]. В первой половине XVIII в. деревня принадлежала польскому пану Трояну Лосовскому, в XIX — помещикам Потриковским.

По собственному его признанию, данному в 1846 г. на допросе, Захарий Леонович Смарыгин родился в 1774 г. А согласно данным Витебского уездного казначейства, год его рождения — 1775. В большинстве документов он записан как витебский (или себежский) мещанин, хотя в одном документе называется почему-то невельским хлебопашцем. Как он сам показал в 1849 г., «как я нахожусь постоянно на жительстве в деревни Обители тому будет лет 20. А в настоящей обязанности состою лет до 16» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 8694. Л. 32], т. е. в деревне Обитель он поселился примерно в 1829 г., а настоятелем стал примерно с 1833 г. Однако его подпись стоит под деяниями Варковского собора 1832 г., а это означает, что уже тогда он был настоятелем общины «Обительской с-за Полоцка» и в этом качестве участвовал в работе собора [Хронограф Литовский, 2011. С. 226]. Этот собор, проходивший в начале октября 1832 г. на Варковской мызе в Динабургском уезде (ныне Даугавпилсский район Латвии), сыграл весьма важную роль в судьбе старообрядческих беспоповских общин Северо-Запада Российской империи. Он был одним из самых представительных староверских соборов того времени: на нем присутствовали авторитетнейшие и образованнейшие наставники и начетчики (тридцать три настоятеля и два иконописца), представлявшие городские и сельские общины Северо-Западного края.

Как явствует из ведомости 1841 г., при Обительской моленной находились: наставник — невельский хлебопашец Захар Леонов и три дьячка — себежский 3-й гильдии купец Семен Авсеев Цикун, дризинский мещанин Григорий Романов Козлов и крестьянин помещика Могля деревни Стаек Семен Иванов [НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 51589. Л. 62–64]. В 1853 г. его помощником значился витебский мещанин Федор Ефимович Смарыгин. Проживая при моленной, Захарий Леонович проводил все богослужения, крестил новорожденных младенцев, а также принимал на дух окрестных староверов.

Первый раз имя обительского наставника появляется в полицейских делах в 1837 г. В марте 1837 г., когда полиция производила осмотр Обительской моленной на предмет не санкционированных поновлений, наставник находился в отъезде, в Полоцком уезде, где исповедовал своих духовных детей. Среди его духовных детей были также многие местные наставники, в том числе наставник д. Репище Самуил Васильевич Карпель, наставник д. Большой Пружинец Спиридон Макарьев и его помощник Федор Федоров Мокеенко (Невельский уезд).

В 1839 г. помещица Себежского уезда княгиня Анна Огинская в прошении, поданном архиепископу Полоцкому и Витебскому, жаловалась на «сворачивание некоторых крестьян ея из бывшей унии в раскольническую ересь, и обращение их на Богослужение в выстроенную в имении племянника ея Князя Августа Огинскаго публичную моленную» (имелась в виду моленная в д. Яковлево Себежского уезда). Вследствие этого прошения Духовная консистория отношением от 29 апреля 1839 г. просила Витебское губернское правление сделать распоряжение о произведении по означенному предмету, при духовном депутате, строгого расследования и тех крестьян, «которые окажутся перешедшими в раскол, заставить законными мерами к возвращению в природное вероисповедание, а виновных в сворачивании предать строгому суждению» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 201 — 1846. Д. 455. Л. 1 об.].

В результате следствия оказалось: обвиняемые в сворачивании из православной веры в «раскольническую ересь» крестьяне помещиков Огинских (всего 43 души) на допросах в сворачивании не повинились, отзываясь, что все они с младенчества содержат старую веру. Спрошенные же по сему делу одновотчинные крестьяне (всего 27 человек) под присягою удостоверили, что родители «своротившихся из православия в раскол», а некоторые и сами из подсудимых прежде были униатской веры, и уличали некоторых из них на очной ставке в том, что все они происходят от предков православного исповедания. Однако подозреваемые в «сворачивании» продолжали утверждать, что они о вероисповедании родителей своих достоверно не знают, но знают только, что все крещены старообрядческими наставниками.

Дело, как обычно, растянулось на несколько лет. Окончательное заключение министра внутренних дел гласило: «своротившихся» крестьян подвергнуть увещанию со стороны епархиального архиерея, а о наставниках Гавриле Антропове (о нем речь пойдет далее) и Захаре Смаригине («за состоявшимся о них 29 мая 1845 года положением Комитета г. Министров») — оставить без заключения.

Пока шло это дело, параллельно было заведено еще одно: вместе с наставником Яковлевской моленной Гавриилом Антроповым в 1843 г. Захарий Смарыгин был привлечен к суду за «сворачивание разных крестьян в раскольническую ересь». Дело начато 7 июля 1843 г. 29 сентября 1844 г. Витебской палатой уголовного суда дело было решено. Обвиняемые «не повинились в сворачивании» и были от суда и взыскания оставлены свободными. Министр внутренних дел Л. А. Перовский, ознакомившись с делом, заключил: «Так называемых раскольнических наставников Гаврила Антропова и Захара Смаригина, в сворачивании православных не сознавшихся и неизобличенных, подчинить в отношении веры и образа жизни надлежащему надзору местного полицейского начальства, которому поставить в обязанность не позволять сказанным Антропову и Смаригину отлучаться куда либо иначе, как

по письменным видам и для законных только надобностей» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 201 — 1845. Д. 437. Л. 9 об. — 10]. 29 мая 1845 г. Комитет министров на своем заседании утвердил это заключение министра внутренних дел. Обоих наставников пытались «увещевать», склоняя к принятию новообрядчества или единоверия, 8 и 23 сентября 1845 г. священник Киселевской церкви Феодор Русаков и 3 и 27 сентября того же года — священник Езерищенской церкви Алексей Трубковский. Однако старообрядческие духовные отцы увещеваний не послушали. Дело затянулось до 1850 года.

К 1851–1852 гг. относится новое дело по поводу наставника Захара Смаригина о «сворачивании в раскол», свидетельствующее о влиянии духовных наставников Себежского уезда на соседние уезды — Невельский и Опочецкий. Дело было начато в связи с доносом, отправленным епархиальному начальству священником Михаилом Красноумовым из деревни Заволочье, располагавшейся в Опочецком уезде Псковской губернии. Как обычно, дело дошло до самых высоких инстанций. Генерал-губернатор Смоленский, Витебский и Могилевский князь А. М. Голицын 20 мая 1852 г. сообщал, что в приход д. Заволочье выезжают «раскольнические наставники» из «какой то их обители или могильщины» (здесь имелась в виду д. Обитель Могиланской волости). При этом исправлением треб они, по мнению генерал-губернатора, подавали повод к усилению «ереси» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1334. Л. 76 об.]. Этими наставниками, регулярно выезжавшими в Опочецкий уезд для исправления духовных треб, оказались Гавриил Антропьев Могиланцев из д. Яковлево и Захар Леонов Смаригин из д. Обитель.

Интересную характеристику обительскому настоятелю дает в своем рапорте 1853 г. в Синод архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский): «Коновод раскольников в Колпинском приходе есть Витебский мещанин Леонтий Захарьев Смарыга (sic!), живет он в деревне Обители, где существует моленная, совершенно ветхая, в коей он Смарыга совершает Богослужение. Этот 70-ти летний старик довольно малосведущ, грубый, арендует у Помещика Петриковского землю и дом, и чрезвычайно далек от присоединения, негодует даже при одном намеке об этом предмете; — Обитель, по давнему существованию и строгой жизни коновода Смарыги, пользуется у раскольников особенным уважением и даже считается местом святым» [РГИА. Ф. 796. Оп. 134. Д. 1934. Л. 21 об. — 23 об.]. Архиепископ Василий отмечал при этом, что Смарыга имеет большое влияние на местных староверов и на его имя часто присылаются деньги от староверов из Петербурга.

Снова имя обительского наставника появляется в полицейских делах в связи со смертью яковлевского наставника Гавриила Антропьева Могиланцева 7 января 1857 г., погребение которого он провел вместе с другими старообрядческими наставниками особо торжественно. На допросе, учиненном по этому поводу, Романовский и Смарыгин признались, что действительно совершали погребение Антропьева «при большом стечении народа». При этом со Смаригина была взята подписка в том, что он не будет выезжать никуда «для преподавания раскольнических треб».

Впрочем, обительский настоятель ненамного пережил яковлевского: Захарий Леонович Смаригин скончался 9 августа 1858 г. О его смерти известно из особого донесения от 14 ноября 1858 г., которое написал витебскому гражданскому губернатору архиепископ По-

лоцкий и Витебский Василий: «Бывший коновод раскольников в Колпинском приходе живущих Захарий Смарыга умер 9 августа и до 17 августа неизвестно почему не был зарыт; 17 же августа Смарыга погребен, погребение совершал могильнянский яковлевский коновод Иван Герасимов Романовский с каким то другим из Невельского уезда...» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1291. Л. 1]. На его место был избран Семен Евсеевич Тикунов (Чикунев), который до этого служил наставником в деревне Жарцы Полоцкого уезда.

2. Гавриил Антропович Могилянцев (1789–1857)

Наставник моленной д. Яковлево Себежского уезда Гавриил Антропович Могилянец родился в 1789 г. Происходил из крестьянского сословия. Впоследствии переписался в мещанское: в документах называется опочецким или же полоцким мещанином. Деревня Яковлево была вторым духовным центром себежских староверов. Она известна ещё с конца XVIII в. Как явствует из ряда позднейших дел, Яковлевская моленная была построена между 1810 и 1812 гг.¹

На отечество Гавриил Антропович был благословлен своим предместником, настоятелем Яковлевской моленной полоцким (по другим сведениям — рижским) мещанином Иваном Архиповым (ум. 1827) по избрании приходом в 1827 г. В Национальном историческом архиве Республики Беларусь сохранилась копия удостоверения о наставничестве Гавриила Антропова, данного его прихожанами:

«1827 года марта 15 дня мы нижеподписавшиеся Себежскаго уезда разных деревень владельцов Старообрядскаго общества Яковлевской Моленной прихожан по добровольному согласию Опоческаго мещенина Гаврилы Антропьева Могилянцова зная одобрительное в нем поведения Могилянцов и смиренный его нрав прилежность к молитве Божей избрали в духовнаго наставника за благословением при жизни ныне покойнаго Ивана Архипова при Яковлевской Моленной котораго обязанность возлагаем на него Могилянцова. А мы должны с своей стороны приносить ему почтение как духовному но и печись о его благосостоянии по возможности в том и подписуемся» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 7638. Л. 703–704].

Краткое упоминание о наставнике Гаврииле Могилянцеве находим в историческом труде Василия Золотова «Алфавит духовный»: «...в деревне Яковлевой бысть пастырь древле-православному христианству Гаврила Антроповичъ Могилянцов, большой. И сей пас церковь Божию, якоже подобает» [Алфавит духовный, 2014. С. 154].

В 1830 г. поступил донос местного священника Трубковского о том, что Яковлевская моленная была якобы устроена недавно (т. е. после закона 1826 г., запрещавшего не только строительство новых, но и ремонт старых молитвенных домов), причем в «огромном размере» по образу «Греко-российских церквей», с главами и колоколами. В связи с поступившим доносом в том же году Яковлевская моленная была властями опечатана.

¹ «В селении Яковлеве. В ведом. за 1826, 35–38 г. показана “1 моленная”. В ведом. за 1834–42 г. селение Яковлево не поименовано... В ведом. за 1843 и 44 г. в селении Яковлеве показана: “1 моленная” и 3 обители. В ведом. за 1845–47 г. — “1 моленная без престола”. А из дел видно: По положению Комитета Г.г. М. сентяб. 1839 г. местным начальством учинено было разыскание о времени постройки расколь. моленной в дер. Яковлеве, и как по оному оказалось, что моленная эта построена еще до 1812 года, то согласно означенному положению и оставлена в тогдашнем ея виде, с воспрещением делать в ней починки и переделки...» [РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 92. Л. 99].

Однако сведения, сообщенные Трубковским, оказались ложью. Моленная, как было установлено следствием, была построена еще до 1812 г., ни разу не ремонтировалась, и на ней находился только крест, отобранный вместе с колоколами. Семь лет спустя моленная, по постановлению Себежского уездного суда, была распечатана, поскольку суд признал ее закрытие незаконным. Произошло это в ноябре 1837 г. Суд также постановил вернуть отобранные при закрытии Яковлевской моленной иконы, богослужебные предметы и деньги.

18 октября 1837 г. Велейский сельский приказ передал в Псковскую контору государственных имуществ прошение, составленное подведомственными ему крестьянами-старобрядцами, о том, чтобы было позволено беспрепятственно въезжать их духовному отцу Гавриле Антропову и его помощнику Никифору Егорову (Песьяцкому) на территорию Опочецкого уезда для совершения богослужений и исполнения духовных треб в моленной, располагавшейся в д. Марфино.

Это дело дошло до министра внутренних дел, который сообщил, что, мол, по существующим законам запрещать не можем, но официального одобрения тоже дать не можем, поскольку правительством за старообрядческими наставниками не признаются «права духовные». Однако в 1845 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский отдал распоряжение, согласно которому Гавриила Антропова следовало водворить в город Опочку, где он состоял причисленным к мещанскому сословию, и «учредить за образом его жизни надлежащий надзор с тем, чтобы отлучки из места жительства дозволялись сказанному Антропову не иначе как по письменным видам и для законных только надобностей» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 200 — 1843 г. Д. 341. Л. 136–136 об.].

Тем временем наставник Гавриила Антропов, как оказалось, переписался в мещане города Полоцка, а сам проживал в деревне Яковлеве Себежского уезда, где и просил позволить ему оставаться жить.

Имя наставника Гавриила Антропова в связи с опочецкими староверами вновь появляется в 1843 г. в «Деле об отпадении в раскол крестьян государственных имуществ до 70 семейств Велейской волости Опочецкого уезда». В результате долгого расследования 64 крестьянина были признаны виновными и отправлены в Псковскую духовную консисторию «для поступления с ними по правилам церковным». Наставника же Гавриила Антропова, признанного причастным в «сворачивании в раскол», решено было «по силе 15 том. 192 ст. отдать в солдаты, а в случае неспособности сослать для водворения в Закавказския Провинции» [ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1444. Л. 19 об.]. Однако это решение не было приведено в исполнение.

Согласно ведомости 1841 г., наставником в Яковлевской моленной был опочецкий мещанин Гавриила Антропов, а «дьячками» — крестьяне деревни Яковлева Макарий Фадеев, Иван Герасимов, Егор Иванов, Терентий Петров и крестьянин деревни Гвоздовка Иосиф Иванов [НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 51589. Л. 64]. Хотя Яковлевская община изначально была строго федосеевской, однако уже в начале XIX в. делались некоторые послабления, а участие яковлевского наставника в Варковском соборе 1832 г., фактически узаконившем бессвященнословный брак, говорит само за себя. Так, в 1849 г. крестьяне помещика Огинского Сергей Романов и Анна Данилова показали в Полоцкой духовной консистории, что

«они венчаны в Яковлевской моленной с благословения родителей тем только, что по прибытии в моленную и положении земных поклонов поцеловали тамошний крест, что ежегодно они отбывают исповедь в той же Яковлевской моленной у наставника Полоцкого мещанина Гавриила Антропьева, который исполнение этого отмечает по своим записям, метрики и другия записи ведет дьяк той моленной крестьянин помещика Огинского Иван Герасимов Романовский, который с наставником Антропьевым сдает эти метрики и записи ежегодно местному Становому Приставу во 2-ой стан а прежде сдавали эти отчасти Себежскому Земскому Суду; Наставник Антропьев имеет пропитание от возмездий за требоисправление от раскольников именно за крещение, браковенчание и погребение; когда состоится между раскольниками договор и согласие на свадьбу в то время родители жениха или невесты или сваты или иногда жених являются в Себежский Земский Суд, который по забрании справок выдает им письменное дозволение на повенчание по их обряду, с которыми они и отправляются к Наставнику и в моленную для венчания по обряду» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 8694. Л. 2–2 об.].

Как уже говорилось выше, вместе с обительским наставником Захарием Леоновичем Смаригиным Гавриила Антропович неоднократно привлекался к суду по обвинению в «сворачивании в раскол». По замечанию священника Могильнянской церкви Чарнаго, не раз пытавшегося увещевать местных староверов и склонить их к присоединению к господствующей церкви, «упорство сих людей возрастает от влияния и внушений раскольнического наставника Гаврилы Антропова, которым они приняты в сообщество природных расколов и посещают местную моленную» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 201 — 1846. Д. 455. Л. 69 об.].

Гавриила Антропович неоднократно выезжал в соседние уезды Псковской губернии, в частности в приход пригорода Заволочье Опочецкого уезда и в Окнийский приход Великолуцкого, где духовно окормлял местных староверов. В связи с этими выездами 27 июня 1852 г., ставшими известными властям в связи с доносами местного духовенства, с Гаврилы Антроповича себежским исправником была взята подписка о невыезде и о непринятии на моление «ни каких людей в особенности других уездов, кроме издавна сей моленной принадлежащих». В дальнейшем также открылось, что Гавриил Антропов обучал грамоте «не только детей раскольников, но и детей православных», что также могло быть интерпретировано как «сворачивание в раскол».

Характеризуя нравы местных староверов и личность яковлевского наставника, архиепископ Полоцкий и Витебский Василий писал: «Дух сих раскольников, в особенности в Могильнянском приходе, крепок и обуян сильным фанатизмом; обществ православных раскольники не терпят, бесед с духовенством избегают; на православных пастырей смотрят с нелюбовию и гнушаются обрядами православными; ибо во время провожения священником тел умерших чрез деревни, населенныя раскольниками, прячутся и даже запирают окна домов... Коновод Могильнянского раскольнического общества есть Себежский мещанин Гавриила Антропьев, живет он в деревне Яковлеве, где существует незапечатанная, совершенно ветхая моленная, в коей совершается Богослужение; сей Антропьев довольно начитан, имеет лет около 60-ти, но еще бодр и крепок, не чужд присоединения, но боится общества, коим избран... При сближении православнаго духовенства с раскольниками и по приобретении расположенности их легко преклонить к Единоверию несколько честолюбиваго

Антропьева обещанием ему священства и достаточного к содержанию оклада жалованья» [РГИА. Ф. 796. Оп. 134. Д. 1934. Л. 21 об. — 23 об.].

Среди важных исторических событий, упоминаемых автором «Алфавита духовного», указана и дата смерти Гавриила Антропова («пастыря древлеправославных христиан»: «И по летех возболеся к смерти и по днех неколиких скончася в лето 7365-е, 1857-о, месяца генваря 7-о дня, и погребен на своем кладбище честно» [Алфавит духовный, 2014. С. 154]. Правда, видимо, по ошибке памяти д. Яковлево отнесена не к Себежскому, а к Динабургскому уезду [БАН. Собр. Дружинина. №189. Л. 30]².

Та же дата смерти Г. А. Могилянцова (7 января 1857 г.) значится и в деле «По донесению Начальника Витебской губернии о находящихся в Себежском уезде раскольнических моленных Яковлевской и Обительской» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 212. Д. 309. Л. 3.]. Как явствует из этого дела,

«раскольнический коновод Яковлевской моленной Гавриил Антропьев 13-го Января 1857 года похоронен, при огромном скопище раскольников, Могилянским крестьянином Иваном Романовским, а также коноводом Обительской моленной Захаром Смарыгиным и еще каким-то раскольников из Полоцкого уезда деревни Жарцев (Семеном Цикуновым. — К. К.)... Упомянутый Романовский по смерти раскольника Антропьева занял место коновода Яковлевской моленной...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 212. Д. 309. Л. 16]³.

3. Самуил Васильевич Карпелев (1791–1857)

Самуил Васильевич Карпелев (Карпель) был настоятелем Никольской старообрядческой моленной, находившейся в д. Репище Невельского уезда. Эта деревня известна с XVIII в., а представители Репищанской общины, скорее всего, были среди невельских делегатов Польского собора 1751 г.

Первое документальное упоминание о старообрядческой моленной («часовне») в д. Репище, принадлежавшей помещику Вилинбахову, содержится в рапорте, отправленном невельским земским исправником витебскому гражданскому губернатору 6 октября 1826 г. [НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 478. Л. 19–19 об.]. Как явствует из других документов, моленная существовала задолго до 1826 г.

Самуил Васильевич Карпелев родился в 1791 г., был записан в невельские мещане и некоторое время проживал в г. Невеле. Женат никогда не был, «российской грамоте знает» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6875. Л. 59]. На отечество его благословил в 1824 г. в д. Репище авторитетный настоятель Яковлевской моленной Себежского уезда, рижский мещанин Иван Архипович (ум. 1827 или 1831). В 1832 г. Самуил Васильевич Карпелев был среди участников Варковского собора, подпись его стоит под соборными деяниями.

Из судебного дела, относящегося к 1836 г., мы узнаем, что наставником в Репищах до Самуила Карпеля (примерно 1812–1820 гг.) был некто Фома Ефимов, который крестил младенцев и принимал на исповедь. В 1834 г. Самуил Карпель, уже проходивший ранее по ана-

² Рукопись опубликована Н. А. Морозовой в издании: [Алфавит духовный, 2014].

³ Этому находим подтверждение и у Василия Золотова: «Тогда же на его место удостоен сват его Иван Герасимыч Романовской в молитвенном храме в деревне Яковлевой» [Алфавит духовный, 2014. С. 154].

логичному делу, подвергся жестокому наказанию «за распространение раскола» (двадцатью ударами плетью) [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197–1836. Д. 211].

Владелец д. Репище ошашковский помещик и поручик в отставке Петр Афанасьевич Вилинбахов, состоявший также предводителем местного уездного дворянства, неоднократно пытался вмешиваться в личную жизнь своих крестьян, придерживавшихся «древлего благочестия». Из-за этого у Вилинбахова возник с наставником Самуилом Карпелем серьезный конфликт. Помещик самовольно распорядился о закрытии Репищанской моленной в конце июля 1832 г., после чего крестьяне подали на него в суд. «Известясь мы, — писали крестьяне, — что Помещик Порутчик Петр Вилинбахов... без всякой причины велел крестьянам своим замкнуть часовню, что и исполнено а ключи отвезены к нему и воспрещает нашему Старообрядческому Наставнику в оной деревни проживающему Самуилу Карпелю отправлять богослужение и другие требы, а как в текущем богородецком poste многие ходят прихожаны в Часовню к Наставнику на дух (т. е. на исповедь. — К. К.) и в праздничное время на богослужение, а по случаю замкнутия упомянутой Часовни все то г. Вилинбаховым приостановлено, для того объявляя о сем оному Суду, покорнейше просим учинить распоряжение, чтобы вышеписанная Часовня была в поспешнейшем времени отомкнуть и впредь нас и Наставника нашего защищать» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6875. Л. 40–40 об.].

Земский суд, рассмотрев дело, постановил: помещику Вилинбахову ключи отдать и впредь препятствий старообрядцам не чинить. Дело, однако же, на этом не кончилось, поскольку местное духовенство также было далеко не в восторге от существования в Невельском уезде «раскольнической моленной», управлявшейся грамотным и авторитетным духовным наставником. Очередной донос в Невельский земский суд поступил уже 1 августа 1832 г. от Андрея Белинского, иерея Плисской церкви, который, в частности, писал:

«Духовный мой сын помещик и кавалер Петр Афанасьевич Вилинбахов просил меня считать законным браком по обряду православной нашей Церкви крестьян его раскольнической ереси на законном основании, между тем, узнавши о сем, наставник означенной ереси, проживающий в деревне Репищах Самуил Васильев, прибыв ко мне в дом 30-го истекшаго июля, дерзосно с угрозами воспрещал венчать прописанной ереси крестьян, на том основании, что якобы в оном Суде получен Указ, разрешающий венчать ему таковые браки, поелику же мне неизвестно, по какому праву оный наставник совершает разные требы, как то крещение, погребение и самое Богослужение в моленной, в которой, как осведомил я, ныне вопреки законнаго постановления произведена починка... почему оный суд покорнейше прошу, истребовав вышеозначеннаго наставника за учиненную мне грубость и за исправление им треб внутри моего прихода и тем незаконное прикосновение к моим прихожанам равно за самовольную произведенную починку, поступить с ним по законам...» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6875. Л. 37–37 об.].

Итогом этого доноса духовного лица стало то, что в 1836 г. и Самуил Карпелев, и его двоюродный брат, служивший при моленной в Репище псаломщиком, Федор Карпелев вместе с другим наставником из д. Торчилово Феодосием Матвеевичем Сотниковым (о нем речь пойдет впереди) оказались в Невельском тюремном замке. Отсюда их отправили в Витебский острог. Там они еще некоторое время содержались под стражей.

Из Невельского тюремного замка Самуил Васильевич и Федор Ильич Карпелёвы отправили послание своему покровителю в Санкт-Петербург. Сохранились собственноручные письма (черновик и беловой вариант), писанные рукою Федора Карпелёва санкт-петербургскому купцу Луке Ильичу Беякову, проживавшему в Санкт-Петербурге, в Московской части 2-го квартала, под № 316-е:

«Господи Иисусе Христе Сыне Божии помилуй нас аминь;

Премногомилосерднейшии и боголюбивыи прещедрыи сироткии отец и благодетель наш Лука Ильич и Наталья Левонтьевна

Жалаем мы честности вашей всякаго благополучия телеснаго здравия и душевнаго спасения мы несчастныи неவில்скии мещане многогрешныи духовник Самуила Васильев и псаломщик его сродник брат Федор Ильин Карпелёвы, содержащиися в Невильской городской тюрьмы в заключении падше пред стопы честнейших ног ваших заочно со слезами земно кланяемся.

При сем же уведомляем вас премилосерднейшии наши благодетели Лука Ильич и Наталья Левонтьевна что мы имели счастье получить от честности вашей заключенный за православных христиан и за веру христианскую чрез нашего ж благодетеля неவில்скаго мещанина Петра Яковлева Полетаева тридцать рублей для посещения нас несчастных и заключенных, и для поминовения покойнаго вашего любезнаго и единокровнаго сына Трифона Лукича за что мы многогрешныи приносим вам нашу чувствительнейшую благодарность, и должны приносить пред Создателем нашем ежадневно и ношно наши грешныи молитвы о вашем здравии и долголети и всяком благополучии, а наипаче о спасении души и должны поминать вашего единокровнаго покойнаго сына Трифона Лукича по гроб жизни нашей; Премилосерднейшии и христоролюбивыи наши благодетели, Лука Ильич и Наталья Левонтьевна невозможна ли вашей честности преподать нам руку помощи Христа ради не оставить нас несчастных заключенных мы содержимся ужа другой год чрез что пришли в самоебеднейшее положение; а теперича верно обещающа нас освободить из заключения, только бы имели с нас пятьсот рублей...» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6875. Л. 35–35 об.].

По-видимому, помощь из столицы была получена, поскольку спустя некоторое время заключенные наставники из-под стражи были освобождены.

Вновь мы находим имя репищанского наставника несколько лет спустя, в 1843 г. «Дело о данном Витебским Губернским Правлением раскольническому наставнику Карнелю (sic!) дозволении совершать раскольнические браки» было заслушано 22 декабря 1843 года на заседании Священного синода, а затем представлено на решение министра внутренних дел Л. А. Перовского [РГИА. Ф. 796. Оп. 124 — 1843 г. Д. 242], который посчитал решение Витебского губернского правления о дозволении наставнику Самуилу Карпелю «совершать брачный венец раскольников» «неосновательным», о чем не замедлил сообщить об этом генерал-губернатору Витебскому, Могилевскому и Смоленскому П. Н. Дьякову. При этом министр просил генерал-губернатора проследить за тем, чтобы местное начальство вверенного ему края не выдавало старообрядцам никаких письменных свидетельств «по предмету содержаемой ими ереси». В результате решение Витебского губернского правления, принятое ранее, было отменено.

Также обращались репищанские староверы и к министру духовных дел и народного просвещения Сергею Семеновичу Уварову. 28 мая 1843 г. на его имя поступило «всепокорнейшее прошение» от прихожан «старообрядческого общества» Николаевской моленной в

д. Репищах помещика Вилинбахова. Просители через своего уполномоченного невелиского 3-й гильдии купеческого сына Филата (Филиппа) Екимова Смирнова обращались к министру с просьбой разрешить их наставнику Самуилу Карпелю отлучаться для исправления треб в другие деревни, а также разрешить им починку моленной, находящейся в деревне Репищах. Кроме того, старообрядцы просили разрешить их наставнику совершать в Николаевской часовне браки для тех лиц, которые воспитаны в старообрядчестве и происходят от предков старообрядцев.

С. С. Уваров препроводил прошение министру внутренних дел Л. А. Перовскому, который 24 июня 1843 г. писал исправляющему должность витебского гражданского губернатора, что «сказанныя домогательства их (просителей. — К. К.) не заслуживают уважения» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 200 — 1843. Д. 131. Л. 4 об. — 5].

Вновь имя Самуила Карпеля появляется в очередном деле о «сворачивании в раскол» в 1850 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 205 — 1850. Д. 703]. Это дело, как и многие предыдущие, было открыто по доносу священника господствующей церкви. На этот раз, правда, обошлось без серьезных последствий. «Совращенные» крестьяне Игнатенковы были отосланы для увещевания к духовному начальству, а сам Карпель и привлеченный к делу пристав 2-го стана Суражского уезда Витебской губернии Салатко-Петрищев были освобождены от суда и последующего взыскания.

Однако к концу николаевского царствования тучи над русским старообрядчеством стали сгущаться все больше и больше, и 20 апреля 1852 г. моленная в Репище была запечатана. При этом Самуил Карпелев вместе с Федосеем Сотниковым вновь были арестованы и оказались в Невельском тюремном замке, а затем — в Витебском. И тогда репищанские староверы решились обратиться к самому императору Николаю I (прошение было подано во время путешествия монарха):

**«Всеавгустейший Монарх!
Всемиловитивейший Государь!
Витебской Губернии Невельскаго
Уезда Старообрядцев нижеподписавшихся
Всеподаннейшее Прошение. —**

Вера наша Старообрядцев внушена и передана нам предками нашими от непамятных времен, и в оной предки наши и мы яко верноподаннные Престолу России и отечеству, будучи русским древним народом всегда повиновались — Царям изданным нам от Бога, все наши услуги посвящали и посвящаем с усердием верою и Правдою к Престолу и отечеству и даже не щадя жизни в Военной Службе находящиеся защищали и готовы защищать честь Русскаго имени, поведение наше трезвое трудолюбивое и примерное, умоляли предки наши и мы умоляем Всевышняго Творца за Царей и Августейший Дом их начальство и весь Русский народ и всегда постоянно находили от Престола России защиту и Покровительство.

Нынеже местное Начальство преследует нас для того лишь — только дабы мы изменили Всевышнему Творцу в Вере нашей и тем Правилам которые предками нашими вдохновенно укреплены в чувствах наших несогласяющихся к измене и чрез это самое мы совершенно изнурены <,> семейства наши и имущества до крайней мере раззорены и мы с Семействами нашими приходим уже в самое беднейшее положение, а некоторые находятся под Арестом в Земской

Полиции, Часовня наша находящаяся Невельскаго Уезда в деревне Репище Во имя Чудотворца Святаго Николая, в которой мы Ежечашно приносим Молитвы Всевышнему Творцу о Всеавгустейшем Монархе, Августейшем Думе и всей России <, > 20 Апреля сего года опечатана Чиновником особых Поручений Помещиком Здешняго Уезда Графом Милленным, которая оставлена без всякаго призрения Наставников наших Федосея Матвеева Сотникова который имеет более Ста лет и совершенно изувеченный по повелению Графа Миллена и 2-го Самуилу Васильева Карпелева тогоже 20 Апреля взяли и были содержимы под стражею в Невельском Тюремном Замке а в последствии представлены в Витебский таковой же где и ныне находятся, требы наши, то есть приношение молитв Всевышнему творцу — погребение умерших и окрещение младенцев остаются по обряду нашему в неисполнении.

Всеавгустейший Монарх!

Столь мучительныя терпения предприяли нам смелость прибегнуть под кров Вашего Императорскаго Величества, внемли гласу страждущих древних русских Верноподданных твоих, озри светом истины твоей, какой изменитель Богу в Вере и правилах чувств своих может быть верен Престолу и отечеству России. — Повели оставить нас в Веровании и обрядах наших, по прежнему, а мы всю жизнь нашу посвящали, посвящаем и должны посвящать за тебя Милосерный и добродетельный Монарх!

Всеавгустейший Монарх!

нами заготовлены к подаче 3 по Сему предмету Всеподданнейшие прозьбы по причине той, когда были жители Невельскаго Уезда осчастливлены в Сентябре месяце путешествием Вашего Императорскаго Величества, и некоторые были приготовившись к подаче Всеподданнейших прозьб в числе коих и мы находились на Станции Невельскаго Уезда Устье, то Становой Пристав 2 Стана насильным образом отобрав у нас всеподданнейшую прозьбу причинил своеручно побои — изъязв под Арест где пробыли несколько Суток...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 207 — 1852 г. Д. 233. Л. 6–7 об.].

Делу был дан ход, однако в результате наведения всевозможных справок по этому вопросу министр внутренних дел Д. Г. Бибииков 20 марта 1853 г. дал указание генерал-губернатору Витебскому, Могилевскому и Смоленскому князю А. М. Голицыну, чтобы тот объявил «раскольникам-просителям», что прошение их о распечатании моленной в Репище «удовлетворению не подлежит» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 207 — 1852 г. Д. 233. Л. 20 а].

Наконец, в очередном деле, открытом против староверов в 1858 г., мы находим сообщение о том, что духовный наставник Самуил Васильевич Карпель скончался в последних числах декабря 1857 г. После себя он оставил «наместником» мещанина Александра Трофимовича Савина, проживавшего в д. Подмолодь, принадлежащей к имению помещика Николая Шишки. Перед своей кончиной Самуил Васильевич благословил Александра Савина, и тот «как слышно, уже вступил во все права умершаго коновода, как то: крестит, погребает и молитвословит» [НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 29792].

4. Спиридон Макарович (Макарьев) (ок. 1757 — между 1860 и 1863)

Спиридон Макарович жил и служил в д. Большой Пружинец — сначала помощником наставника, а затем настоятелем. В этой деревне на протяжении XVIII — первой половины XX в. образовался и действовал самый крупный духовный центр старообрядцев-федосеев-

цев, проживавших на севере Невельского уезда, а также в соседнем Великолуцком уезде. Первоначально эта местность входила в состав Речи Посполитой, а затем, после первого ее раздела, вошла в состав Рыкшинской волости Невельского уезда Витебской губернии. Вполне возможно, что первоначально это был своеобразный перевалочный пункт, где могли остановиться бежавшие в Польшу староверы, ведь граница с Россией проходила по живописному, усыпанному множеством островов озеру Язно, которое располагается в этих краях. Возможно, многие здесь и оставались — в округе существовал целый куст деревень (несколько десятков), населенных староверами. В Большом Пружинце, принадлежавшем сначала помещикам Кардо-Сысоевым, а затем Соколовским, находилась знаменитая феодеесевская моленная, освященная во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Первые пружинские наставники упоминаются еще среди невеличких участников Польского собора 1751 г. — Сергей Тиханов, Иван Иванов и Ермолай Фокин.

Спиридон Макарович родился около 1757 г. Вот какие биографические сведения о нем содержатся в показаниях, записанных с его собственных слов в 1857 г. по поводу дела о «составлении в раскол» крестьянки Невельского уезда помещика Ханыкова Натальи Трофимовой: «Около 100 лет. Крестьянин помещика Сысоева. Холост, грамотен, под судом не состоял. Живу в деревне Большом Пружинце в собственной избе. Занимаюсь хлебопашеством. Раскольник безпоповщинского толка. У исповеди бываю ежегодно у наставника Захария Леонова Сморгыгина, живущего в Себежском уезде в деревне Обители. Наставником служу братии своего согласия лет 20-ть; наставником поставлен полоцким мещанином Иваном Архиповым (ныне уже умершим). Книг не имею кроме Часовника и Каноника, ибо все книги отобраны бывшим исправником Бобитенским. Прихожан имею около трех сот душ; они живут в деревнях показанных моим помощником Федором Федоровым (Большой и Малый Пружинец, Теплухино, Мельница, Петраши, Иванищево, Ровно, Мануково, Ужакино, Жуково, Хлупикино и Ерово. — К. К.). На Богомоление собираются люди нашего согласия ко мне в дом... На принятие Единоверия я прежде сего был увещиваем, но пред смертию изменять вере отцов своих не желаю...» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1266. Л. 165–165 об.].

Однако эти показания значительно разнятся с показаниями, данными Спиридоном Макаровичем в 1852 г. В них говорится, что ему 75 лет (т. е. дата рождения приходится на 1777 г.),

«назад тому лет 20 поступил в наставники за благословением бывшего наставником (ныне умершего) одновотчинного со мною крестьянина Ивана Иванова и с того времени все раскольнические требы исполняю в моленной как то новорожденных крещу, мертвым отпеваю погребение, в моленной служу по праздникам заутреню, часы и вечерню и наконец отправляю панихиды и молебны; но бракосочетание раскольников лиц обоего пола не совершаю...» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 8694. Л. 75].

Впервые имя Спиридона Макарьева упоминается в полицейских делах начала XIX в., когда он был еще помощником наставника. В ноябре 1801 г. скончался глава известного семейства опочецких купцов Егор Сергеевич Песьяцкий. 28 ноября состоялось его погребение, отслуженное особо торжественно, что послужило поводом для нового следственного

дела против староверов. О том, каким уважением и влиянием пользовался покойный, говорит тот факт, что на погребение прибыли пятеро староверческих наставников и служителей из соседних Невельского и Себежского уездов. В указе из Псковской духовной консистории в Опочечское духовное правление сообщались подробности этого события:

«погребение отправляли не освященные простолюдины а именно: Невельскаго уезда помещика Ивана Сысоева крестьяне деревни Пружиц (sic!) Иван Иванов, Ермолай Фокин, Спиридон Макарьев и Федор Васильев, да Себежскаго уезда помещика Варфоломея Долифечева деревни Рубежника Иван Потапьев, кои по требованию оногo правления (Опочечкогo духовногo правления. — К. К.) по присылке от тамошнягo городничего Арбузова в допросах признались, что они содержат веру старообрядческую и находятся в секте называемой безпоповщина; отправляли же над означенным Песьяцким погребение по требнику Иосифскому при чем перьвой из них, то есть Иван Иванов занимал место настоятеля, а прочие его товарищи были чтецами и певцами; а как де таковое погребение было отправляемо хоть и в доме помянутого Песьяцкаго; но однако причинило в народе великой соблазн, для того правление отдав оных раскольников на росписку впредь до возтребования, просило между тем резолюции, что с ними и впредь с подобными им чинить следует» [ГАПО. Ф. 369. Оп. 1 Д. 986. Л. 1].

Арестованные наставники были допрошены и на допросе показали:

«1. Подлинно зовут его Иван сын Иванов, отроду ему 75 лет, веру содержит христианскую старообрядскую, в которой и прадеды его находились, крестьянин Невельскаго уезда деревни Пружиц помещика Ивана Григорьева сына Сысоева. И находится в секте называемой безпоповщина настоятелем. Сего ж ноября 28 числа по случаю смерти опочецкаго купца Егора Песьяцкаго находившагoся также в старообрядчестве был позван с крестьянами оной же деревни таковыми ж старообрядцами, Спиридоном Макаровым, Федором Васильевым и живущим в той же деревни помещика Николая Шишкина крестьянином Ермолаем Фокиным на погребение, при котором и занимал место настоятеля, а прочие его товарищи были чтецами и певцами, и оное погребение отправляли по требнику Иосифовскому. Все ж они пятеро записные старообрядцы платившие двойной оклад, в чем и показал он Иванов по сущей справедливости.

2. Ермолай Фокин. 3. Спиридон Макаров. 4. Федор Васильев крестьяне помянутой деревни Пружиц показали, что они также старообрядцы согласно с вышеозначенным крестьянином Иваном Ивановым по сущей справедливости» [ГАПО. Ф. 369. Оп. 1 Д. 986. Л. 7–7 об.].

В деле 1827 г. о «двух крестьянских женках Анне Ивановой и Федосье Степановой, впадших в раскольничью ересь» Спиридон Макарович уже упоминается как наставник [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1827 г. Д. 28]. Упомянутые «крестьянские женки» состояли в удельном Вязовском приказе деревни Болондиной (Великолуцкого уезда) и были «сращены в раскол» Спиридоном Макаровичем. В 1828 г. они вновь были присоединены к новообрядческой церкви.

Духовные наставники Пружинской моленной совершали требы, крестили и исповедовали не только на территории Невельского уезда, но постоянно посещали соседние уезды Псковской губернии — Опочечкий и Великолуцкий. Об этом свидетельствует достаточно большое количество дел, открытых в связи с «сращением в раскол». Так, 6 мая 1843 г. секретарь Псковской палаты уголовного суда обратился в Витебское губернское правление

по поводу «сращения в раскол» крестьян деревни Загаек Вязовской волости Великолуцкого уезда. Ссылаясь на показания крестьянина Вязовской волости Лариона Максимова, секретарь сообщал, что «в Невельском уезде помещика Кардо Сысоева в деревни Пружинца есть наставники Спиридон Макарьев и бывший Сокольничких ксензов деревни Ситочина Кондратий Иванов, кои по их обряду совершают требы», и предложил иметь за ними «неослабный надзор, чтобы они не отлучались из своего уезда и не были соблазном к распространению раскола» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 7645. Л. 1 об.]. 24 июня 1843 г. у упомянутых наставников неveltским земским исправником была взята подписка о «невывытии их в Великолуцкий уезд», а за самими наставниками был установлен строжайший полицейский надзор [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 7645. Л. 4].

Еще одно аналогичное дело было возбуждено против пружинских духовных отцов в 1852 г. в связи с доносом, поданным священником деревни Заволочье (Опочецкий уезд) Михаилом Красноумовым. Об этом доносе мы уже упоминали выше в связи с личностью обительского наставника Захара Леоновича Смарыгина. 17 июня того же года витебский гражданский губернатор сообщал витебскому военному губернатору:

«Управляющий Псковскою Епархией Платон Архиепископ Рижский, 13 июня № 2881 уведомляя меня, что Великолуцкаго уезда погоста Вяза, священник Иосиф Златинский донес Его Высокопреосвященству, что будто бы многие из Вязовских крестьян-раскольников ездят в моленные существующия в деревне Пружинцах, Витебской Губернии Невельскаго Уезда, просит моего распоряжения, чтоб раскольники Псковской Губернии не были пропускаемы и принимаемы в помянутыя моленные. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, не оставить сделать распоряжение, согласно с означенным требованием Преосвященного Платона» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1334. Л. 81–81 об.].

Витебский военный губернатор князь А. М. Голицын отдал неveltскому земскому исправнику распоряжение об учреждении незамедлительно строжайшего секретного надзора за старообрядческими наставниками. Но этого полицейским властям показалось недостаточно. В воскресенье 6 июля 1852 г. неveltский земский исправник, предполагая застать староверов врасплох, лично посетил моленную в д. Большой Пружинец, однако обнаружил ее запертой. Взломав замок и осмотрев моленную (которая, по его мнению, находилась в аварийном состоянии), он снова ее запер и опечатал своей печатью. Наставника Спиридона Макаровича и его помощника Федора Федоровича дома не оказалось. Через «секретный розыск» исправник узнал, что они отправились в Вязовскую волость, где в этот день «отправлялось Богомолествование по случаю существовавшей там ярмарки». Однако отправиться в другую губернию для «преследования и отыскания» исправник уже не имел полномочий. Из другого дела мы знаем, что Спиридон Макарович был арестован в Великолуцком уезде местными властями, но из-под ареста сбежал 18 апреля 1854 г. и снова оказался в Невельском уезде.

В 1853 г. дело о Пружинской моленной дошло до самого царя, и по личному указу Николая I она была уничтожена как «противозаконно исправленная». Иконы, книги и богослужбная утварь были препровождены неveltским земским исправником 17 июля 1853 г. в Полоцкую духовную консисторию, где пролежали под спудом в течение шести лет.

Тем не менее, несмотря на уничтожение моленной, духовная жизнь в Большом Пружинце и его окрестностях не прервалась, и местные наставники продолжали свою достаточно активную духовную деятельность. 1 декабря 1856 г. было начато дело о Спиридоне Макарьеве, судимом за

«именование себя раскольническим наставником», однако решением Витебской уголовной палаты, состоявшимся 19 декабря того же года и утвержденным витебским гражданским губернатором, Макарьев от ответственности был освобожден «Всемилоостивейшим Манифестом 27 Марта 1855 ст. VI и 26 Августа 1856 года статьи XIX» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 211. Д. 340. Л. 441 об. — 442].

4 января 1857 г. чиновник канцелярии начальника Витебской губернии Ивановский доносил, что «со времени уничтожения сей моленной окружные раскольники, по собственному сознанию допрошенных из них и по свидетельству окольных православных жителей, собираются для богомоления, отправляемого им упомянутыми коноводами (имелись в виду наставник Спиридон Макарович и его помощник Федор Федорович. — К. К.), большею частью в избу жителя деревни Пружинцев Власа Меркурьева, как более обширнейшую в этой деревне, а иногда и в дом самого наставника Спиридона Макарьева. Хотя по произведенному нами в домах сих осмотру не оказалось настоящего устройства моленных, но это обстоятельство объясняется показаниями некоторых, что раскольники, на время отправления богослужения, приносят с собой в те дома иконы и, по окончании онаго, разбирают их снова по домам» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1334. Л. 136–136 об.]. Наставник Спиридон Макарович, «кроме отправления общественных раскольнических богомолений, обличен в исправлении раскольникам всех духовных треб, кроме брака, как то: крещении младенцев, принимании на дух и погребении умерших, совершаемом торжественно, при собрании народа и с пением». В рапорте чиновника Ивановского отмечалось, что погребение совершалось с разрешения станового пристава 2-го стана Войно-Оранского, которому также два раза в год наставник доставлял метрические записи о родившихся и умерших. В том же 1857 г. кафедральный протоиерей Иосиф Гумилев пытался снова «увещеваниями» склонить наставника Спиридона Макаровича и его помощника к принятию единоверия, но те снова отказались. Кроме того, Спиридон Макарович сказал, что без согласия и совета своего духовного отца, наставника деревни Обители Захария Смарыгина «ничего решительно ни сказать, ни сделать не может».

Новое дело в отношении Спиридона Макарова и его сподвижников Федора Макеева и Федора Федотова было начато 4 ноября 1858 г. Названные в деле старообрядческие наставники обвинялись в «сворачивании» и «перекрещивании из православия в раскол». Однако дело это Псковской судебной палатой вскоре было решено (16 декабря того же года), и по нему было вынесено такое заключение: «крестьян Макарова и Федотова в перекрещивании в Вязовской волости крестьян и детей их, как совершенно недоказанных, по силе 1177 ст. XV т., оставить в подозрении» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 214. Д. 191. Л. 59 об.].

3 февраля 1859 г. было начато еще одно (по-видимому, последнее) дело о крестьянах помещика Соколовского Спиридоне Макарьеве и Федоре Федорове, «судимых за распространение раскольнической ереси». Дело велось Витебской уголовной палатой, и 7 июля по

нему было вынесено такое решение: Спиридон Макарьев был освобожден, а Федор Федоров «оставлен в подозрении» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 215. Д. 185. Л. 141 об. — 142].

В делах, продолжавшихся до начала 1860 гг., мы еще встречаем имя маститого федосеевского наставника, однако, скорее всего, к тому времени он уже скончался: в 1863 г. в качестве пружинского наставника в следственных делах значится Федор Федорович Мокеенко.

5. Феодосий Матвеевич Сотников (ок. 1758⁴ — после 1853)

Еще один старообрядческий центр на территории Невельского уезда — это деревни, входившие в состав Серутской волости и образывавшие так называемую Серутскую парафию (приход). Здесь староверы появились уже в XVIII в. К 1803 г. относится первое документальное упоминание о староверах Серутской волости (в «репорте» архиепископа Белорусского Анастасия в Святейший синод от 22 мая 1803 г.) [РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 346]. Невельский земский исправник также упоминает в своем донесении на имя витебского губернатора от 6 октября 1826 г. в числе пяти старообрядческих часовен, находившихся на территории Невельского уезда, одну в имени Серутях, принадлежавшем помещику майору Матиасу [НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 478. Л. 19–19 об.]. Однако, как видно из других дел, в действительности моленных в этой местности было гораздо больше.

В частности, одна была в д. Торчилово, в доме местного авторитетного наставника Феодосия Матвеевича Сотникова. Имя Сотникова в первой половине XIX в. не раз встречается в делах Министерства внутренних дел. Так, еще в июле 1833 г. Витебское губернское правление, получив отношение Могилевской духовной консистории, предписало Невельскому земскому суду произвести расследование «о противузаконном совершении браков крестьянином Федосеем Сотниковым, который избран раскольниками Невельского уезда в наставники».

В ходе расследования было установлено, что

«крестьянин помещика Пятина Федосей Матвеев Сотников 68 лет, показал, что он в 1825 г. (в другом документе Сотников указывает 1824 г. — К. К.) избран прихожанами Серутской часовни в звание наставника, и для утверждения его в сей должности ездил он Сотников к наставнику Суражскому мещанину Рубину имеющему жительство в деревне Заборье (Полоцкого уезда. — К. К.), где и благословен им Рубиным в часовне в сей деревне состоящей, и с того времени исполняет по безпоповщинской секте все духовныя требы, а с 1830 г. совершает и раскольническия браки, которые все им записаны в книге, имеющейся у него в доме.

По вытребовании следователем от Сотникова означенной книги, поименованные в ней крестьяне при допросах показали (далее перечисляются имена опрошенных лиц. — К. К.)... что они все состояли в расколе и обвенчаны по раскольническому обряду наставником Федосеем Сотниковым в моленной, состоящей в деревне Торчилово.

Обстоятельства второго дела следующие:

В 1836 году Полотская Духовная Консистория уведомила Витебское Губернское Правление, что вышеупомянутый наставник Федосей Сотников увез тайным образом мещанскую девку Ирину Козьмину, перекрестил ее в раскол и обвенчал с сыном своим Иваном; сверх того он Сотников совратил в раскол солдата Степана Яковлева, находящегося в домовом отпуску, окрестил младен-

4 По другим данным — 1766 г..

ца, рожденного православною крестьянкою Марфою Федоровою, и устроил в деревне Торчиловой моленную, в которой производит богослужения» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1840. Д. 222. Л. 4–5 об.].

В ходе следствия наставник Федосей Сотников показал, что

«мещанская девка Ирина Козьмина вышла в замужество за его сына по добровольному согласию ея родителей и брак сей совершен крестьянином Антоном Петровым, но он Сотников ее Козьмину для сего тайным образом не увозил и в раскол не перекрещивал, а равно также и солдата Степана Яковлева в раскольническую секту не склонял и крестил ли младенца рожденного крестьянкою Марфою Федоровою не помнит; в деревне Торчиловой моленной не устраивал; и хотя при доме его находится особая новая изба но в ней никаких обрядов по секте своей не совершает» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1840. Д. 222. Л. 5 об.].

Крестьяне, опрошенные под присягой, в числе 12 человек объяснили, что наставник Федосей Сотников, как известно им, «совершает браки православных лиц с раскольниками и тем самым распространяет раскол почему они и признают его вредным для общества православных».

При освидетельствовании устроенной наставником Сотниковым в деревне Торчиловой моленной, названной им в показании «особою избою», оказалось, что она построена посреди деревни,

«в коей поставлены на полках в большом количестве медные кресты, писанные на дереве образа и восковые свечи.

Невельский Уездный Суд мнением по сим делам полагает: устроенную наставником Сотниковым моленную уничтожить до основания и объявить всем единомышленникам его, чтобы они совершали браки свои в дозволенных начальством моленных чрез известных ему наставников, а не самопроизвольно избранных, наставника же Сотникова за соращение в раскол солдата Степана Яковлева и невестки своей Ирины Козьминой как вредного распространителя своей ереси отослать для водворения в Закавказския провинции.

Витебская Уголовная Палата, обревизовав дела сии, решительным определением своим утвержденным состоящим в должности Гражданскаго Губернатора заключила: по 1-му уничтожение устроеннаго наставником Сотниковым моленнаго дома или особой избы предоставить рассмотрению Губернскаго Правления не входя в суждение о браках совершенных им между раскольниками по званию наставника. По 2-му упомянутаго наставника Сотникова по недостатку на него доказательств в соращении в раскол солдата Яковлева оставить в подозрении и за венчание им сына своего раскольника на раскольнике же как тут не заключается преступления не подвергать его ответственности» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1840. Д. 222. Л. 8–9].

В заключении Управляющего министерством внутренних дел предписывалось:

«1. О браках, заключенных наставником Сотниковым между лицами состоящими в расколе, а равно о браке сына его Ивана с девкою Козьминою, состоящею в единоверии, совершенном крестьянином Петровым до состояния еще приведеннаго выше Высочайшаго повеления 7 июля 1835 г. в суждение не входить. 2. Наставника Сотникова, наводящаго на себя подозрение в соращении в раскол солдата Яковлева и виновнаго в устройении в д. Торчилове при доме своем моленной, выдержать в тюремном замке два месяца, подтвердив ему потом, что если он после

состоявшегося об нем в 1836 году Положения Комитета Г. Министров, на основании которого обязан подпискою о нераспространении сектаторских правил своих, будет еще замечен в каких либо противозаконных действиях по содержимой им ереси, клонящихся ко вреду Православия, то с ним поступлено будет по всей строгости законов, как с явным распространителем раскола; местной же Земской полиции поручить иметь за образом жизни его Сотникова строгое наблюдение... 5. Моленную, устроенную Сотниковым, запечатать, поручив Губернскому Начальству на точном основании Высочайшаго повеления 5 мая 1839 года представить Министерству Внутренних Дел мнение, как предположено будет поступить с нею далее» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1840. Д. 222. Л. 11–14].

5 августа 1841 г. на заседании Комитета Министров была слушана записка Управляющего МВД по делу Сотникова. Комитет утвердил заключение управляющего.

27 марта 1842 г. в прошении на имя министра внутренних дел Феодосий Сотников просил освободить его от содержания в тюремном замке, а внуков оставить в старообрядческой вере. Сверх того Сотников просил дозволить ему построить моленную в деревне Космачево. На это министр Л. А. Перовский 5 мая 1842 г. отвечал, что «просьба означенного Сотникова, как не заключающая в себе никаких новых обстоятельств, оказывается не подлежащею удовлетворению...», при этом министр поручал объявить ему, что «домогательство его о дозволении построить моленную в деревне Космичевой (sic!) противно существующим на сей предмет законоположениям» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1840. Д. 222. Л. 26–26 об.].

В аналогичных полицейских делах того времени находим дополнительные сведения о наставнике Федосее Сотникове. Так, в деле 1835 г. упоминается действовавший в этом регионе и уже упоминавшийся выше репищанский наставник Самуил Васильев (Карпелев), а также наставник из деревни Торчилова Федосей Матфеев Сотников [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6760]. В другом деле 1836 г. упоминаются как уже умершие к этому времени местные наставники Фома Ананьев и Филипп Иванов, а также ныне действующий наставник Феодосий Матвеев (Сотников) [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 303. Л. 5].

К 1835 г. относится следующая информация о Феодосии Сотникове: в прошении из Полоцкой духовной консистории в Витебское губернское правление упоминается о том, что в д. Торчилове, относившейся к имению Пятиных, не более шести лет назад была выстроена новая моленная без всякого на то дозволения сверху. В этой моленной Феодосий Сотников освящал «живописные артосы, раздаваемые по раскольникам, которые, как надобно разуметь, употребляемы были раскольниками вместо причастия» [НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6760. Л. 41–41 об.]. По-видимому, здесь под «живописными артосами» имелись в виду выпекаемые староверами и искусно ими украшавшиеся пасхальные куличи. Поскольку Торчиловская моленная располагалась среди православного населения (в основном это были вновь присоединившиеся к официальной церкви старообрядцы), духовные власти просили ее уничтожить, дабы она не служила «раскольникам подкреплением, а обращенным к церкви соблазном».

Местные староверы поддерживали связи со своими единоверцами из соседнего Полоцкого уезда. Так, суражский мещанин и старообрядческий наставник из д. Заборье Исай Петрович Рубин (ум. 4 августа 1848) упоминался в делах о «совращении в раскол» как при-

частный к этой деятельности. Полицейские власти предписали доставить Рубина для дачи показаний в Невель, однако в связи с тяжелым состоянием его здоровья сделать это не удалось. Феодосий Сотников в суде отрицал все возводимые на него обвинения и по судебному приговору был отослан в июне 1835 г. в Невельский тюремный замок.

В Невеле, однако же, Сотников пользовался достаточной свободой: «шатался по городу Невелю и имел сообщение с последователями своими раскольниками». При этом у него была возможность исполнять требы и совершать богослужения совместно с репищанским наставником Самуилом Карпелем, также отосланным в Невельский тюремный замок в октябре 1835 г.

Между тем Торчиловская моленная, выстроенная Сотниковым, была уничтожена до основания, как сообщал невельский земский исправник 17 ноября 1836 г. в Витебское губернское правление.

В 1836 г. генерал-губернатор Смоленский и Белорусский сообщал министру внутренних дел о наставнике Федосее Сотникове следующие сведения:

«Сей Сотников и прежде был судим по оговору крестьян Помещика Буйницкаго Сильвестра Тимофеева и Савелия Евстафьева в крещении их детей с чем дело, по решению 27 Июля 1835 года Витебскою Уголовною Палатою, представлено Гражданским Губернатором на рассмотрение Вашего Превосходительства» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 1 об. — 2].

Далее сообщалось, что репищанский наставник Самуило Карпель и дьячок его Федор Карпель «состояли под судом и по приговорам подвергались телесному наказанию, а именно: Федор Карпель в 1823 году, за переписку с беглыми людьми наказан плетьюми 20-ю ударами; а Самуило Карпель в 1834 году, за распространение раскольнической ереси крещением в оную младенцев Грекороссийскаго и Унитскаго исповеданий, наказан также плетьюми 20 ударами, и в 1835 году подвергся суду по двум делам, по одному, вместе с Наставником Федосеем Сотниковым, за крещение крестьянских детей Помещика Буйницкаго... а по другому один, за принятие в раскол не подлежащих лиц...». В деле также упоминается Егор Симанов — «раскольничий дьячек, дававший в 1835 году молитву и имя новорожденному дитяти Василисы Николаевой» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 2–2 об.].

После проведения следствия Невельский уездный суд вынес следующий приговор:

«Разпространителей раскола крестьянина Федосея Сотникова, добровольно повинившагося в крещении детей Василисы Николаевой, и мещанина Самуила Карпеля, изобличеннаго в крещении младенца Агафона, за негодностию к военной службе... послать тоже в Закавказския провинции для водворения... Мещанина Федора Карпеля не сознавашагося в восприемничестве сына Николаевой Агафона, по силе 110-й статьи XV тома свода законов, оставив в подозрении, отдать под всегдашний надзор Городской Полиции» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 3].

Однако дело на этом не закончилось.

«Депутат со стороны Грекороссийскаго Духовенства Витебский Протоиерей Стефанович, вошел 1-го Июня сего 1836 года в Палату с отзывом, в котором изъяснив, что наставники Федосей Сотников и Самуило Карпель приговоренные Уездным Судом к ссылке в Закавказския Провинции, питаются крепкою надеждою быть освобожденными от сего наказания, будучи подкре-

племя в сем какими-то Витебскими Магнатами, долженствующими участвовать в решении их судьбы, и для успеха в сем раскольники Невельского Уезда, как достоверно слышно, делают денежный сбор, не щадя ничего, чтобы только освободить своих собратий, в чем если успеют, то тогда неостанется ни малейшей надежды, нетолько к присоединению раскольников к Православию, но и к утверждению прежде присоединенных, просил, приняв сие обстоятельство в соображение, на основании 192 статьи XIV тома свода законов, сослать означенных Наставников Сотникова и Карпеля, как вредных и опасных для Православия, в Закавказския Провинции» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 5 об. — 6].

Архиепископ Полоцкий и Витебский Смарагд в своем отношении к генерал-губернатору Смоленскому и Белорусскому писал, что

«одна из главнейших причин, препятствующих обращению, как совратившихся во множестве из Православия в раскол, так и коренных раскольников по Невельскому Уезду, есть пребывание в том Уезде наставников Сотникова и Карпеля; что малейшая поблажка им нетолько лишит всей надежды Епархиальное Начальство к присоединению раскольников вновь и к утверждению уже присоединенных, но еще послужит к вящему умножению совращений в раскол из Православия, итак уже до невероятности распространившихся по Невельскому Уезду» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 6 об.].

Поэтому архиепископ просил распоряжения генерал-губернатора об изменении мнения Уголовной палаты с тем, чтобы «оба означенные раскольничьи Наставники сосланы были в Закавказския области». К тому же полоцкий архиерей напомнил, что наставник Сотников, кроме настоящего, имел отношение еще к четырем другим делам, «имеющимся в виду Духовной Консистории и подлежащим исследованию».

Архиепископ Смарагд представил разные бумаги, в том числе два письма Федора Карпеля, «в коих между прочим видно, что их соглашаются освободить из под стражи, только бы представили 500 р.». При этом Смарагд присовокупил, что

«раскольничьи наставники Сотников и Карпель, хотя и содержатся под стражею, но по невниманию и упущениям местного Начальства, отправляют в домах раскольничьих богослужения, что раскольникам сим сообщаются от лиц, служащих в Невельском Земском Суде, даже секретные начальственные предписания» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 7–7 об.].

Однако, несмотря на все старания духовного начальства отправить Феодосия Сотникова в закавказские провинции, резолюция министра внутренних дел графа Д. Н. Блудова от 29 ноября 1836 г. была иной:

«... как они (наставники Сотников и Карпель. — К. К.) при следствии ничем достаточно не изобличены в совращении кого-либо в раскол, или в крещении детей у Православных, то я нахожу, что нет основательного повода подвергать их столь строгому наказанию, но принимая во внимание, что сии наставники, пользующиеся как видно особенным уважением раскольников, действительно могут разъезжать по деревням для совершения треб, способствовать распространению раскола, что по крайней мере утверждает невежественных крестьян в их заблуждении, я полагал бы: 1) Феодосия Сотникова и Самуила Карпеля, от суда освободив, строжайше воспретить им ездить по соседственным деревням для исправления треб, обязав их в этом подпискою, а

равно и в том, что бы они отнюдь не осмеливались крестить детей, не удостоверясь в точности, что ни отец, ни мать не состоят или не состояли прежде в Православии и подтвердить им, что за нарушение сего они неминуемо подвергнутся наказанию по всей строгости законов» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 25 об. — 26].

На заседании Комитета министров 22 декабря 1836 г. это заключение министра было утверждено.

17 марта 1842 г. началось новое дело «Об устройстве раскольническим наставником Федосеем Сотниковым в роде хаты моленной». Сыном Сотникова Григорием в присутствии пристава 1-го стана Невельского уезда 22 марта 1842 г. были даны следующие показания:

«Зовут меня Григорием Федосеевым, прозванием Сотников, отроду имею лет 45, раскол, на духу каждогодно бываю у наставника, то есть своего отца Федосея Сотникова. Грамоты поруски немного знаю, под судом и в штрафах не был никогда, жительствоваю в деревне Кузминках, а по простому званию Торчилове, занимаюсь черною работою. Показываю: что более тому десяти лет, как отец мой находится наставником, коего благословил на исправление треб Старший Наставник, жительствовавший в местечке Сиротине Исай Петров Рубин, по прозьбе нашего раскольнического общества, ибо Исай по дальнему разстоянию не мог часто приезжать. Почему отец мой Федосей Сотников и исправлял все требы в бывшей часовне имения Серут при деревне Космачеве. Когда ту часовню по распоряжению Начальства совершенно разрушили и уничтожили, то была у отца моего для сей надобности устроена в деревне Торчилове, где ныне жительствоваем, особая изба, в коей не упомяну сколько лет исправлял требы. Когда же мой отец был взят чрез Земскую Полицию под суд за кieto совращение, то я оную по своей нужде уничтожив, а на место той очистив чрез сени стоящую избу и имевшия образы перенес. Когда же отец мой из под суда освобожден, то в этой избе, стоящей ныне чрез сени, поныне исправлял все требы и в праздничные дни, а также иногда и в воскресные. Приходят нашей веры но отнюд несовместныя к православию, коих отец мой не принимает, браков же никаких не сочетает, и особой моленной нигде устроенной нет, кроме этой, что чрез сени. — что и показав, я все сие по самой истине, а за лож подвергаю себя законному отведствию. — Крестьянин отыскивающий свободу из под владения помещиков Пятиных Григорий Федосеев Сотников руку приложил» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 32–33].

Однако, когда дело дошло до министра внутренних дел, тот приказал моленную уничтожить. Невельский земский суд доносил 29 мая 1843 г., что

«комната раскольнического Наставника Сотникова распечатана и внутренний вид моленной уничтожен. Сотникову внушено, чтобы он ни под каким видом раскольнической моленной и сборищ для богослужения заводить не осмеливался, в чем и взята подписка с него Сотникова и его семейства; — найденные же два медные кресты и семь малых восковых свечь отосланы в Полотскую Духовную Консисторию, а Приставу 1-го Стана предписано иметь строгое наблюдение за исполнением означеннаго Высочайшаго повеления» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. Л. 45 об.].

В донесении от 30 января 1845 г. состоящего в должности витебского гражданского губернатора министру внутренних дел говорится, что Сотников был отослан 5 марта 1842 г. к невельскому городничему и два месяца провел в тюремном замке.

Между тем деятельность торчиловского наставника Феодосия Сотникова на этом не остановилась. Витебский гражданский губернатор, сообщая 1 июля 1848 г. в своем донесении министру внутренних дел об обстоятельствах и последствиях предыдущего дела (от 1841 г.), о том, что наставник Федосей Сотников был выдержан два месяца в тюремном замке, а устроенная им в деревне Торчилове моленная запечатана, добавлял:

Между тем, в начале 1844 г., православное духовенство Полоцкой епархии обвинило раскольнического Наставника Сотникова в допущении сборищ раскольников, в устроенной в деревне Торчилове моленной, в разъездах по деревням для распространения раскола где в домах крестьян: Харлампия Евстафьева, Якова Афанасьева и Лаврена Федорова, собирал раскольников для дачи им поучений, в совершении браков крестьянам Помещицы Адмиральши Кроун, Михайле Сидорову с Настасьей Марковой, Ефиму Карпову с Степанидою Лазаревою и Меркурию Кирилину с Ириною Ивановою, и наконец в преподавании духовных треб крестьянам Помещиков Татищева и Буйницкаго, совратившимся из Православия в раскол: Петру Лавренову, Татьяне Федоровой, Ирине Ивановой, Артемию Артемьеву, жене его Василисе Николаевой и их детям: Агафону, Феклисту, Анне и Акулине, Татьяне Ивановой и ея детям Мойсею, Тимофею и Прасковье.

Произведенным, по распоряжению Губернского Правления, исследованием по сему предмету открыто: раскольнический Наставник Федосей Сотников на снятых с него 1 и 2-го Марта 1846 года допросах сознался в допущении в доме своем по воскресным и праздничным дням сборищ раскольников для молитв, в совершении в находящейся в деревне Торчилове моленной, которая в Петровом посту 1844 года Комшанским Пятисотским Борисом Леоновым вновь была распечатана, раскольникам всех духовных треб и в обвенчании крестьян Адмиральши Кроун: Ефима Карпова с Степанидою Лазаревою и Меркурия Кирилина с Ириною Ивановою; крестьянина же Михайлу Сидорова неповенчал с Настасьей Марковой, как объявил Сидоров, по малолетству невесты.

В разъездах по деревням для распространения раскола и в сборище раскольников в дома крестьян: Харлампия Евстафьева, Якова Афанасьева и Лаврена Федорова, для совершения им треб, Наставник Сотников несознался и к обвинению его, в деле достаточных доказательств нет. Хотя же Сотников несознался и в преподавании треб крестьянам, совратившимся из Православия в раскол, справедливость чего подтвердили спрошенные под присягою 12-ть человек, но это опровергается показаниями крестьян Помещиков Буйницкаго и Графа Татищева, Татьяны Федоровой, Татьяны Ивановой и Петра Лавренова, которые утвердительно при производстве исследования объявили, что они происходят от родителей Православного исповедания, совратились в раскол за что и были под судом, и что на духу бывают у Сотникова, и он преподает им всем духовныя требы. В прочем Сотников на повальном обыске в поведении одобрен.

Комшанский Пятисотский Борис Леонов на допросе показал, что он распечатал моленную, находящуюся в деревне Торчилове по приказанию Становаго Пристава Свирщевского; но сей последний в том несознался и обстоятельствами дела неуличен.

Невельский Уездный Суд мнениями 20-го Июня и 18-го Сентября 1847 года предположил, первым:

«раскольнического Наставника Федосея Сотникова за допущение в доме своем сборищ раскольников для молитв и за преподавание им духовных треб выдержать в Невельском Тюремном Замке два года; моленную, находящуюся в деревне Торчилове, подвергнуть сломке, обратив вырученные с продажи материала деньги в пользу Витебского Приказа Общественного Призрения, а пятисотского Бориса Леонова, виновного в распечатании означенно моленной, выдержать в Тюремь один год и как неблагонадежного удалить от настоящей его должности; Становаго-же Пристава Свирщевского к ответственности по сему делу непривлекать. И вторым: раскольнического Наставника Федосея Сотникова, виновного вопреки данной им 13-го Декабря 1842 года подписки, в допущении в доме своем сборищ раскольников для молитв, и в преподавании духовных треб крестьянам, совратившимся из Православия в раскол, лишить всех прав состояния и сослать на жительство в Закавказский край. Крестьян Графа Татищева: Петра Лавренова, Татьяну Иванову и Татьяну Федорову, сознавших в совращении из Православия в раскол, отослать к Духовному Начальству для увещания к обращению в Св. Веру. Крестьян Харлампия Евстафьева, Лаврена Федорова и Якова Афанасьева неповинившихся и неизобличенных следствием в допущении в домах их сборищ раскольников, к ответственности непривлекать. О крестьянах Артемье Артемьеве и жене его Василисе Николаевой, за состоявшимся об них 6-го Марта 1845 года положением Комитета Г. Министров, в суждение не входить; о совершенных-же Сотниковым браках крестьянам: Ефиму Карпову с Степанидою Лазаревою и Меркурию Кирилину с Ириною Ивановою, представить рассмотрению высшаго судебного места» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 203 — 1848. Д. 506. Л. 2–4 об.].

25 декабря 1848 г. в Департаменте общих дел МВД была составлена записка по данному делу, ознакомившись с которой министр внутренних дел Л. А. Перовский изложил свои соображения. В частности, он писал:

«Так называемаго раскольничьяго наставника Федосея Сотникова (90 лет) за устройство особой моленной и допущение в доме своем сборищ раскольников для молитвы, после сделаннаго ему о том воспрещения, хотя и следовало бы подвергнуть строгому наказанию, но по снисхождению к преклонным его летам выдержать его в тюрьме один месяц и затем водворить на место жительства, не дозволяя ему отлучаться куда либо иначе, как по письменным видам и для законных только надобностей» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 203 — 1848. Д. 506. Л. 34].

21 июня 1850 г. начальник Витебской губернии доносил министру внутренних дел о ходе исполнения решений Комитета министров:

«...так называемый раскольническим наставником Федосей Сотников еще невыдержан в тюрьме определенный в упомянутом положении срок, по случаю болезни о коей имеется и медицинское удостоверение, но как эта болезнь его продолжается около года, то делаю распоряжение о переосвидетельствовании его вновь» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 203 — 1848. Д. 506. Л. 44].

Очередное дело, связанное с Феодосием Сотниковым, относится уже к следующему после ареста году. Витебский губернатор сообщал министру внутренних дел от 9 августа 1852 г. о том, что 5 марта того же года Витебской палатой уголовного суда ему было представлено на рассмотрение дело об именующих себя раскольническими наставниками Иване Константинове (к тому времени уже умершем), Григории Петрове и Федосее Сотникове, «судимых за повенчание девяти браков крестьян помещика Князя Витгенштейна, обстоя-

тельства коего следующие...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 207. Д. 568. Л. 1]. (Нужно отметить, что на 1852 г. Федосею Сотникову было уже 95 лет.)

До того Полоцкая духовная консистория сообщала еще 30 июня 1845 г. Витебскому губернскому правлению о том, что крестьяне князя Витгенштейна, проживающие в приходе Лавицкой церкви, в числе 10 супружеств повенчаны «раскольническими наставниками», и просила произвести об этом следствие и виновных предать суду. По произведенному следствию обнаружено, что один из 10 браков был совершен православным священником Топорской церкви, уже покойным Антонием, а прочие в 1843 и 1844 гг. венчаны «раскольническими наставниками» Иваном Константиновым, Григорием Петровым и Федосеем Сотниковым.

Витебская уголовная палата решением, состоявшимся 27 мая 1852 г., определила: «...как именуемый себя раскольническим наставником Федосей Сотников, по решению палаты состоявшемуся 22 Ноября 1851 года, приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Закавказский край... меру наказания, определенную сими решениями оставить в своей силе...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 207. Д. 568. Л. 7 об. — 8].

Нужно сказать, что Феодосий Матвеевич Сотников был к тому времени уже совсем дряхлым старцем, о чем писал в 1853 г. архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (Лужинский): «Главный наставник раскольников в Поречьевском Благодичинии Феодосий Сотников слепой старик, проживающий Комшанскаго прихода в деревне Тарчилове; в преемники ему готовится внук его Иван, который уже разъезжает по всем раскольническим селениям, под разными предлогами, для требоисправлений» [РГИА. Ф. 796. Оп. 134. Д. 1934. Л. 25 об. — 26]. По-видимому, к середине 1850-х гг. Феодосий Сотников уже отошел в мир иной. Дело его продолжали его сын Григорий и внук Иван.

6. Михай Мокиевич Борковский (1783–1865)

«После Сотникова вторым почитается у раскольников наставником крестьянин Помещика Ханыкова деревни Борка Михай (Краснобережскаго прихода). Этот наставник, равно как и Сотников особенно уважаются раскольниками за то, что не раз были в остроге за противозаконныя действия по расколу» [РГИА. Ф. 796. Оп. 134. Д. 1934. Л. 26], — писал в упоминавшемся выше отчете архиепископ Полоцкий и Витебский Василий.

Это был весьма авторитетный наставник в Витебской губернии. За свою проповедническую деятельность он не раз привлекался к суду и подвергался тюремному заключению. Так, 20 сентября 1838 г. военный губернатор Витебска и одновременно витебский гражданский губернатор генерал-майор И. С. Жиркевич представил на рассмотрение министра внутренних дел графа Д. Н. Блудова приговор Витебской палаты уголовного суда, а при нем подлинное дело, открытое в отношении крестьянина помещика Ханыкова Михея Макеева Борковского и прочих крестьян Невельского уезда, которые были осуждены «за уклонение от православия в раскол».

Обстоятельства дела были следующие: крестьяне Невельского уезда помещика Ханыкова и барона Розена числом девять человек жаловались в 1836 г. управляющему Смоленской и Белорусской губерниями на правах генерал-губернатора, что заседатель Невельского

земского суда Верига «употреблял мучительныя меры при обращении их из раскола в Греко-российскую веру». При производстве следствия они были спрошены и показали:

«Михей Мокеев Борковский, 53 лет, раскольник, был под судом назад тому лет 20-ть; что в Декабре месяце 1835 г. управляющий имением помещика его Петр Смирнов по приказанию Заседателя Вериги, представил его с семейством в село Петропавлово, где находились Заседатель и Священник Орлов, которые уговаривали их присоединиться к Православию, но как они на то не соглашались, потому что предки их были раскольники, то Заседатель Верига стал его бить, приговаривая: “соглашайся, а то не буду заседатель, я тебя лишу жизни”. При сем были свидетели гг. Клейцман, Скрипицын, управляющий Смирнов и Священник Орлов. Однако он и затем не соглашался обратиться к православию; тогда Заседатель приказал отвести его в кухню и там сек его розгами, при чем находились Фома Осипов, Порфен Тиханов, Василий Макаров, Трофим Архипов, Степан Тарасов и Кирилл Петров и еще много народа. После сего, Заседатель, призвав его опять в горницу, сказал Священнику Орлову: делайте миропомазание, и Священник миропомазал детей его и сестру, без всякаго впрочем увещания и их на то согласия; сам же он Барковский, будучи очень слаб от наказания, и жена его остались не миропомазаны. Засим Заседатель Верига и Священник Орлов составили подписку, что благоразумными мерами присоединили к Православию добровольно усердствующих 49 человек. Но как никто не соглашался к сей подписке приложить руки, то Заседатель Верига и управляющий Смирнов насильно его посадили на стул и велели подписаться за всех 49 человек, говоря, что если будет сопротивляться, то дадут тебе 500 ударов. Устрашившись вторичнаго наказания, он подписал помянутую подписку. Спустя несколько дней после сего он Барковский явился в город Невель к протоиерею Зуеву и Секретарю Земскаго Суда Отрошкевичу и объявил им о неправильно составленной подписке Заседателем Вериги и прочих значущихся в оной лиц не считать присоединившимися к Православию, на что они отвечали, что без Преосвященнаго помочь не могут. В следствие сего он отправился в г. Полотск к Преосвященному Смарагду и объявил ему обо всем с ним случившемся. На это Преосвященный сказал, “Это не хорошо, я послал Орлова в Невельский Уезд увещевать народ без наказания”. Потом присовокупил еще: “Когда было бы угодно Богу, Государю Императору и Святейшему Синоду, то бы я вас в месяц обратил, а без усердия и Богу не угодно” и дав ему образ Св. Николая сказал: “Молись Богу, как молился и никто тебя не обидит”. Наказание Заседателя Верига было столь жестоко, что знаки онаго еще в Марте месяце 1836 г. видел помещик фон Дуве; принять Грекороссийскую веру не согласен, а потому желает со всем своим семейством остаться в расколе по тому единственно, что предки его состояли в расколе» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1838. Д. 265. Л. 6 об. — 10].

Жена его, Прасковья Парфенова, 51 года, подтвердила сказанное мужем и сказала, что тоже не согласна обратиться к официальной церкви. Согласно с нею показала ее дочь Татьяна Михеева, 18 лет. Прасковья Макеева (по-видимому, сестра), 31 года, показала то же и добавила еще, что миром ее мазали насильно. Прасковья Макеева, 41 года, показала то же. То же показал и крестьянин Трофим Федоров, 18 лет.

Было и много других свидетелей и пострадавших от фанатичнаго заседателя. Однако Невельский уездный суд, несмотря на столь многочисленные и вопиющие свидетельства, в итоге все равно принял сторону Вериги, считая, что Борковского как изобличеннаго в «распространении раскольнической ереси» следует в пример прочим сослать в закавказские провинции.

Витебская палата уголовного суда, рассмотрев дело, определила, что Борковский якобы добровольно принял православие, что видно из показаний и его подписки, а потому, «оставив его в оном и прочих присоединившихся предоставить духовной власти увещевать Борковского кроткими мерами для утверждения в православной вере...», а «противузаконныя действия Заседателя Вериги, чинимыя им при присоединении вышеупомянутых крестьян, предоставить рассмотрению Губернского Правления для поступления с ним по закону» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1838. Д. 265. Л. 31–32].

Министр внутренних дел, ознакомившись со следственным делом, вынес следующую резолюцию:

«что хотя нельзя заключить с достоверностию, что крестьяне Михайл Макеев Борковский, Алексей Пакачев, Семен Иванов, Иван Давидов, Семен Емельянов, Евстафий Васильев, Лазарь Максимов, Калина Петров и Корнила Иванов, с их семействами совершенно добровольно приняли православную веру, но как они уже дали в том подписку и присоединены к православию», то он соглашался с решением Витебской уголовной палаты [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1838. Д. 265. Л. 32–32 об.].

Результаты подобных «увещеваний» и «присоединений к православию» говорят сами за себя. Архиепископ Полоцкий и Витебский Василий от 29 сентября 1844 г. уведомил витебского гражданского губернатора о том, что священник Краснобережской Борисоглебской церкви Димитрий Черпеский выбывал в раскольнические деревни для увещания совратившихся крестьян Михея Борковского и других,

«но они не только нежелают слушать его поучений и увещаний, но даже убегают и скрываются, а некоторые как то Алексей Анфиногенов и Михайл Борковский отозвались сими словами “нет никакого дела Духовенству до нас ибо мы теперь свободны от суда”» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 — 1838. Д. 265. Л. 52].

Полоцкой духовной консистории вновь было предписано священнику Черпескому «продолжать увещания и стараться кроткими мерами вразумить совратившихся». Впоследствии, в 1849 г., для увещаний к означенным выше крестьянам посылался священник единоверческой Стеревневской церкви Невельского уезда Космодамианский, но тоже безуспешно. Дело тянулось до 1850 г. и так ничем и не кончилось.

По сообщению витебского единоверческого священника Василия Волкова, Михайл Мокиевич Борковский какое-то время служил в Динабургском уезде, а впоследствии, в 1864 г., был выбран духовным наставником беспоповцами города Витебска вместо прежних духовных наставников Василия Барунова и Ивана Давыдовича Уточки. В Невельском уезде его духовное дело продолжил его родной сын Маркиан Михеевич, служивший в моленных деревень Репище и Пяшково еще в 1899 г. Наконец, В. Волков сообщает, что в 1865 г. Михайл Мокиевич Борковский скончался [Волков, 1866. С. 79].

На примере жизни и судьбы духовных наставников Псковского Поозерья мы видим в целом типичную для истории русского старообрядчества картину, когда развитие той или иной старообрядческой общины, старообрядческого духовного центра обуславливалось не его внутренними тенденциями, а постоянно менявшейся политикой властей по отношению к старообрядцам. Церковно грамотные, авторитетные духовные лидеры, ревностные проповедники староверия, всю свою жизнь (а она практически у всех у них была достаточно продолжительной по тем временам) посвятившие служению Богу и людям, не раз подвергались преследованиям, издевательствам, тюремному заточению, а порою и телесным наказаниям как со стороны светских, так и со стороны духовных властей. Тем не менее они продолжали нести своё служение и не прельстились теми льготами, которые им могло бы дать присоединение к господствующей церкви на правах единоверия. Благодаря их мужеству и стойкости древлеправославие на Псковской земле продолжило своё существование во второй половине XIX в. и даже пережило настоящий расцвет в начале XX в. В биографиях духовных наставников Псковского Поозерья прослеживается еще одна общая черта — их активная проповедническая и пастырская деятельность, постоянное общение и связь со старообрядческими общинами соседних уездов и губерний, со старообрядческими общинами Санкт-Петербурга и Прибалтики, участие в общестарообрядческом движении. Это красноречиво опровергает миф о невежестве, отсталости и обособленности местных староверов.

Литература

«Алфавит духовный» Василия Золотова: исследование и текст. Институт литовского языка; подготовлено Надеждой Морозовой и Григорием Поташенко; [редактор-составитель Надежда Морозова]; [подготовка текста и указатель имен Надежды Морозовой; вступительные статьи и комментарии Надежды Морозовой и Григория Поташенко]. — Вильнюс: Институт литовского языка, 2014. — 284 с.

Библиотека Российской академии наук (БАН). Собр. В. Г. Дружинина. № 189.

Волков В. И. Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии. Витебск: Тип. Губ. Правления, 1866. — 85 с.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1444. — Дело об отпадении в раскол крестьян государственных имуществ до 70 семейств Велейской волости Опочецкого уезда.

Государственный архив Псковской области. Ф. 369. Оп. 1 Д. 986. — Дело о переводе Опочецкого купца Егора Песьяцкого из православной веры в старообрядческую и о гласном погребении этого купца по правилам старообрядческой веры.

Кожурин К. Я. Староверы Псковского Поозерья: Себежский уезд. — [б. м.]: Издательские решения, 2021. — 150 с.

Кожурин К. Я. (а) Староверы Псковского Поозерья: Невельский уезд. — [б. м.]: Издательские решения, 2022. — 492 с.

Кожурин К. Я. (б) Староверы Псковского Поозерья: Опочецкий и Великолукский уезды. Изд. 2-е, дополненное. — [б. м.]: Издательские решения, 2022. — 180 с.

Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1266. — Дело, присланное при предложении начальника губернии от 10 декабря 1858 года № 10532 о совращении из православия в раскол крестьянки Невельского уезда, помещика Ханыкова Натальи Трофимовой и о именуемом себя раскольническим наставником Иване Григорьеве.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1291. — Дело, присланное при предложении начальника губернии от 10 декабря 1858 года № 10532 об учреждении надзора за раскольническим коноводом Семеном Тикуновым, избранным обществом Колпинского прихода в наставники.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1334. — Дело, присланное из канцелярии начальника губернии, о поступках крестьянина Егора Кузьмина и о вещах, иконах и книгах, взятых из Пружинецкой раскольнической модельны.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6760. — Дело о совратившихся из православия в раскольническую ересь разных лиц по городу Невелю и уезду.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 6875. — Дело по представлению Управляющего Смоленской и Белорусскими губерниями на правах генерал-губернатора о поступках наставника раскольнического Карпеля.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 7638. — Дело о предании суду раскольников Гавриила Антропова и Захара Леонова Смаригина за совращение из православия в раскол.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 7645. — Дело по сообщению Псковской палаты уголовного суда о учинении распоряжения, чтобы раскольнический наставник Спиридон Макарьев не отлучался из уезда и не был бы соблазном к распространению раскола.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 8694. — Дело об устройстве раскольнической Обительской моленной.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 478. — Дело о сборе сведений о старообрядческих модельнях и часовнях и ведомости их по гор. Витебску, Себежскому, Невельскому, Динабургскому и Режицкому поветам.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 29792. — Дело о раскольническом коноводе Александре Савине.

Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 51589. — Дело по циркуляру витебского губернатора городским и земским полициям о представлении сведений о раскольниках, о числе их церквей, часовен, монастырей и скитов.

Поздеева И. В. Русское старообрядчество как объект научных интересов // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 2. С. 5—13.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 84. Д. 346. — По репорту Преосвященного Анастасия Архиепископа Белорусского и кавалера с приложением реестра о совратившихся Невельского повета погоста Глабая прихожан из Грекороссийского исповедания в раскольническую ересь (1803).

Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 124 — 1843 г. Д. 242. — По рапорту Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского, о разрешении (указ 16 апреля 1842 года) витебским губернским правлением раскольническому наставнику мещанину Карнелю (sic!), состоящему при Николаевской моленной в деревне Репицах, Невельского уезда, совершать раскольнические браки.

Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 134. Д. 1934. — По донесениям Преосвященного Полоцкого и по доставленному г. министром внутренних дел отчету, о состоянии раскола в Витебской губернии, о распоряжениях и мерах к обузданию и искоренению онаго (1853–1868).

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 195 — 1827 г. Д. 28. — По представлению Псковского гражданского губернатора о двух крестьянских женках Анне Ивановой и Федосье Степановой, впадших в раскольничью ересь.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 211. — По донесению Витебского гражданского губернатора о крестьянах помещика Шишко Ермолае Гаврилове и проч., сужденных за раскол, и наставнике Самуиле Карпеле.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 242. — По отношению Смоленскаго и Белорусскаго Генерал-Губернатора о крестьянке Василисе Николаевой, сужденной за уклонение в раскол (Невельскаго уезда).

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197 — 1836. Д. 303. — По донесению исправляющего должность Витебскаго гражданского губернатора о крестьянках помещика Буйницкаго, Домне Захаровой и Татьяне Ивановой, сужденных за совращение их с детьми от Православия в раскол.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 198 — 1840. Д. 222. — О раскольническом наставнике Сотникове, сужденном за совершение браков и распространение раскола.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 198 — 1838. Д. 265. — По доношению военного губернатора г. Витебска и витебского гражданского губернатора о помещищем крестьянине Борковском и проч., сужденных за уклонение от православия в раскол.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 200 — 1843. Д. 131. — По отношению г. министра народного просвещения с препровождением прошения раскольников Витебской губернии Невельскаго уезда Николаевской моленной о дозволении наставнику их отлучаться в другие деревни и о разрешении починить часовню.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 200 — 1843 г. Д. 341. — Об отпадении в раскол Государственных крестьян Опочецкаго Уезда Велейской волости в числе 500 душ и о прикосновенных к сему делу чиновнике Кузнецове и мещанине Скоропостижном.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 201 — 1845. Д. 437. — По делу о раскольнических наставниках Гавриле Антропове и Захаре Смаринге (sic!), сужденных по подозрению в распространении раскола и о других лицах, к делу сему прикосновенных.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 201 — 1846. Д. 455. — О крестьянах княгини Огинской: Иване Степанове, Осипе Спиридонове и других, сужденных за уклонение из православия в раскол (1846).

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 203 — 1848. Д. 506. — По донесению состоящаго в должности Витебскаго Гражданскаго Губернатора о помещищем крестьянине Федосее Сотникове, сужденном за допущение в доме своем раскольнических сборищ для богомоления, устройство особой раскольнической моленной и отправление духовных треб по расколу и о других лицах к сему делу прикосновенных.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 205 — 1850 г. Д. 470. — О числе раскольников и их молитвенных зданий в Витебской губернии за 1849 и 1850 годы.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 205 — 1850. Д. 703. — По донесению Начальника Витебской Губернии о мещанине Самуиле Карпеле, помещицьем крестьянине Мартьяне Игнатенкове и других, сужденных за проступки по расколу.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 207 — 1852 г. Д. 233. — По записке 2-го Отделения с препровождением пяти всеподданнейших просьб, поданных Государю Императору во время его путешествия...

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 207. Д. 568. — По донесению начальника Витебской губернии, об именующих себя раскольническими наставниками: Федосее Сотникове, Григорье Петрове и Иване Константинове, сужденных за проступки по расколу, а также о других лицах к сему делу прикосновенных.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 211. Д. 340. — По донесениям начальников губерний с предоставлением ведомости по преступлениям раскольников.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 212. Д. 309. — По донесению начальника Витебской губернии о находящихся в Себежском уезде раскольнических моленных Яковлевской и Обительской.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 214. Д. 191. — По донесениям начальников губерний и областей, с представлением ведомостей о делах по преступлениям раскольников противу св. веры за 1859 год.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 215. Д. 185. — По донесениям начальников губерний и областей с ведомостями о делах по преступлениям раскольников противу веры за 1860 год.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 92. — Свод официальных сведений о раскольнических молитвенных зданиях в Империи от 1800 до 1848 года.

Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства. Подготовлено Надеждой Морозовой и Григорием Поташенко. Вильнюс: Вильнюсский университет, 2011. — 329 с.

References

Kozhurin K.Ya. Old Believers of the Pskovian Poozerye: Sebezhsy county. Publishing solutions, 2021, 150 p. (In Russian)

Kozhurin K.Ya. Old Believers of the Pskovian Poozerye: Nevelsky county. Publishing solutions, 2022, 492 p. (In Russian)

Kozhurin K.Ya. The Old Believers of the Pskovian Poozerye: Opochetsky and Velikiye Luki counties. 2nd edition, expanded. Publishing solutions, 2022, 180 p. (In Russian)

Library of the Russian Academy of Sciences (BAN). Collection of V. G. Druzhinin. №189. (In Russian)

Pozdeeva I.V. Russian Old Believers as an object of scientific interest. Old Believer, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 5–13. (In Russian)

The chronographer of Lithuania, in other words, is a grave chronicler of ancient Orthodox Christianity. Prepared by Nadezhda Morozova and Grigory Potashenko. Vilnius: Vilnius University, 2011, 329 p. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus (NIAB). Fund 1416. Inventory 1. File 1266. A case sent at the suggestion of the governor of the province dated December 10, 1858 No. 10532 on the seduction from Orthodoxy into schism of a peasant woman of the Nevelsky district, landowner Natalia Trofimova Khanykov and about Ivan Grigoriev, who calls himself a schismatic mentor. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 1. File 1291. A file sent at the suggestion of the governor of the province dated December 10, 1858 No. 10532 on the establishment of supervision over the schismatic ringleader Semyon Tikunov, elected by the Kolpinsky parish society as a mentor. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 1. File 1334. A file sent from the office of the governor of the province, about the actions of the peasant Egor Kuzmin, and about things, icons and books taken from the Pruzhinets schismatic prayer house. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 3. File 6760. The case of various persons who turned from Orthodoxy into schismatic heresy in the city of Nevel and the county. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 3. File 6875. The case on the representation of the Governor of the Smolensk and Belarusian provinces as Governor-General on the actions of the mentor of the schismatic Karpel. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 3. File 7638. The case of the trial of schismatics Gavriil Antropov and Zakhar Leonov Smarigin for seduction from Orthodoxy into schism. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 3. File 7645. The case according to the Pskov Chamber of the Criminal Court on the execution of an order so that the schismatic mentor Spiridon Makariev would not leave the county and would not be tempted to spread the schism. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1416. Inventory 3. File 8694. The case of the schismatic Obitel prayer hall. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1430. Inventory 1. File 478. The case of collecting information about Old Believer chapels and chapels and their records for the cities of Vitebsk, Sebezhsy, Nevelsky, Dinaburgsky and Rejitsky districts. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1430. Inventory 1. File 29792. The case of the schismatic ringleader Alexander Savin. (In Russian)

The National Historical Archive of the Republic of Belarus. Fund 1430. Inventory 1. File 51589. The case according to the circular of the Vitebsk governor to the city and zemstvo police on the submission of information about schismatics, about the number of their churches, chapels, monasteries and skits. (In Russian)

The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. Inventory 84. File 346. According to the report of His Grace Anastasius, Archbishop of Belarus and Cavalier, with an appendix to the register of parishioners who turned from the Greek Russian confession to schismatic heresy (1803) in the Nevelsky district of the Glabai churchyard. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 796. Inventory 124 — 1843. File 242. According to the report of Vasily, Archbishop of Polotsk and Vitebsk, on permission (decree of April 16, 1842) by the Vitebsk provincial government to the schismatic mentor philistine Carnel (sic!), who is at the Nikolaev prayer in the village of Repitsy, Nevelsky district, to commit schismatic marriages. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 796. Inventory 134. File 1934. According to the reports of the Right Reverend Polotsky and according to the report delivered by the Minister of Internal Affairs, on the state of the schism in the Vitebsk province, on orders and measures to curb and eradicate it (1853-1868). (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 195 — 1827. File 28. On the recommendation of the Pskov civil governor, two peasant wives, Anna Ivanova and Fedosya Stepanova, who fell into schismatic heresy. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 197 — 1836. File 211. According to the report of the Vitebsk civil governor about the peasants of the landowner Shishko Ermolai Gavrilov and others, destined for the schism, and mentor Samuel Karpel. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 197 — 1836. File 242. In relation to the Smolensk and Belarusian Governor-General about the peasant Vasilisa Nikolaeva, condemned for evading the schism (Nevelsky district). (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 197 — 1836. File 303. According to the report of the civil governor correcting the post of Vitebsk about the peasant women of the landowner Buinitzkago, Domna Zakharova and Tatyana Ivanova, destined for seducing them with children from Orthodoxy into schism. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 198 — 1840. File 222. About the schismatic mentor Sotnikov, condemned for committing marriages and spreading schism. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Op. 198 — 1838. File 265. According to the denunciation of the military governor of Vitebsk and the Vitebsk civil governor about the landowner peasant Borkovsky and others, condemned for evading Orthodoxy into schism. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 200 — 1843. File 131. In relation to the Minister of National Education with the transmission of the petition of the dissenters of the Vitebsk province of the Nevelsky district of the Nikolay's prayer for permission for their mentor to leave for other villages and for permission to repair the chapel. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 200 — 1843. File 341. About the secession of the State peasants of the Opochetsky District of the Veleiskaya Volost among 500 souls and about the official Kuznetsov and the petty bourgeois Skoropostyzhny who were involved in this case. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 201 — 1845. File 437. In the case of the schismatic mentors Gavril Antropov and Zakhar Smaringa (sic!), convicted on suspicion of spreading the schism and other persons involved in this matter. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 201 — 1846. File 455. About the peasants of Princess Oginskaya: Ivan Stepanov, Osip Spiridonov and others, condemned for deviating from Orthodoxy into schism (1846). (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 203 — 1848. File 506. According to the report of the Vitebsk Civil Governor, who was in office, about the landowner peasant Fedosey Sotnikov, who was condemned for allowing schismatic gatherings for praying in his house, setting up a special schismatic prayer room and sending spiritual demands for schism and other persons to this case touched. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 205 — 1850. File 470. On the number of schismatics and their prayer buildings in Vitebsk province in 1849 and 1850. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 205 — 1850. File 703. According to the report of the Head of the Vitebsk Province about the philistine Samuel Karpel, the landowner peasant Martian Ignatenkov and others, condemned for misconduct in the schism. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 207 — 1852. File 233. According to the note of the 2nd Department with the transmission of five most urgent requests submitted to the Emperor during his journey... (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 207. File 568. According to the report of the head of the Vitebsk province, about the self-styled schismatic mentors: Fedosey Sotnikov, Grigory Petrov and Ivan Konstantinov, condemned for schism offenses, as well as about other persons involved in this case. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 211. File 340. According to reports from the heads of provinces with the provision of a statement on the crimes of dissenters. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 212. File 309. According to the report of the head of the Vitebsk province about the schismatic prayer houses of Yakovlevskaya and Obitelskaya located in the Sebezhsy district. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 214. File 191. According to the reports of the heads of provinces and regions, with the presentation of statements on the cases of crimes of schismatics against the Holy Faith in 1859. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 215. File 185. According to the reports of the heads of provinces and regions with statements on the cases of crimes of schismatics against the faith in 1860. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1473. Inventory 1. File 92. A set of official information about schismatic prayer buildings in the Empire from 1800 to 1848. (In Russian)

“The Spiritual Alphabet” by Vasily Zolotov: research and text. Institute of the Lithuanian Language; prepared by Nadezhda Morozova and Grigory Potashenko; [editor-compiler Nadezhda Morozova]; [preparation of the text and index of names of Nadezhda Morozova; introductory articles and comments by Nadezhda Morozova and Grigory Potashenko]. Vilnius: Institute of the Lithuanian Language, 2014, 284 p. (In Russian)

The State Archive of the Pskov region (GAPO). Fund 20. Inventory 1. File 1444. The case of the fall of state property to 70 families of the Veleisk volost of the Opochetsky district into the split of peasants. (In Russian)

The State Archive of the Pskov region. Fund 369. Inventory 1. File 986. The case of the transfer of the Opochetsky merchant Egor Pesyatsky from the Orthodox faith to the Old Believer and the public burial of this merchant according to the rules of the Old Believer faith. (In Russian)

Volkov V. I. Information about the beginning, spread and division of the schism and about the schism in the Vitebsk province. Vitebsk: Printing House of the Provincial Government, 1866, 85 p. (In Russian)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт
125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; 119072, Москва, Берсеневский пер., дом 2, стр. 1., а\я №4
E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Переселение старообрядцев из Румынии в СССР в 1944–1945 годы

В статье на основе оригинальных архивных источников освещается один из этапов реэмиграции русских старообрядцев (липован) Румынии в Советский Союз. Это самобытная и старейшая русская диаспора неоднократно в своей истории «возвращала» соплеменников на историческую родину: 1810-е, 1830-е, 1910-е гг. В этом ряду послевоенные переселения занимают особое место. Основная масса переселений была осуществлена в 1947 г., но документы позволяют осветить «прецедент» этих процессов, а именно переезд почти тысячи липован Румынии в СССР в 1944–1945 гг. Обстоятельства и ход этих событий позволяют реконструировать не только нарративные источники, но и визуальный материал — пропагандистский фоторепортаж подготовки этого переселения. Характеризуется дальнейшая судьба этих репатриантов, которая существенно отличалась и от планов администрации, и от чаяний самих липован. Показано, что группе пришлось покинуть Азовское побережье в Ростовской области и переехать поближе к границе — в Арцизский район Измаильской области УССР. Недовольство и бедственное положение привело к репрессиям по отношению к религиозным и социальным лидерам. Тем не менее, потомки этих переселенцев еще проживают в Молдове и Украине. В целом, локальный сюжет позволяет по-новому взглянуть на процессы репатриации в послевоенный период.

Ключевые слова: старообрядцы, диаспора, реэмиграция, миграции, Румыния, СССР.

...

Для цитирования: Пригарин А.А. Переселение старообрядцев из Румынии в СССР в 1944–1945 годы // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 4. С. 41–67. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0180

Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Доместикация советского»: опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР» (№ 24-28-01663).

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities; Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Art-Industrial Institute

125047, Russia, Moscow, Miuskaya sq., 6; 119072, Moscow, Bersenevsky per., 2, 1
E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Resettlement of Old Believers from Romania to the USSR in 1944–1945

The article, based on original archival sources, covers one of the stages of the re-emigration of Russian Old Believers (Lipovans) from Romania to the Soviet Union. This original and oldest Russian diaspora repeatedly “returned” fellow tribesmen to the historical homeland: in the 1810s, 1830s, 1910s. In this series, post-war resettlement occupies a special place. The bulk of resettlement was carried out in 1947, but the documents allow us to shed light on the “precedent” of these processes, namely, the relocation of almost a thousand Lipovans from Romania to the USSR in 1944–1945. The circumstances and course of these events make it possible to reconstruct not only narrative sources, but also visual material — a propaganda photo report on the preparation of this resettlement. The further fate of these repatriates is characterized, which differed significantly from both the plans of the administration and the aspirations of the Lipovans themselves. It is shown that the group had to leave the Azov coast in the Rostov region and move closer to the border — to the Artsyzsky district of the Izmail region of the Ukrainian SSR. Discontent and distress led to repression of religious and social leaders. However, the descendants of these settlers still live in Moldova and Ukraine. In general, the local plot allows us to take a fresh look at the processes of repatriation in the post-war period.

Keywords: Old Believers, diaspora, re-emigration, migration, Romania, USSR.

...

For citation: Prigarin A.A. Resettlement of Old Believers from Romania to the USSR in 1944–1945. *Old Believer*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 41–67. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0180

The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project “Domestication of the Soviet”: experience of repatriation of Old Believers from Europe and adaptation to the USSR (No. 24-28-01663).

В 1945 г. Красная армия не только «переманила» Румынию и Болгарию (бывших союзников Германии) на свою сторону, но и получила непосредственный контроль над этими странами. В государствах начали действовать советские офицеры, которые столкнулись с разнообразными категориями бывших сограждан: военнопленными, интернированными и т. д. Среди них оказалась группа бывших русских старообрядцев или, по-местному, «липован». Это были потомки тех, кто убежал в юго-западном направлении из России еще в XVIII — первой половине XIX вв., на 1945 г. они проживали в десятках отдельных поселков на территории Северной Добруджи, Южной Буковины и Запрутской Молдове [Пригарин, 2010].

В результате этих контактов родился проект «возвращения», или реэмиграции, бывших русских в пределы СССР. Важно отметить, что этому масштабному переселению 1946–1947 гг. предшествовал прецедент: весной 1945 г. на офицеров Красной армии вышли представители общины липован Неводари (северное предместье г. Констанция). В результате был осуществлен первый переезд старообрядцев в пределы СССР. Анализ специальной историографии [Липинская, 2008. С. 76–107; Гаврюшкина, 2018. С. 160–173; Зудин, Власкина, 2016; Паунова, 1998. С. 41–43; Феноген, 2005; Душакова, 2022. С. 76–86] показывает, что этот сюжет выпадает как из исследовательских текстов, так и из общественной памяти. Осознав это, решили его осветить с помощью оригинальных источников. Небольшой корпус документов, освещающий это переселение, был выявлен в фонде «Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации» (ф. Р-9526) Государственного архива Российской Федерации. Отдельные документы содержат региональные и ведомственные архивные собрания, которые помогли реконструировать дальнейшую судьбу переселенцев.

Первые письма советских офицеров из Румынии о бывших русских гражданах относятся к концу 1944 г. Начинается подготовка специального постановления Совнаркома СССР, при Главном переселенческом управлении Совета Министров РСФСР проходит организация этого процесса [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 2, л. 1–207]. Здесь же содержатся отдельные документы о поводах и начале переселений русских из Румынии в СССР, первых практиках взаимодействия бывших соотечественников с СССР и ее администрацией. Буквально в начале 1945 г. — 23–29 января — в докладе «О ходе работы по репатриации советских граждан в Румынии и проводимой политико-просветительской работы среди репатрируемых» подполковника Банцырева (представителя в Румынии уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР) своему начальнику — генерал-лейтенанту Голубеву сообщаются следующие детали [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 6, д. 62, л. 1–8]. Основными контингентом работы управления являлись военнопленные, беглецы, бывшие жители Буковины и Бессарабии (входившей в состав СССР в 1940–1941 гг.). Всего было выявлено 72 309 таких граждан, из которых 56 511 человек были отправлены на родину [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 6, д. 62, л. 7].

В этой связи военный офицер отмечал, что «подано несколько коллективных заявлений семейств, даже целыми деревнями, русских из Констанцкого уезда, предки которых поселились в Румынии еще со времени Русско-турецкой войны, о приеме в советское гражданство и переезде на жительство в СССР 36 семейств в составе 206 человек из дер. Неводарь, получили согласие нашего правительства и уже уехали в СССР. В настоящее вре-

мя подготавливается к отправке на жительство в СССР 166 семейств в количестве 821 чел. из деревни Неводарь, на передачу которых дало согласие Румынское правительство и положительно решен вопрос о приеме их в СССР нашим правительством. Решается вопрос о переезде на жительство в СССР подавших заявление 14 семейств из дер. Карагаш, 31 семейств из Неводарь, 57 семейств дер. Гиндерешти» [от руки — «еще 102 семейства»; другим почерком напротив всего абзаца резолюция — «запретить»] [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 6, д. 62, л. 7]. Непродуманность деталей показала, что подобные переселения необходимо серьезно готовить. И лишь спустя почти два года было выпущено специальное Постановление Совета Министров СССР № 2295-639с от 1.7.47 г. [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 6, д. 381, л. 2].

Община липован Нэводари (рум. *Năvodari*) являлась дочерней и образовалась, видимо, в конце XIX — начале XX в. (община русских липован Румынии считает, что первые старообрядцы пришли сюда в 1887 г.) Эта рыбаоловецкая деревня начала строить церковь лишь в 1932 году, и на момент прихода Красной армии храм был еще недостроенным [Нэводари, 1999. С. 7]. Столь длительное строительство современный иерей объяснял войной, голодом и тем, что «в период 1945–1946 гг. было около 600 семей... но многие уехали в Россию, а здесь осталось 20–30 семей, и не было возможности закончить такую большую церковь» [Нэводари, 1999. С. 7]. Старожилы называли этот поселок Каракёй, отсылая к историческому тюркскому топониму *Carachioi* (буквально — «Черное село»). Лишь в 1927 г. румыны переименовали его в Нэводари, а с 1932 г. предоставили статус отдельной административной единицы — «коммуны». Несколько позже переселения липован в СССР началось развитие поселка в крупный индустриальный и курортный центр. С 1968 г. он получил статус города, входящего в агломерацию Констанция. Именно близость к этому городу-порту способствовала ранним контактам «русских людей» с советской администрацией.

Уже в конце 1944 г. липованские жители г. Нэводари направили коллективное письмо «товарищу И.В. Сталину» с просьбой об их возвращении [Липинская, 2008. С. 78–79]. В результате «по разрешению Советского Правительства в конце 1944 и начале 1945 года из Румынии в Советский Союз переселилось 258 семей старообрядцев, ранее находившихся в румынском подданстве и проживавших в селе Неводарь Констанцкого уезда /Румыния/. Первая группа переселенцев в количестве 60 семей прибыла в СССР в декабре 1944 года и была размещена на территории бывшей немецкой колонии в селе Семеновке Старо-Казацкого р-на, Измаильской области. Прибывшие переселенцы были приняты в число граждан СССР и получили дома, земельные наделы и приусадебные участки» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 299–300].

Другие же 36 семейств, или 214 человек, были отправлены на пароходе из Констанции в Новороссийск. К ним присоединились еще более 600 земляков, таким образом, вторая партия всего состояла из 166 семей, или 821 человека «граждан, предки которых переселились в Румынию из России во время русско-турецкой войны» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 2, 207, л. 10]. Этот переезд проходил 12–15 апреля 1945 г., их из Новороссийска перевезли в Неклидовский район Ростовской области [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 2, 207, л. 13–14].

Еще 31.12.1944 г. уполномоченный обратился в СНК РСФСР с предложением принять переселенцев из Румынии, предполагая это осуществить во второй половине февраля 1945 г.: «Значительная часть из них рыбаки и просят поселить их в места имеющие водоемы и рыбный промысел. Прошу Вашего решения о вселении этих семейств в Крым или расселении их по берегу Черного моря» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 27, л. 208]. В ответ 25 января 1945 г. ему сообщалось, что «СНК РСФСР сообщает, что переселяемые из Румынии (г. Констанца) 166 семей будут размещены на жительство в Ростовской области на побережье Азовского моря. По сообщению Ростовского облисполкома указанных 166 семей переселенцев следует направлять на станцию Азов Северо-Кавказской жел. дороги, поставив в известность об отправке переселенцев Ростовский облисполком» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 27, л. 206]. Ростовские власти 2 февраля 1945 г. телеграфировали: «1116 [ошибочно. — А.П.] семей переселенцев просим направить железнодорожные станции марцево приморка синявка равными частями где они будут влиты в рыбацкие колхозы неклиновского района председатель облисполкома кипаренко» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 27, л. 209–210].

Именно в рамках подготовки и в процессе этого переселения из Неводара через Констанцию (1945 г.) был изготовлен фоторепортаж [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 1–15]. Из отдельных снимков был составлен отдельный альбом. Несмотря на явную пропагандистскую направленность этих материалов, следует считать их своеобразным источником визуального типа. В исследовательской практике не так часто доводится встречать такие прямые источники по миграциям старообрядцев [Пригарин, 2023. С. 397–410]. Эти выразительные специфические документы позволяют не только ярко проиллюстрировать данные нарративного круга, но и выполнить некоторые эвристические задачи. Например, их можно использовать в качестве непосредственных свидетельств о ходе самого переселения, уточнить его отдельные аспекты.

Формально в альбоме, который был передан командованию 31.12.1945 г., содержалась на 15 от руки оформленных листах 21 фотография [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 1–15]. Увы, имя фотографа нигде не было указано. Все снимки черно-белые, отпечатаны на глянцевой бумаге 6×9 (5 первых снимков) и 9×12 см (остальные 16) с фигурно обрезанными краями. Официальное название — «Альбом атправки в СССР жителей д. Новодар Констанского уезда получивших разрешение от правительства Сов. Союза на право выезда из Румынии в СССР. 1945». Именно такая надпись размещена на титульном листе на бордовом фоне в виде прямоугольника с округлым верхним завершением. Слова «Альбом» и «1945», наоборот, бордовыми буквами на белом (см. рисунок 1) [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 1].

Несмотря на явный идеологический характер альбома, на снимках отобразились как роль советских офицеров, так и фольклорно-этнографический колорит старообрядческой группы. Так, например, на фотокарточках присутствуют обязательные атрибуты внешнего облика староверов: бороды у взрослых мужчин и платки, под которыми видны «кички», у замужних женщин. У священства — кресты и облачение (на 3 снимках).

Репортаж начинается в местности выхода — «Село Новодар — после проведенной беседы в подготовке к выезду» (см. рисунок 2) [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 2]. Более 50 человек липован на фоне характерной саманной хаты с деревянной галереей и выступающим

крыльцом (ганок). В центре стоит иерей, по правую руку — два советских офицера (один со звездой Героя СССР — полковник Осипов). Старообрядцы — в традиционной одежде (видны косоворотки, безрукавки (кептари) и «поддёвки», каракулевые шапки у мужчин; фартуки, кацавейки, платки у женщин и девочек). Характерно, что пожилая женщина держит в руках пряжу на ручной специальной палице (урка), а у мужчины, лежащем перед детьми, — кожаные лапти (постолы).

На следующем снимке — «Делегация ходаков из села Неводар с сообщением решений народа о поднятии церковного имущества с собой» (см. рисунок 3) [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 3]. На «завалинке» хаты (возможно, церковного дома) расположились полковник Осипов и рядом с ним священник [предполагаем, что Романов Артамон Софронович, 1900 г. р.] с «бостоном» и трое мужчин. В кадр по краям попали местные мальчишки. Показательно, что старообрядцы стремились перевезти с собой и все необходимое для христианской приходской жизни.

«Бывший матрос с корабля „Потемкин“ Воронцов возвращается вместе с Новодарцами на свою Родину!» — подпись под рисунком № 3 (см. рисунок 4) [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 3]. Видимо, у советского человека религиозные вопросы вызывали дискомфорт, и автор альбома «уравновесил» этот лист привычным революционным сюжетом. Показательно, что матрос Воронцов провел 40 лет в Румынии и решил вернуться на свою историческую родину.

На 4-м листе альбома помещено две карточки: «Беседа с Неводарцами» и «в комнате у старосты; отъезжающие у тов. Осипова с участием бригадиров только-что выбранных на общем собрании» (см. рисунок 5 и 6) [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 4]. Первый — на фоне хаты, что и на снимке № 1, общение местных жителей с советским офицером, который с сигаретой в руках составляет центр композиции. Второй же — не только отображает обсуждение условий переселения, но и показывает ряд этнографических деталей. Во-первых, интерьер «передней хаты» с «божницей» (красный угол), побеленным потолком с потолочной балкой («матицей»). Во-вторых, выразительным является застолье советских офицеров под открытыми образами, на почетных местах. Типичные липоване с бородами, в «кацавейках» и «кептарях» сидят вместе с представителями России, угощая их привычными закусками и вином (оно и в чайнике), и «цуйкой» (графин).

Скорее всего, эти пять снимков сделаны были в зимний период 1944–1945 гг. и отражали начальный этап переговоров о переселении. Остальные 16 фотографий не подписаны и отображают процесс погрузки на пароход скота и имущества липован в порту Констанция. Отметим, что, несмотря на привычный облик старообрядцев практически на всех снимках этой части репортажа, они не являлись основными для фокусов фотографа. Их коллективные снимки сделаны на фоне портовой инфраструктуры, за которой порой выступают контуры города, а также непосредственно на борту парохода. На четырех снимках (рисунок 9, 17, 18 и 21) зафиксированы исключительно сухопутные и морские офицеры, руководившие погрузкой и судном.

Скудный скарб липован в деревянных ящиках также выступает лишь фоном, а вот основными «героями» стоит считать домашний скот. Подробно показано, как загружались на пароход кони: на пирсе, в специальных боксах в процессе погрузки (рисунок 8, 11а, 16, 16а, 16б, 19, 20). Равно и овцы (рисунок 10, 12 (показательно, что на шерсти видны хозяйские пометы — инициалы и числовой код), 13). Коровы показаны уже с фуражом в трюмах судна (рисунок 14, 15). На одном из рисунков (11а) даже мелькает свинья, которую загоняют в специальный загон для перевозки.

Порой на фото мелькают лодки (рисунок 9, 17 и 18), но все из них — штатные спасательные средства судна, а не рыболовецкие липованские «каюки» или «магуны». Спустя пару лет необеспеченность рыболовным инвентарем переселенцев 1945–1946 гг. отмечало столичное начальство [ГАРФ, ф. А-9526, оп. 6, д. 381, л. 6].

Рассматривая эти фотоснимки, приводим цитату о статистике этого переселения: «Эти семейства составляют 821 человек, из них: мужчин — 230, женщин — 249, детей — 342. Имеют скота 827 голов, птиц — 1758 шт., зерна — 312 тонн, картофеля 35 тонн и домашней утвари 160 тонн» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 27, л. 208, 211]. Таким образом, в среднем на человека (включая детей) приходилось по одной единице домашней живности и более чем по две птицы, почти по 4 центнера зерна и 40 кг картофеля, а также почти по двести килограммов скарба. Расчёт был, видимо, на первое время.

Практически сразу по прибытии группы на побережье Азовского моря в Неклиновский район Ростовской области оказалось, что местная администрация не подготовила условия. Как результат, «все крестьяне переселенцы из румынии ранее находившиеся в Неклиновском районе, Ростовской обл. /в письме — «Некитовский р-н» описки/ со ст. Синявка организовано отправлены 10/Х-45 г. в Измаильскую область, Арцызский район и размещены в бывшей немецкой колонии общиной в отдельных домах. Все принадлежащее им имущество, которое обобществлялось колхозами или временно использовалось также им возвращено» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 2, л. 29]. Согласно другому документу, «в октябре 1945 года указанная группа переселенцев по разрешению Правительства СССР переехала из Ростовской в Измаильскую область, где и была размещена на территории Арцызского и Старо-Казацкого районов» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 301].

Вот как это описывали офицеры спецорганов, ссылаясь на агентурные данные: «По прибытии в село Синявку, Ростовской области, кулацкие элементы, используя имевшиеся там затруднения в жилой площади и наделах, развернули усиленную агитацию за выезд из Ростовской области на жительство в Бессарабию. В целях осуществления выезда в Бессарабию — кулаки Осипов, Иванов и поп Романов провели сбор подписей под коллективным прошением в адрес товарища М.И. Калинина, и в августе 1945 года направили в Москву двух делегатов бедняков Жигарева и Семенова, которые сумели добиться разрешения на переезд всей группы переселенцев в Измаильскую область» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 302].

Об обстоятельствах этого проживания переселенцев становится очевидным из заявления от 27.07.1945 «товарища Филиппова Кузьмы Константиновича». Учитывая редкость подобных документов, написанных от самих старообрядцев, считаем должным привести его текст полностью, с сохранением стилистики и пунктуации в оригинале:

«Поздравляю Вас тов. Уралов С. Герасмович.

Сообщаю Вам, что когда я проживал в Румынии, вы нам говорили, что там нам будет хорошо. Но нам очень плохо и не дают воды попить. Вы обещали нам колонки, но они не хотят и разговаривать. Спасибо Вам за то, что Вы много обещали, но не выполняете. Вы должны выполнить свое обещание. Я очень прошу Вас, чтобы Вы обратили внимание, что люди просят того, что Вы обещали нам перед отъездом из Румынии в Россию. Вы говорили, что нам будет хорошо, что нам дадут дома и квартиры. Но сейчас ничего не дают, даже с колодца воды не дают, нет на что жить, нет приюта. Живем под открытым небом. Местные власти никаких мер не принимают. Мы просим местные власти, чтобы они нас отпустили в другой район, где колония. Они не отпускают. Потребовали бы Вы меня, Филиппова К.К. к себе. Но наша власть не отпускает и справок, чтобы выехать куда-нибудь не дает.

Я прошу Вас, чтобы Вы побеспокоились о нас и чтобы нам выделили какие-нибудь хаты, так как идет зима, а мы находимся в чужих домах. Люди нас выгоняют, и мы не знаем, как зимой в людях жить. Мы просим, чтобы Вы похлопотали о том, чтобы все мы могли переехать на зимовку. Только пускай нам отдадут все, так как с первого приезда у нас все забрали в колхоз. Остались мы ни с чем.

Ст. Синявска, Никитовского района, Хутор Мержаново Филиппову Кузьме Константиновичу» [ГАРФ, ф. А-327, оп. 1, д. 2, л. 30].

Помимо хозяйственно-бытовых вопросов, для этой группы важными являлись два обстоятельства, сыгравших значительную роль в переезде в Измаильскую область УССР. Во-первых, близость предыдущих мест жительства в Румынии. А во-вторых, наличие исторических поселений старообрядцев в этой области: Вилково, Измаил, Килия и т. д., объединенных в Измаильскую епархию. Среди переселенцев оказался священник, который так описывал ситуацию в своем заявлении на имя уполномоченного по делам религиозного культа Измаильского облисполкома:

«Я ниже подписывающийся свящ. Романов Артемон Емельянович переселен из Румынии из селения Неводары Констанцского уезда, в настоящее время проживающий в селении Деневица Арцызского р-на Измаильской области совместно со своей семьей и меньшей частью верующих переселением в 30 семейств, а большая часть верующих переселенцев проживает в селении Долинке /или бывшей Новый Саратов Арцызского р-на Изм. обл./. При всем моем желании объединить верующих в религиозную общину, мне удастся с большим трудом, потому что все верующие не исключая и меня подали заявление о переселении из СССР на родину в Румынию. Поэтому большая часть верующих находившихся в Н.Сарате не желают объединяться в религиозную общину, но несмотря на неорганизованность имеют себе отдельных лиц из верующих мирян которые отправляют им некоторые требы по культу. Отправляющие таковые требы являются г.г. Никитов Софрон Филаретович, псаломщик, и Алексей Потапий Кононович, пономарь. Все богослужебные книги, большая часть которых находится в ведении верующих Н.Сарата. Поэтому мне удалось с большим трудом собрать людей из тех семейств, которые находятся в с. Деневица, в учредители, попечители и ревизионную комиссию, списки которых прилагаю при сем. Настоящим ставлю

Вас в известность, что в таком количестве верующих общине существовать и содержать священника не сможет, прошу рассмотреть настоящий вопрос и дать мне настоящее соответствующие положение, направление. Проситель — старообрядческий священник Романов 5-го июня 1946» [ГАОО, ф. А-7746, оп. 1, д. 120, л. 31].

В свою очередь уполномоченный докладывал, что

«в селе Деневица, Арцизского района была учтена вновь формирующаяся община старообрядцев — переселенцев из Румынии около 180 семейств. 5 июня 1946 года старообрядческий протосвященник — РОМАНОВ Артамон Емельянович, ныне арестованный, подал заявление, в котором сообщил, что он почти под принуждением собрал подписи 20-ти учредителей, при чем эта двадцатка, как и остальные верующие, вместе с РОМАНОВЫМ возбудили ходатайство о возвращении на Родину в Румынию. В графе „подданство“ списка учредителей все они считают себя румынскими подданными. В силу нарушения принципа добровольности организации религиозных общин, зарегистрировать эту общину не могу». Община занимала «бывшее здание немецкой кирхи» [ГАОО, ф. А-7746, оп. 1, д. 120, л. 4–8].

Таким образом, сугубо религиозные вопросы начинают рассматриваться как «политические». Священник и группа «кулаков» были арестованы, и выяснилось, что им вменялась «организованная антисоветская деятельность кулачества среди переселенцев-старообрядцев, проживающих на территории Измаильской области УССР» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 299–302]. Документ на их арест составлен 31.05.1946 за подписью министра ГБ Савченко и был направлен в адрес Секретаря ЦК Н.С. Хрущева.

Поводом для арестов и репрессий выступило «наличие эмиграционных настроений среди переселенцев», которое «подтверждалось большим количеством заявлений переселенцев, поданных ими в МГБ и УМВД УССР, с просьбой о разрешении выезда в Румынию, к месту прежнего жительства. Обращаясь к советским органам с просьбой о разрешении на выезд в Румынию, переселенцы отказывались от земельных наделов и семян, не хотели приступать к проведению весеннего сева» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 301]. В результате «было установлено, что среди прибывших из Румынии существует и активно действует влиятельная группа кулаков, враждебно настроенных к советской власти, которая и создает настроения за выезд в Румынию. Установлено, что в число актива кулацкой группировки входят:

Романов Артамон Софронович, 1900 года рождения, урож. С. Переправа, Тульчинского уезда, русский, б/п, гр-н СССР, священник старообрядческой церковной общины. Проживал в Румынии имел близкие связи с жандармерией.

Петров Степан Никитич, 57 лет, урож. Села Неводарь, Констанцского уезда, русский, бывш. член „Железной Гвардии“, кулак-торговец. В 1924 г. нелегально эмигрировал из СССР в Румынию. Работает председателем Земельного общества в селе Долиновка.

Осипов Григорий Степанович, 48 лет, урож. села Неводарь, русский, бывш. член „Железной Гвардии“, кулак, владелец рыболовного невода, применяет наемную рабочую силу до 15 человек.

Филаретов Софрон, 45 лет, урож. села Неводарь, русский, бывш. член „даранистской партии“, кулак, служит псаломщиком старообрядческой церкви в селе Долиновка, одновременно является секретарем земельной общины.

Раковица Кирьян, 45 лет, урож. села Неводарь, русский, бывш. член „даранистской партии“, кулак, владелец рыболовного невода, применяет наемную рабочую силу.

Иванов Феdul, 45 лет, урож. села Неводарь, русский, бывш. член „даранистской партии“, кулак.

Кирсанов Милитей Васильевич, 42-х лет, урож. села Неводарь, русский, бывш. член Кузистской партии, кулак.

Большинство из этой группы кулаков во время переселения из Румынии в СССР являлись старостами, бригадирами и другими административными лицами и сумели сохранить за собой значительное влияние на бедняцко-средняцкую массу» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 302–303].

Показательно, что в эту «группировку» были причислены религиозные активисты (священник и псаломщик), а также крепкие хозяева, которые участвовали в общественной жизни Румынии (как правых партий, так и «крестьянской»). Репрессивные органы действовали по уже проверенной схеме 1920–1930-х гг. — личностей с активной гражданской позицией включали в контексты глобальных движений. С помощью «агентурных данных» описывались следующие важные детали переселений и обустройства на местах:

«Указанная группа кулаков, в это время, не поднимала вопрос о возвращении в Румынию. По прибытию на жительство в Измаильскую область кулаки — Осипов, Иванов, Филаретов, Раковица и старообрядческий поп Романов стали вести агитацию среди переселенцев за возвращение в Румынию. В феврале с/г они собрали среди переселенцев до 50 заявлений с просьбой разрешить возвратиться в Румынию и передали эти заявления в УМВД Измаильской области. После подачи заявлений, названные выше лица созвали нелегальное собрание, на котором присутствовало до 20 человек переселенцев, которым кулаки также предложили подать заявления в местные органы МГБ и МВД о разрешении выезда в Румынию» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 302–303].

Далее еще:

«Наряду с проведением агитации за выезд в Румынию кулацкие элементы стали вести активную антисоветскую агитацию и распространять провокационные слухи о неизбежности войны между СССР и Англией и поражении СССР в этой войне. 16 марта с/года после ознакомления на общем собрании жителей села с выступлением товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москва, кулаки Филаретов и Иванов заявили: „Сталин в своем докладе сказал, что нужно 15 лет чтобы восстановить разрушенное хозяйство. Значит мы должны эти 15 лет работать бесплатно на Советский Союз. Мы не сможем здесь прожить, подохнем с голоду. Нам нужно добиваться выезда в Румынию — там мы снова будем жить хорошо“. В беседе с односельчанами-переселенцами — кулак Филаретов высказывал проанглийские и пораженческие настроения, заявляя что: „Скоро будет война между СССР и Англией. Англия сильнее всех в мире и ее никто не сможет победить“. Старообрядческий поп Романов А.С. находясь в селе Семеновка среди верующих переселенцев высказывая эмиграционные настроения заявил: „Если я, Вам батюшка смогу добиться выезда в Румынию, то будьте уверены, что я сделаю все чтобы перевести и Вас всех в Румынию“.

Установлено, что поп Романов и кулаки Филаретов и Петров, проживая в Румынии, имели тесную связь с руководителем белоэмигрантского старообрядческого центра митрополитом Качалкиным и епископом Савватием, проживающим в данное время в Славском монастыре,

Тульчинского уезда. В 1943 г. принимали участие во Всерумынском Старообрядческом соборе, состоявшемся в гор. Яссах. Митрополит Тихон и епископ Савватий были не согласны с выездом старообрядцев из Румынии в Советский Союз, в связи с этим незадолго до выезда переселенцев, они приезжали в село Неводарь и призывали отказаться от переселения на жительство в СССР» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 302–303].

Пресекая эти настроения,

«Управлением МГБ Измаильской области, были проинформированы соответствующие партийно-советские органы. После нашей информации переселенцам была оказана значительная материальная помощь: выдано на семью по 15–20 пудов хлеба для питания, обеспечены семенами, фуражом, выделены фонды для мануфактуры и готового платья. Эти мероприятия и проведенная нами разложенческая работа в основном ликвидировали эмиграционные настроения и бедняцко-средняцкая часть переселенцев отказалась от выезда в Румынию» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 303].

Несмотря на это,

«кулацкая же часть переселенцев до сих пор продолжает высказывать эмиграционные настроения и проводит работу по склонению на свою сторону остальных переселенцев. В конце марта с/г, кулацкие элементы пытались спровоцировать женщин на массовую подачу заявлений с просьбой о разрешении выезда в Румынию. 20.3.46 года в Арцызское РО МГБ явилась группа женщин в количестве 5 человек и подали заявления с просьбой разрешить им выезд в Румынию. В беседе с ними выяснилось, что на подачу заявлений их сагитировала жена кулака Иванова. После соответствующего разъяснения все женщины взяли обратно свои заявления и заверили, что возвращаться в Румынию не хотят» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 303].

«Бедняцко-средняцкая масса переселенцев не поддержала кулаков, отошла от них и активно включилась в проведение весенних полевых работ. Часть переселенцев вступили в рыболовецкие колхозы, устроились на работу в Рыбтрест, на жел. дорогу и друг. предприятия и учреждения. Таким образом эмиграционные настроения среди переселенцев в основном ликвидированы. Однако, учитывая наличие среди переселенцев кулацкой группировки и ее активную антисоветскую деятельность, нами предпринимаются меры к выявлению всех участников этой группы и пресечению их враждебной деятельности» [ООА СБУ, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 303].

После арестов «кулаков» и «попа» основная масса переселенцев испытала все тяготы голода 1947 г. Многие из выживших покинули Долиновку и расселились в старообрядческих общинах Приднестровья и Придунавья. Например, их потомки были среди прихожан городов Бендеры, Тирасполь, Измаила. Небольшая часть осталась проживать в селе Долиновка Арцызского (ныне — Белгород-Днестровского) района Одесской области.

Таким образом, старообрядцы юго-восточной Европы, являясь одной из старейших русских диаспор, сформировавшейся намного раньше, нежели государства, в которые она входила (Болгария, Румыния), выступили важным ресурсом реэмиграции для послевоенного Советского Союза. Прецеденты были созданы на финальном этапе Великой Отечественной войны, когда Красная армия вошла на территорию Королевства Румынии и столкнулась со своими бывшими «соотечественниками». Испытывая ряд социальных, экономических и

культурно-бытовых неудобств, осознавая это, липоване поселка Неводар, по согласованию с местными и центральными властями решились на эмиграцию. Первые партии в конце 1944 — начале 1945 г. переселились в пределы СССР. Сложности их обустройства показали как им самим, так и администрации риски подобных переселений. И они были реализованы спустя два года — в 1947 г.

Литература

Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 2 «Проект постановления СНК о переселении из Румынии и Болгарии граждан русского и армянского происхождения и переписка с наркоматами и исполкомами об организации переселения и устройстве переселенцев». 16.01–24.12.1945, 207 л.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 27 «Переписка с переселенческими отделами облисполкомов Советов депутатов трудящихся о приеме, размещении, трудовом и хозяйственном устройстве русских граждан, прибывших из Румынии». 15.02–13.12.1947, 74 л.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Оп. 4. Д. 68 «Дело № 19 с фотографиями отправки в СССР жителей д. Неводар Константиновского уезда получивших разрешение от правительства СССР на выезд из Румынии в СССР. 31.12.1945 г.» 15 л.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381. С перепиской по репатриации сов. граждан из Румынии. 24.07–31.10.1947, 36 л.

Государственный архив Одесской области. Ф. Р-7746. Оп. 1. Д. 120 «Информационный отчет о работе уполномоченного по делам религиозных культов по области за I–III кварталы 1946 года», 21.03.1946–10.10.1946, 64 л.

Одесский областной архив Службы безопасности Украины. Ф. 16. Оп. 7, д. 4 «Копии спецсообщений и докладных записок», 14.05–4.06.1946, 360 л.

Гаврюшкина Л.К. Старообрядческие села Румынии: жизнь поколений и судьба традиций // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Т. 13. № 3–4. С. 160–173.

Душакова Н.С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022.

Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь: история и культура старообрядцев юга России и зарубежья. Приморско-Ахтарск, 2016. 168 с.

Липинская В.А. Липоване Астраханской области: эмиграция и реэмиграция // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI в.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов. Вып. 2 / Ответ. ред. и состав. С.В. Таранец. Киев, 2008. С. 76–107.

Неводари // Zorile / Зори. 1999, № 8. С. 7.

Паунова Е.В. Легенды астраханских липован // Живая старина. 1998, № 2. С. 41–43.

Пригарин А.А. «Семейный фотоальбом» одного сибирского старовера: методы био(фото)графии // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 11-й Международной научной конференции (Барнаул, 26–28 октября 2023 г.) «Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое измерение региональной истории и культуры народов». Вып. 11 / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2023. С. 397–410.

Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв. / Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова / Отв. ред. О.Б. Демин. — Одесса — Измаил — Москва: «Смил» «Археодоксія», 2010. 528 с.

Феноген А. Дневник паломника. Бухарест, 2005. 222 с.

References

Dushakova N.S. Living history: how Old Believers remember their past. Moscow, 2022. (In Russian)

Gavryushkina L.K. The Old Believers' villages in Romania: life of generations and the destiny of traditions. *Slavic World in the Third Millennium*, 2018, vol. 13, no. 3–4, pp. 160–173. (In Russian) (In Russian)

Lipinskaya V.A. Lipovans of the Astrakhan region: emigration and re-emigration. The fate of the Old Believers in the 20th — early 21st centuries: history and modernity. Collection of scientific works and materials. Vol. 2. Kyiv, 2008, pp. 76–107. (In Russian)

Navodari. *Zorile/Zori*, 1999, no. 8, pp. 7. (In Russian)

Odessa Regional Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 16. Inventory 7. File 4 “Copies of special messages and memos” 14.05–4.06.1946. (In Russian)

Paunova E.V. Legends of the Astrakhan Lipovans. *Living Antiquity*, 1998, no. 2. pp. 41–43. (In Russian)

Phenogen A. Diary of a Pilgrim. Bucharest, 2005, 222 p. (In Russian)

Prigarin A.A. “Family photo album” of one Siberian Old Believer: methods of bio(photo)ography. *Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of the 11th International scientific conference (Barnaul, October 26–28, 2023) “Ethnography of Altai and adjacent territories in the discourse of innovative and traditional approaches: anthropological dimension of regional history and culture of peoples.”* Vol. 11. Barnaul, 2023, pp. 397–410. (In Russian)

Prigarin A.A. Russian Old Believers on the Danube: the formation of an ethno-confessional community at the end of the 18th — first half of the 19th centuries. Odessa, Izmail, Moscow, “Smil” “Archeodoxia”, 2010, 528 p. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. Fund A-327. Inventory 1. File 2 “Draft resolution of the Council of People’s Commissars on the resettlement of citizens of Russian and Armenian origin from Romania and Bulgaria and correspondence with the People’s Commissariats and executive committees on the organization of resettlement and arrangement of resettlers” 16.01–24.12.1945. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. Fund A-327. Inventory 1. File 27 “Correspondence with the resettlement departments of the regional executive committees of the Soviets of Working People’s Deputies on the reception, placement, labor and economic arrangements of Russian citizens who arrived from Romania” 15.02–13.12.1947. (In Russian)

State Archive of the Russian Federation. Fund R-9526. Inventory 4. File 68 “Case No. 19 with photographs of the deportation to the USSR of residents of the village of Nevodar, Konstantinovsky district, who received permission from the USSR government to leave Romania for the USSR. 31.12.1945”. (In Russian)

State Archives of Odessa Region. Fund R-7746. Inventory 1. File 120 “Information report on the work of the Commissioner for Religious Affairs in the region for the I–III quarters of 1946” 21.03.1946–10.10.1946. (In Russian)

State Archives of the Russian Federation. Fund R-9526. Inventory 6. File 381. With correspondence on the repatriation of Soviet citizens from Romania. 24.07–31.10.1947. (In Russian)

Zudin A.I., Vlaskina N.A. Russian connection: history and culture of the Old Believers of the south of Russia and abroad. *Primorsko-Akhtarsk*, 2016, 168 p. (In Russian)

Рисунок 1. «Титульный лист фотоальбома»
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 1

Рисунок 2. «Село Новодар — после проведенной беседы в подготовке к выезду»
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 2

Рисунок 3. «Делегация ходаков из села Неводар с сообщением решений народа о поднятии церковного имущества с собой». Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 3

Рисунок 4. «Бывший матрос с корабля Потемкин Воронцов, возвращается вместе с Новодарцами на свою Родину!». Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 3

Рисунок 5. «Беседа с Неводарцами»
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 4

Рисунок 6. «В комнате у старосты; отъезжающие у тов. Осипова с участием бригадиров только-что выбранных на общем собрании». Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 4

Рисунок 7. Липоване и их пожитки в порту Констанца
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 5

Рисунок 8. Люди и их вещи на пирсе Констанции перед погрузкой
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 5

Рисунок 9. Люди, кони и вещи на пирсе Констанции перед погрузкой
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 6

Рисунок 10. Старообрядческие семьи в ожидании погрузки
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 6

Рисунок 11. Старообрядческие семьи в ожидании погрузки
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 7

Рисунок 12. Общий вид на пирс перед погрузкой на корабль
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 7

Рисунок 13. Липованская отара овец в окружении людей на пирсе
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 8

Рисунок 14. Общий вид на пирс перед погрузкой на корабль
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 8

Рисунок 15. Отара овец в трюме парохода «Карл Маркс». Ясно видно владельческие пометки. Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 9

Рисунок 16. Эпизод погрузки овец в специальный короб на пирсе
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 9

Рисунок 17. Коровы в трюме корабля
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 10

Рисунок 18. Коровы в трюме корабля
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 10

Рисунок 19. Кони в трюме корабля
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 11

Рисунок 20. Офицеры и моряки, руководящие погрузкой
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 11

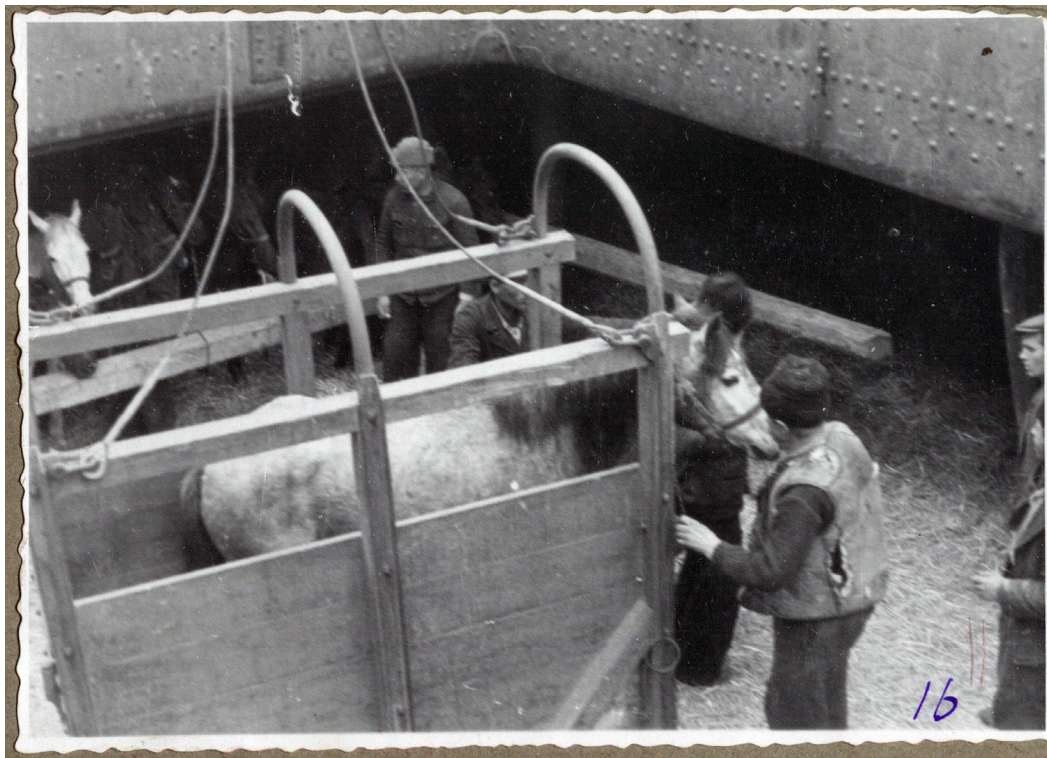

Рисунок 21. Момент погрузки коней в трюм корабля
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 12

Рисунок 22. Момент погрузки коней в специальные кораба на пирсе
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 12

Рисунок 23. Офицеры руководят погрузкой с борта корабля
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 13

Рисунок 24. Погрузка коня с помощью крана
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 13

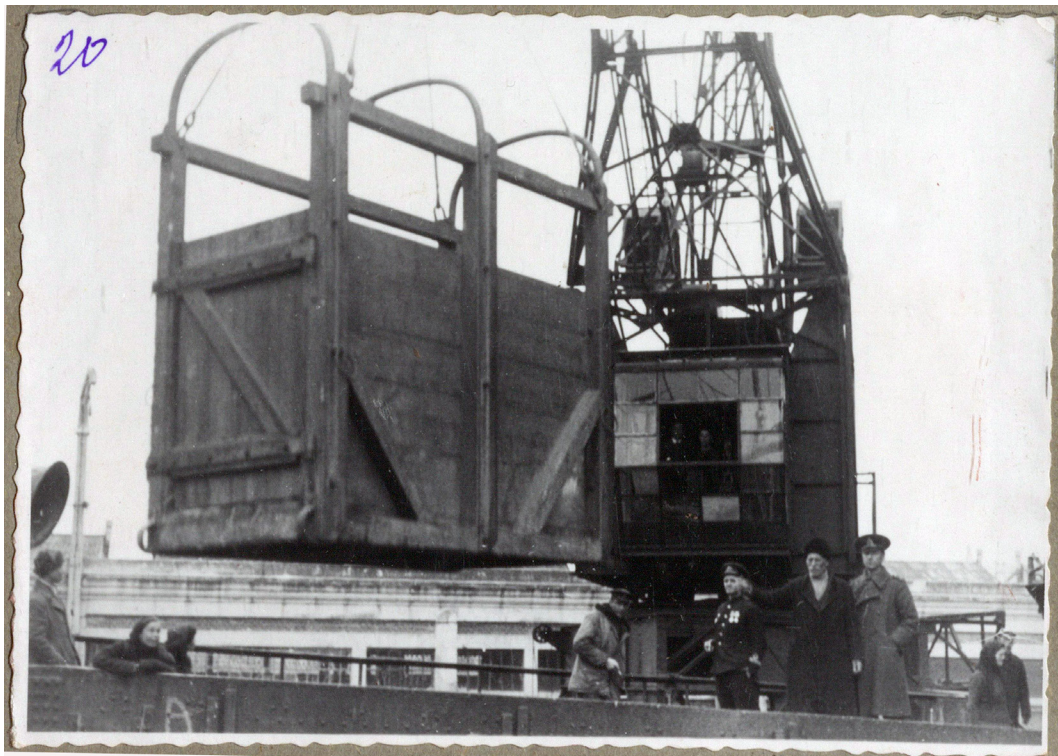

Рисунок 25. Офицеры принимают на борт поклажу липован
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп. 4, д. 68, л. 14

Рисунок 26. Загрузка близится к завершению. Капитан садится на борт «Карла Маркса»
Источник: ГАРФ, ф. А-9526, оп.4, д. 68, л. 15

соискатель кафедры истории России и археологии,
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83
E-mail: solovjev.pashazo14@yandex.ru

К характеристике внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии второй половины XIX — начала XX века

В статье на основе документальных материалов Центрального государственного архива Самарской области рассматривается процесс становления внутриконфессионального самосознания единоверцев в контексте их взаимоотношений с общеправославным духовенством и мирянами. Обрядовая обособленность подразумевала достаточно широкий спектр сопутствующих уникальных признаков, существенно отличавших единоверие от общеправославного («новообрядческого») окружения: неразрывная историческая связь со старообрядчеством, общность исторического прошлого со старообрядческим расколом, своеобразная религиозно-бытовая сторона повседневной жизни, консервативное мировоззрение, особая психология взаимоотношений в социальных связях и другие. В связи с этим процессы конфессиональной адаптации единоверцев и формирования их внутриконфессиональной идентичности вызывают большой исследовательский интерес. Идентичность православного старообрядчества при наличии литургического общения и церковно-административного единства с Русской православной церковью складывалась в обстановке определенного недоверия со стороны общеправославного духовенства. Тем не менее сохранение консервативного богослужебного уклада единоверцев не становилось непреодолимым препятствием к взаимодействию с «новообрядческим» окружением. Неоднозначный характер этих процессов в некоторой степени позволяет установить материалы по региональной истории православного старообрядчества, в частности по истории единоверия в Самарской губернии второй половины XIX — начала XX века.

Ключевые слова: единоверие, православное старообрядчество, раскол, Самарская губерния, епископ Гурий (Буртасовский), внутриконфессиональная идентичность.

...

Для цитирования: Соловьев П.К. К характеристике внутриконфессиональной идентичности единоверцев Самарской губернии второй половины XIX — начала XX века // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 4. С. 68–81. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0190

On the characterization of the intra-confessional identity of co-religionists Samara province of the second half of the XIX — early XX century

Based on the documentary materials of the Central State Archive of the Samara Region, the article examines the process of formation of intra-confessional self-consciousness of Edinovertsy in the context of their relations with the Orthodox clergy and laity. Ceremonial isolation implied a fairly wide range of concomitant unique features that significantly distinguished the Orthodoxy from the Orthodox environment: an inextricable historical connection with the Old Believers, the community of the historical past with the Old Believer schism, the unique religious and everyday side of everyday life, a conservative worldview, a special psychology of relationships in social relations and others. In this regard, the processes of confessional adaptation of co-religionists and the formation of their intra-confessional identity are of great research interest. The identity of the Orthodox Old Believers, in the presence of liturgical communion and church-administrative unity with the Russian Orthodox Church, was formed in an environment of a certain distrust on the part of the pan-Orthodox clergy. Nevertheless, the preservation of the conservative liturgical way of the Orthodox Old Believers did not become an insurmountable obstacle to interaction with the "New Believers" environment. The ambiguous nature of these processes to some extent allows us to establish materials on the regional history of the Edinoveriye, in particular, on the history of the Same faith in the Samara province in the second half of the XIX — early XX century.

Keywords: Edinoveriye, Orthodox Old Believer, schism, Samara province, Bishop Guriy (Burtasovsky), intra-confessional identity.

...

For citation: Solovyev P.K. On the characterization of the intra-confessional identity of co-religionists Samara province of the second half of the XIX — early XX century. *Old Believer*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 68–81. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0190

В 1800 г. вступили в действие правила московского митрополита Платона (Левшина), которые позволяли старообрядцам присоединяться к Русской православной церкви (далее в тексте — РПЦ) на условиях единоверия при сохранении дониконовской богослужебной традиции и наличии некоторой приходской автономии. Впоследствии единоверие (или православное старообрядчество) переросло рамки противораскольнического миссионерского проекта. К моменту Поместного собора 1917–1918 гг. единоверие представляло собой вполне сложившуюся, уникальную внутриконфессиональную группу, формирование которой осуществлялось на основе старообрядчества в ситуации неизбежного взаимодействия с «новообрядчеством» в лоне «господствующей Церкви». Архивные материалы по региональной истории единоверия в Самарской губернии дореволюционного периода позволяют проиллюстрировать этот процесс и выявить его некоторые особенности.

Взаимоотношения единоверцев с общеправославным окружением в Самарской губернии, образованной в 1851 г., складывались в сложных, противоречивых обстоятельствах. В 1820–1840 гг. инициатива реализации правил митрополита Платона (Левшина) в Николаевском уезде, где проживала большая часть старообрядцев, принадлежала гражданской власти, которая при обращении в единоверие использовала главным образом административные методы. На Иргизе знаменитые беглопоповские монастыри были принудительно закрыты и преобразованы в единоверческие; присоединение к Церкви старообрядческих сел часто ограничивалось формальной записью в единоверцы местными чиновниками [Сokolov, 1888. С. 450]. Неудивительно, что подобная практика породила среди единоверцев такое явление, как «криптораскольничество», и впоследствии привела к повторным отпадениям в раскол. Массовое отступничество единоверцев на Иргизе в 1840–1860 гг., религиозное двуличие единоверцев-«криптораскольников» давали почву для достаточно продолжительного существования атмосферы подозрительности вокруг новообращенных единоверцев [Соловьев, 2021. С. 139–153; Архангельский, 1923. С. 47–49]. Гражданские власти, епархиальное руководство и общеправославное духовенство часто расценивали стремление единоверцев сохранить свою богослужебную самобытность и церковно-административную автономию в качестве потенциальной возможности повторного уклонения в раскол. Необходимо отметить, что недоверие было взаимным: единоверцы часто не без оснований усматривали в действиях гражданских и церковных властей попытки ограничить их приходскую самостоятельность и ассимилировать с «новообрядчеством» их старообрядческую самобытность.

В отношении единоверцев существовало устойчивое предубеждение, которое при возникновении внутриконфессиональных коллизий находило свое выражение в своеобразной «презумции виновности» бывших раскольников. Так, когда в 1851 г. в уездном городе Николаевске проводилось следствие по поводу пропажи без вести и убийства недалеко от единоверческого Средне-Никольского женского монастыря некоего писца В. Протопопова недалеко от единоверческого Средне-Никольского женского монастыря, к следователю Жабицкому явился священник этой обители Иван Лукинский. Священник изложил следствию «предположение свое», что в монастыре известно об обстоятельствах совершенного преступления, но покойный архимандрит Спасо-Преображенского единоверческого монастыря Трефилий и игуменья Средне-Никольского монастыря Евфросиния (Еремина) приказали

всем насельницам обители «не говорить правды» о случившейся трагедии. Не имея прямых доказательств, подтверждавших его заявление, Лукинский присовокупил в качестве главного аргумента, что все «монастырские жители... по наружности только исповедуют единоверие, а по истине все без исключения, от настоятельницы до последней послушницы находятся в закоснелом расколе» [ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 138. Д. 8. Л. 1а — 4 об.]. По факту этих показаний проводилось разбирательство как со стороны гражданских, так и церковных властей Самарской губернии. В ходе проверки, проведенной единоверческим благочинным архимандритом Иоасафом (Буслаевым), было установлено, что обвинения Лукинского не соответствуют действительности: настоятельница и все проживающие в обители сестры «по духовному состоянию — суть единоверки, усердные к Святыне и к точному выполнению всех христианских обязанностей, равно и монашеских обетов». К тому же архимандрит Иоасаф добавил, что в духовных росписях монастыря сам же Лукинский ежегодно отмечал их присутствие на таинствах Исповеди и Причастия [ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 138. Д. 8. Л. 8–8 об.].

По всей видимости, обвинения священника Лукинского были вызваны негативным к нему отношением насельниц единоверческой обители как к «новообрядному» иерею. Впоследствии это нашло подтверждение в назначении в Средне-Никольский монастырь другого священника из общеправославного духовенства. В марте 1854 г. иерей Дометий Воздвиженский сообщал самарскому епископу Евсевию (Орлинскому), что сразу после прибытия в монастырь игуменья Евфросиния «с сестрами своими встретили меня и семейство мое с довольно суровым видом и время от времени оказывала мне... свое недоброжелательство». Такое обращение настоятельницы обители к священнику было вызвано ее предвзятостью, касавшейся способности Воздвиженского священнического служения «по единоверческому обряду». Игуменья открыто говорила ему от имени всех насельниц, что они в нем, «щепотнике», не нуждаются, «а следовало бы прислать ей священника из раскольников» (то есть единоверца, рукоположенного из старообрядцев). Воздвиженский перечислял правящему архиерею случаи прямого вмешательства игуменьи и монахинь в сферу его иерейской компетенции: «Запретила по изданной книжке продолжать молебствие о прекращении войны и о победе Аттаманской Порте, запретила входить в <православную> церковь деревни Давыдовки единоверцам для Богомолия и слушания молитвословия, и отклоняет их <от> православия в единоверие». В качестве примера он привел случай, когда настоятельница отговорила вольского мещанина С.Г. Расторгуева крестить у Воздвиженского трех малолетних детей, сказав, что таинство Крещения будет совершаться по «новым книгам». На повечериях и полунощницах игуменья запретила также священнику поминать в ектениях Св. синод и правящего архиерея. По словам самого священника, во время богослужений «по единоверческому обряду» монахини часто останавливали Воздвиженского, «даже с обидными и дерзкими для... меня выговорами так, что я дурак, а не священник». Демонстративный бойкот Воздвиженского со стороны игуменьи привел к тому, что он оказался в своего рода литургической изоляции: в Великий пост монахини перестали ходить к нему на исповедь, отказываясь иметь священника своим духовником, поскольку игуменья их на это «не благословила». В итоге Дометий Воздвиженский настоятельно просил епископа перевести его

в другое место служения, «куда угодно будет Вашему Преосвященству» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7201. Л. 6–7 об.].

Напряженные ситуации, связанные с нарушением границ приходской компетенции, возникали между представителями единоверческого и общеправославного духовенства, как правило, в населенных пунктах со смешанным конфессиональным составом. «Новообрядный» благочинный с. Николевки Николаевского уезда священник Павел Колпиков в октябре 1868 г. жаловался самарскому епископу Герасиму (Добросердову), что единоверческий священник с. Теликовки Петр Малов якобы «совратил» из православия в единоверие крестьян И. Рогожина и И. Емелина с семьями, Д. Глыдова, В. Шабанова и вдову Е. Осипову и запретил им принимать православное духовенство «в их дома» с крестным ходом и исправлять требы. Представляется весьма примечательным использование благочинным в своем письме термина «совратил», который применялся в официальных документах в описании действий раскольнических миссионеров. Жалоба не соответствовала действительности: указанные в донесении лица стали единоверцами еще при «предместнике» Малова Василии Горине, а упомянутый государственный крестьянин Д. Глыдов и вовсе никогда не был православным, являясь последователем «беглопоповской секты» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2075. Л. 1–2 об., 7–7 об., 10–10 об.]. Недостоверные сведения о Петре Малове благочинному сообщил «новообрядный» священник с. Теликовки Федор Павловский, который после того, как его местные единоверцы «отставили» от своего прихода, характеризовал единоверие как «тайную» разновидность старообрядческого раскола и испытывал плохо скрываемую неприязнь и к своим бывшим прихожанам, и к представителям единоверческого духовенства. Так, в 1880 г. по доносу Федора Павловского был временно запрещен в священнослужении единоверческий священник с. Теликовки Андрей Храбров, который якобы за взятку совершил таинство Венчания «по малолетству невесты» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–2 об., 7–8]. Примечательно, что прихожане Храброва активно пытались оправдать своего священника перед епископом, утверждая, что он уступил их настоятельным просьбам. При этом единоверцы ссылались на брачные положения «Кормчей книги» и старообрядческие традиции [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93. Л. 10].

Поскольку «новообрядное» духовенство видело в единоверческих священниках прежде всего «опытных сотрудников... при обращении сектантов к православию или единоверию» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99. Л. 1], то и случаи возникавших недоразумений в деле миссии вызывали обвинения в тайном расколичестве. Конфликтная ситуация возникла в 1880 г., когда балаковские священники, протестуя против записи Афанасием Давыдовым православных прихожан в единоверческий приход, прямо обвиняли единоверческого священника и его паству в том, что они «не отстали... в душе своей от ухищрений раскольнических» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–2]. Давыдов был вынужден оправдываться перед единоверческим благочинным Иоасафом (Буслаевым):

«Раскольнических ухищрений в душе своей я не имею... <...> Рожденный я, действительно, в расколе, но воспитан в православном единоверии, где научен был познанию Св. Истин, а потому я не могу произносить от себя какие-либо душепагубные заветы, служащие к уклонению от пра-

вославия... <...> Пусть напрасно клеветает духовенство села Балаково» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99. Л. 4].

Епископ Гурий (Буртасовский), занимавший самарскую кафедру в 1892–1904 гг., в своей архипастырской деятельности уделял немало внимания православной миссии среди старообрядцев и видел в единоверии один из главных инструментов борьбы с расколом. Причину проблем, возникавших во взаимоотношениях православных с единоверцами, он связывал с неопределенным статусом единоверия в РПЦ. Поэтому епископ Гурий (Буртасовский) в рамках подведомственной ему епархии осуществлял последовательную политику, направленную на официальную легитимацию старого обряда в рамках богослужебной практики РПЦ. Стремясь подчеркнуть сакраментальную и каноническую идентичность единоверия православию, он неоднократно совершал архиерейские богослужения «старым чином», тем самым поднимая авторитет единоверия в глазах и православных, и в среде старообрядческого раскола [Саралидзе, 2021. С. 268–269]. В 1898 г. на съезде миссионеров Самарской епархии Гурий (Буртасовский) высказал свое однозначное отрицательное отношение к мнению тех православных мирян и священников, которые позволяли себе порицать единоверие. В качестве единственной причины подобного порицания указывался сам факт «исполнения единоверия», т. е. совершения богослужения в старообрядческой традиции. Епископ характеризовал такую позицию как оскорбительную, поскольку «единоверие, по существу своему, тождественно с православием»:

«Старые обряды, принятые в Единоверческих церквах, ни мало не нарушают догматизма тех истин веры, выражением которых они служат. <...> Порицающие единоверие с его старыми обрядами погрешают пред Богом и Св. Церковью, помимо того, что они своими порицаниями производят соблазн в меньшей нашей братии во Христе» [Журналы..., 1899. С. 11; Соловьев, 2023 (а). С. 109].

Первым среди епископата Русской православной церкви Гурий (Буртасовский) в 1901 г. вынес на обсуждение Самарской духовной консистории предложение именовать единоверцев «православными старообрядцами» в официальных документах и церковных печатных изданиях епархии. Правда, данная инициатива правящего архиерея, целью которого являлась формализация равноправного статуса единоверия в рамках православия, поддержки у членов духовной консистории не нашла [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6883. Л. 2–8].

Справедливости ради стоит всё же отметить, что значительное число приходских священников придерживалось мнения, что практика применения старообрядного богослужения в РПЦ не только уместна, но и необходима, обращая внимание на ее значительный миссионерский потенциал и эффективность в деле православной проповеди среди старообрядцев. Отмечалось, что для определенной категории бывших раскольников безусловное присоединение к Церкви вызывало порой стрессовые психологические состояния, близкие к «религиозному умопомешательству». Бытовые неурядицы, семейные проблемы, смерть близких воспринимались такими единоверцами как наказание за измену вере предков, в отказе от «древлей» обрядности. Поэтому «новообрядные» миссионеры порой настоятельно рекомендовали таких старообрядцев присоединять не «напрямую», а на условиях единоверия [Александр, 1902. С. 466]:

«Наш русский мужичок далек еще от того сознания, чтобы различать в делах веры существенную сторону от несущественной, т. е. догматическую от обрядовой, в большинстве же случаев так и остается при своем мнении, что «хрестом» (двуперстием) лучше (спасительнее) молиться, чем "троицей" (троеперстно). Крестьянин — младенец в вере: как младенцу не дают твердой пищи; так и крестьянину не надо навязывать то, чего он не может еще переварить своим младенческим умом; крестится двуперстно, оставьте его; пусть так и крестится, только бы... <...> ...Мысль в сложности перстов была православная» [Александр, 1902 С. 462–463, 465–466].

Более того, по мнению противораскольнического епархиального миссионера протоиерея Дмитрия Александрова, благоговейное совершение богослужения единоверцами, когда «читают и поют в церкви не торопясь, громко, внятно», могло бы послужить образцом отношения к исполнению церковного устава и у общеправославных причтов [Александров, 1898. С. 420].

Признавая обрядовую «равноспасительность» в лоне Церкви, старообрядческое неприятие «новшеств» становилось серьезным психологическим препятствием в канонически допустимой возможности участия в общеправославном богослужении [Соловьев, 2023 (а). С. 109]. Об этом единоверцы говорили вполне откровенно, особенно когда отсутствовала возможность совершения службы в тех общинах, где не было постоянного священника или же молитвенного помещения. В мае 1896 г. самарский единоверческий благочинный Иоанн Орлов, подав прошение на отпуск по состоянию здоровья, уведомил Самарскую духовную консисторию, что в его отсутствие исправлять требы в Казанско-Богородицкой церкви «с пользою для дела» может единоверческий священник из с. Теликовки Николаевского уезда Иоанн Сеннов. Поскольку в Теликовке кроме единоверческой церкви был и общеправославный храм, то, по уверениям благочинного, Сеннова мог успешно заменить местный «новообрядный» священник Михаил Петров: «...что на опыте не раз было испытываемо, и единоверцы исполнением пастырских обязанностей у них православным священником не гнушаются». Однако, когда в июле 1896 г. в Теликовку с рабочей поездкой приехал временно исполняющий должность единоверческого благочинного священник Тимофей Старцев, представленная священником Орловым картина в реальной жизни оказалась не столь однозначной. Староста единоверческой церкви сообщил Старцеву, что в отсутствие их приходского священника местные единоверцы если и будут обращаться к православному священнику, то только «в случае крайней нужды, да и то не без сомнений». Более того, выяснилось, что некоторые из прихожан в праздничные и воскресные дни вместо общеправославного храма будут посещать «австрийский» молебный дом: «Так было раньше, так будет и теперь». Чтобы предотвратить подобные инциденты, староста вместе с другими прихожанами просил самарского епископа вернуть священника Иоанна Сеннова из служебной командировки обратно [ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 6595. Л. 3–9 об.].

Предлагаемую альтернативу — участие в богослужениях общеправославных храмов — они решительно отвергали, о чем в 1901 г. сообщил противораскольнический миссионер Дмитрий Александров. В Саврушской слободе Бугурусланского уезда, где у единоверческой общины не было даже молебного дома, местные православные старообрядцы жаловались миссионеру:

«Куда же, отец, мы голову приклоним? От своих отстали, а у тебя нам и привиться негде. <...> Праздники будут, пост, люди будут молиться, а нам негде и не с кем... Привычку ты нашу знаешь: не можем себя переломить — ходить в православную церковь» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4389. Л. 6–8].

Видимо, руководствуясь этими соображениями, некоторые общеправославные благочинные Самарской губернии оказывали активное содействие в строительстве единоверческих храмов. Когда в октябре 1890 г. единоверческая община г. Николаевска приняла решение построить свою церковь, благочинный градского округа протоиерей Федор Лебедев горячо поддержал эту инициативу перед епархиальным руководством: «По моему крайнему разумению, как раз во время должен был <единоверческий храм> соиздаться и чем скорее, тем лучше. Слухи есть, что по построении храма многие из беглопоповцев, которых в городе большая часть, а частью из австрийцев, присоединится на правах единоверия» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3494. Л. 10]. В конце XIX в. православный благочинный IX округа Николаевского уезда Александр Началов помогал в возведении каменной единоверческой церкви в Балаково, привлекая благотворителей и материальные средства, за что получил благодарность от епархиального начальства [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 290. Л. 36–41].

Следует отметить, что литургическая жизнь единоверческой общины не являлась абсолютно закрытой. Единоверцы не были принципиально против участия верующих из общеправославных приходов в богослужении по дониконовскому церковному уставу. Несмотря на то что пятое правило единоверия допускало обращаться за исправлением христианских треб к единоверческим священникам только в исключительных случаях, на бытовом уровне «новообрядные» прихожане не воспринимали единоверческое богослужение как нечто чуждое. Особенно практика таких обращений была распространена в местностях со смешанным конфессиональным составом, где было сильно влияние старообрядческой религиозной традиции. Во второй половине XIX — начале XX в. в Николаевском уезде «на Иргизах» православными мирянами старый обряд не просто воспринимался лояльно, он активно использовался в религиозной повседневности, о чем сообщало православное духовенство:

«Наши пасомые овцы... <...> ...Обитающие и вращающиеся в среде раскола и нечуждые его закваски, все они почти молятся дуперстным (знамением) крестом, уважают хождение «посо-лонь», лестовки, подручники и другие старообрядческие обычаи...» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99. Л. 16а].

Неприятие вызывало главным образом присутствие на службе тех православных, чей образ жизни, внешний вид и поведение не соответствовали консервативным стандартам «древлего благочестия». За соблюдением внешних атрибутов старообрядческой традиции единоверцы следили строго: например, в 1885 г. епископу Серафиму (Протопопову) от прихожан самарской Казанско-Богородицкой церкви поступило прошение «избавить» их от настоятеля прихода, поскольку тот «венчал не принадлежащих к нашему приходу посторонних брадобреющих» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 187. Л. 3 об.]. Между тем данные метрических книг единоверческих приходов свидетельствуют о распространенности смешанных браков между православными и единоверцами. Так, в 1897 г. в Никольской единоверческой церкви с. Балаково Николаевского уезда было совершено 23 таинства венчания, из которых двенад-

цать — над единоверцами, девять браков были смешанные и в двух парах оба новобрачных были прихожанами общеправославных приходов [ЦГАСО.Ф. 32. Оп. 31. Д. 111. Л. 41–48].

В ноябре 1860 г. единоверческий священник с. Теликовки Василий Горин совершил погребение по старому чину младенца мещанки г. Хвалынска Татьяны Сергеевой. Ее ребенок по дороге в Самару тяжело заболел, и Т. Сергеева, «рожденная от православных родителей и крещенная в православном обряде» по неизвестной причине обратилась в Теликовке не к «новообрядному» священнику, а к Василию Горину, «называя себя единоверкою». Епископ Феофил (Надежин) велел передать Горину через благочинного Иоасафа строгое замечание, чтобы в будущем священник позаботился «справиться с увольнительным видом» (т. е. документами) обратившихся к нему иногородних [ЦГАСО. Ф.32. Оп. 1. Д. 1541. Л. 1–8 об.]. Во второй половине XIX в. в с. Балаково многие православные жители во время великих праздников «по убедительной просьбе» приглашали к себе в дома единоверческого священника «с крестом, Св. водой, обрядами и напевами единоверческими», а в будние дни обращались к нему за исполнением разных христианских треб и «заказов» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99. Л. 4, 16а]. В Новоузенске единоверческий священник Иоанн Сеннов в 1904 г. на Фоминой неделе, когда на местном кладбище собрались верующие для поминовения усопших родственников, Сеннов служил панихиды в первую очередь на могилах православных («и при том у тех, кто побогаче») и только затем шел к могилам прихожан, на которых служил «торопливо» и «пропусками», чем вызвал сильное недовольство единоверцев [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 4920. Л. 94 об.]. В том числе во избежание подобного рода поминального «смешения» в некоторых населенных пунктах Самарской губернии единоверцы, осознавая собственную обособленность, по возможности стремились обустроить собственные конфессиональные кладбища — отдельно как от старообрядческих, так и общеправославных, например в Самаре (1857 г.) [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 1218. Л. 1] и в Балаково (1860 г.) [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 373. Л. 1–3; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 3192. Л. 6].

При этом встречались примеры и обратного религиозно-бытового влияния «новообрядчества» на единоверцев. В последней четверти XIX — начале XX в. большим авторитетом у единоверцев Николаевского уезда пользовался православный миссионер протоиерей Александр Началов: его считали знатоком старого обряда, к нему обращались за совершением таинства венчания «по единоверческому чину», в балаковские единоверцы из влиятельной купеческой семьи Залогиных считали его своим духовником [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5086. Л. 38 об.]. Для Балаково в начале XX в. такой вид конфессиональной «диффузии» православных и единоверцев был явлением распространенным: «Причт единоверческой церкви часто совершает требы для православных прихожан, особенно — богатых купцов, и обратно, т. е. православные иереи бывают у прихожан единоверцев» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5086. Л. 38 об.]. Впрочем, эпизоды двойной обрядности в служении единоверческого духовенства не вызывали однозначного одобрения со стороны прихожан.

Здесь, упоминая о взаимоотношениях духовенства и мирян в единоверческих общинах, необходимо указать на существенные отличия от жизни общеправославных приходов. Единоверческий причт находился в гораздо большей зависимости от рядовых мирян, попечителей и церковных старост. По всей видимости, это было связано с укоренившейся ста-

рообрядческой традицией «наставничества», при которой значение мирян в богослужении и духовной жизни было не меньше роли духовенства, не говоря уже о беспоповских согласиях, где священства не было как такового. В единоверии эта традиция нашла свое отражение в одном из правил митрополита Платона (Левшина), которым прихожанам позволялось избирать священника из своей среды.

В единоверческих приходах большое влияние и авторитет старост и попечителей приводил к злоупотреблениям с их стороны своим положением. В феврале 1882 г. епископу Серафиму (Протопопову) поступило прошение от уполномоченного обществом единоверцев с. Сосновки Бугурусланского уезда И.Ф. Ремизова. В документе попечитель жаловался на священника Алексея Залетаева «о неисполнении им обряда духовного и требования крестьянского». Клевета. Единоверческий благочинный священник Павел Кустов провел расследование, выяснив, что жалоба оказалась клеветой: «...все общество заявило, что никаких претензий на своего священника не имело и не имеет» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–4 об. 5 об.]. Впоследствии другой сосновский священник, Алексей Вшивцев, продолжил борьбу за контроль над церковными средствами, который приход получал со сдачи под аренду торговых мест на базарной площади, но по-прежнему попечители «бесконтрольно расходовали средства, держали их дома и даже на эти деньги торговали». [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 4–4 об.]. Правящий архиерей предпочел не вмешиваться в дела прихода и порекомендовал «переменить» попечителей на следующих приходских выборах, «тем более, что они церковными суммами распоряжаются самопроизвольно, не обращая внимание на распоряжения епархиальной власти и думают также поступать в будущем, как это они заявили» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 136. Л. 5 об.].

В сентябре 1883 г. настоятель Никольской единоверческой церкви с. Балаково Афанасий Давыдов сообщил единоверческой благочинному Иоасафу (Буслаеву) о реакции церковного старосты Вилкова на его требования отчитаться по приходно-расходным книгам:

«На праздник Воздвижения Креста пред литургией в церкви <Вилков> жаловался нашим прихожанам, будто бы я оклеветал его пред епархиальной властью, и если его уволят от должности, то он из церкви унесет две ризы и две пелены и подаст их в бедные церкви. По окончании литургии староста Вилков, взяв церков. книги приходо-расходные, размахивая ими в толпившийся народ, к выходу из церкви безобразно кричал, визжал со слезами кого хотите выбирайте в старосты, а он более служить не будет. Каковой его постыдный поступок многие, миновав, ушли из церкви... Унимать же его в беспорядках церковных никто не может. Вышедший из себя, он кричал в народ, пока с остановкой выходили, что он не вор! копейкой церковной не виноват! Куды мне, — продолжал выражать[ся], — копейку, давиться, что ли, ей! своего некуда девать! или дети, — говорит, — у меня!? и т. д.» [ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 295. Л. без нумерации].

В октябре 1892 г. новоузенские единоверцы подали прошение в Самарскую духовную консисторию об удалении с должности старосты Александра Лобачева, который, по их мнению, использовал в корыстных целях свое положение в приходе, вместе со своими сыновьями Макарием и Никифором уносил церковные средства домой, настраивал прихожан против священника [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6407. Л. 17–19].

Впрочем, состоятельные попечители и церковные старосты в единоверческих приходах находили для себя возможным не только заниматься материальными и хозяйственными вопросами, но напрямую контролировать богослужебную деятельность священника. В 1888 г. самарский купец Семен Ларионович Аржанов, попечитель единоверческой Казанско-Богородицкой церкви после очередной литургии сделал замечание священнику Кириллу Онуфриеву, будто тот во время священнодействия не произнес необходимые слова «Приимите, ядите, се есть Тело мое». Онуфриеву удалось отвести эти обвинения, ссылаясь на то, что «Семен Ларионович глух, потому и не слышал» [ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 190. Л. 9]. В 1892 г. церковный староста новоузенской единоверческой общины Александр Лобачев упрекнул однажды приходского священника Дометия Холопова в том, что использовал на богослужении «новообрядный» тропарь. При этом староста сделал оговорку, что не считает пение этого тропаря на единоверческом богослужении «погрешительным», но сделал это замечание из опасения возможного «соблазна» среди прихожан таким «нововведением» [Ф. 32. Оп. 6. Д. 6407. Л. 16–17 об]. В начале XX в. прихожане новоузенской единоверческой церкви требовали отстранить от службы священника Иоанна Сеннова за безнравственное поведение и за то, что «сокращал службу» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 08. Д. 4920. Л. 94 об. — 95].

Среди единоверцев встречались случаи и более радикального усвоения обрядовых «новшеств». В августе 1870 г. николаевский мещанин Тимофей Лазарев, перешедший в единоверие из белокриницкого согласия, подал епископу Герасиму (Добросердову) прошение о разрешении ему совершать троеперстное крестное знамение на службе в единоверческом Средне-Никольском женском монастыре, где он являлся прихожанином. «Проводя время в единоверии, всматриваясь в православные церковные книги, нашел, что знамения тремя первыми персты — есть древняя Восточная церковь предание, начал так и знамется (т. е. троеперстно креститься. — П.С.). Усмотрели [это] мои Единоверные, начали оскорбления...» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2089. Л. 1]. Вполне естественно, что подобная инициатива спровоцировала «выговор и прения» между Лазаревым и настоятельницей монастыря Капитолиной (Пантелеймоновой), которая в пылу полемики, ссылаясь на текст Большого Катехизиса, заявила, что троеперстие — не что иное, как антихристова печать. «Хулы» на троеперстие настоятельница высказала «не знаячи», поскольку на требование Лазарева принести книгу и подтвердить озвученный тезис настоятельница призналась, что «она мало книг читала, это она действительно не знает и объяснила, <что> знаменатися трем персты она не хулит». Две недели спустя на собрании прихожан г. Николаевска в доме настоятельницы вновь прошли «жестокое прения». В напряженной дискуссии священник монастырского прихода Иоанн Орлов поддержал единоверца-троеперстника, «но не настойчиво», опасаясь вступить в прямой конфликт с игуменьей и прихожанами. Большинство присутствующих на собрании единоверцев постановили Лазареву: если он не будет креститься «двумя персты» — «изгнать из дома Божия... <...> ...По указу, данному им». Лазарев, защищая свою позицию, проявил определенную правовую изоциренность, опираясь на известную юридическую максиму и ссылаясь на правила митрополита Платона, где единоверцам «молиться тремя персты... запрещения было ни слова». По мнению Лазарева, то же самое касалось «брадобриев и прочих», которых единоверцы не могут «не допускать... <...> ...На общее к себе моление, как

бы им касались сомнительными для общего моления» [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2089. Л. Л. 1–2 об.]. Когда эта история дошла до самарского епископа Герасима (Добросердова), он распорядился единоверческому благочинному Иоасафу «примирить враждующих из-за перстного сложения, отклонить неуместные споры между людьми, не вполне сведующими» в догматическом учении Церкви. При этом Лазареву было дано разрешение совершать троеперстное крестное знамение на богослужении в единоверческом храме [ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2089. Л. 3–3 об.].

Приведенный выше казус является скорее исключением, примером персональной адаптации отдельного старообрядца. Более существенным признаком массовой религиозной инкультурации единоверцев в Самарской губернии конца XIX — начала XX в. представляется признание и почитание ими сонма святых, канонизированных РПЦ в синодальный период. Состоявшаяся в 1903 г. торжественная канонизация св. преп. Серафима Саровского продемонстрировала общность единоверия с «новообрядными» верующими, в том числе и в такой сфере благочестия, как почитание православных святых. Торжественные мероприятия, участие в них императора Николая II, массовые случаи «чудес-исцелений» — все это вызвало небывалый религиозный энтузиазм православных верующих, среди которых присутствовало немало и единоверцев. Так, торжества в Сарове посетило множество единоверцев «с Иргизов» (Николаевский уезд Самарской губернии), и они лично свидетельствовали о «видимом проявлении Божественной благодати, явленной во многих чудесных исцелений от останков Св. Старца Серафима» [Соловьев, 2023 (b). С. 153, 157–158].

Такого рода агиологическое доверие показало определенную степень размежевания с остальным старообрядчеством и в то же время продемонстрировало возможность молитвенного общения старообрядцев с «новыми» святыми, что, в свою очередь, свидетельствовало об укрепляющемся единстве с «господствующей Церковью».

Литература

Александр С. Из записок священника // Самарские епархиальные ведомости. 1902. № 10. Часть неофициальная. С. 462–466.

Александров Д. Отчетные сведения по противораскольнической миссии в Самарской епархии, за 1898 год // Самарские епархиальные ведомости. 1898. № 9. Часть неофициальная. С. 415–423.

Архангельский Н.А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара: Сам. гос. ун-т, 1923. 52 с.

Журналы Съезда миссионеров Самарской епархии // Самарские епархиальные ведомости. 1899. № 1. Часть официальная. С. 4–11.

Саралидзе М.Г. Сравнительный анализ форм и результатов миссионерской и просветительской деятельности епископа Гурия (Буртасовского) на Дальнем Востоке и в Поволжье // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 262–272.

Соколов Н. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. 48с.

Соловьев П.К. (а) Миссионерская деятельность единоверческого духовенства Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. № 1. С. 106–115.

Соловьев П.К. (b) Старообрядчество и «новые святые» Русской Православной Церкви в начале XX века: к истории полемики «австрийцев» с единоверцами // Межрегиональные Пименовские чтения. 2023. № 20. С. 150–159.

Соловьев П.К. О «криптораскольничестве» единоверцев Николаевского уезда Самарской губернии в 40–70-х годах XIX столетия // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 139–153.

Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачев (ФГАСОП). Ф. 21. Оп. 1. Д. 295.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 6. 6595.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 3. Оп. 138. Д. 8.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2075.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2089.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 17. Д. 290.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1541.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 31. Д. 111.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 4. Д. 373.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 6. Д. 3192.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6407.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6883.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7201.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3494.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4389.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 8. Д. 1218.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 8. Д. 4920.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5086.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 93.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 99.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 136.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 187.

Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531.

References

Alexander S. From the notes of the priest. Samara Diocesan Gazette, 1902, no. 10. The unofficial part, pp. 462–466. (In Russian)

Alexandrov D. Accounting information on the anti-schismatic mission in the Samara diocese, for 1898. Samara Diocesan Gazette, 1898, no. 9, Unofficial part, pp. 415–423. (In Russian)

Arkhangelsky N. A. On the history of the Same Faith in the Nikolaevsky district of the Samara province. Samara: Sam. gos. un-t, 1923. 52 p. (in Russian). (In Russian)

Branch of the State Archive of the Saratov region in Pugachev. Fund 21. Inventory 1. File 295. (in Russian). (In Russian)

- Central State Archive of the Samara region. Fund 3. Inventory 138. File 8. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 1. File 1541. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 1. File 2075. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 1. File 2089. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 17. File 290. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 31. File 111. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 4. File 373. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 6. File 6595. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 6. File 3192. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 6. File 7201. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 7. File 3494. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 7. File 4389. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 8. File 1218. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 8. File 4920. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory 8. File 5086. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 32. Inventory. 6. File 6407. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 356. Inventory 1. File 93. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 356. Inventory 1. File 99. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 356. Inventory 1. File 136. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 356. Inventory 1. File 187. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund 356. Inventory 1. File 531. (In Russian).
- Central State Archive of the Samara region. Fund. 32. Inventory 6. File 6883. (In Russian).

Journals of the Congress of Missionaries of the Samara Diocese. Samara Diocesan Gazette, 1899, no. 1, Official part, pp. 4–11. (In Russian)

Saralidze M.G. Comparative Analysis of the Forms and Results of the Missionary and Educational Activities of Bishop Gurias (Burtasovsky) in the Far East and the Volga Region. Christian Reading, 2021, no. 2., pp. 262–272. (In Russian)

Sokolov N. The split in the Saratov region. Saratov, 1888. 480. (In Russian)

Solovyev P.K. About the "crypto-schism" of the Orthodox Old Believers of the Nikolaevsky Uyezd of the Samara Province in the 40s–70s of the XIX century. Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary, 2021, no. 15, pp. 139–153. (In Russian)

Solovyev P.K. Missionary activity of the co-religionist clergy of the Samara province in the second half of the 19th – early 20th century. Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 106–115. (In Russian)

Solovyev P.K. Old Believers and the "New Saints" of the Russian Orthodox Church at the beginning of the twentieth Century: on the history of the polemic of the "Austrians" with co-religionists. Interregional Pimenov readings, 2023, no. 20, pp. 150–159. (In Russian)

82 Таранец Сергей Васильевич

доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины

Трехсвятительская ул., 4, Киев, Украина, 01001

E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Советская историография по истории и культуре старообрядчества в 1920–1990 годы

В статье проанализированы работы, оказавшие существенное влияние на развитие изучения старообрядчества в Советском Союзе. Источниковой базой научного изыскания стали труды выдающихся ученых советского и постсоветского времени, отражающие соответствующий период. В результате проведенного анализа установлено, что, несмотря на отрицательное отношение советской власти к религии, научные апробации по истории и культуре староверов в 20-х — начале 90-х гг. XX в. почти не прекращались, а в 1950–1980 гг. особое развитие получила полевая археология, осуществлявшаяся главным образом в селениях староверов — хранителей культурного наследия времен Древней Руси и средневековой России. Раскрыты основные тенденции в разработке проблем в области старообрядоведения, выявлен круг вопросов, поднимаемых в познавательной деятельности, выделены группы ученых, принадлежащие к академическому и идеологическому исследовательским направлениям, определен спектр дисциплин и научных центров, в которых проводилась обработка полученного в ходе полевых экспедиций материала, изучаются результаты опытов ученых, их вклад в изучение истории и традиционной культуры старообрядцев.

Ключевые слова: СССР, история, историография, археология, научное направление, традиционная культура, старообрядчество.

...

Для цитирования: Таранец С.В. Советская историография по истории и культуре старообрядчества в 1920–1990 годы // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 4. С. 82–99. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0200

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine

Tryohsvyatitelska Street, 4, Kyiv, Ukraine, 01001

E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Soviet historiography on the history and culture of the Old Believers in 1920–1990

The article analyzes the publications that had a significant impact on the development of the study of the Old Believers in the Soviet Union. The source base of the study includes the works of prominent scientists of the Soviet and post-Soviet era, reflecting the corresponding period. The analysis shows that despite the negative attitude of the Soviet authorities to religion, scientific investigations into the history and culture of the Old Believers continued almost uninterruptedly in the 20s — early 90s of the 20th century, including field archaeological studies in the 50s — 80s, which were carried out mainly in the villages of the Old Believers as the keepers of the cultural heritage of ancient Russia and medieval Russia. The main tendencies and developments in the field of Old Believer studies are revealed, the range of questions raised by the studies is discussed, and the groups of scientists belonging to the academic and ideological directions of research are identified. In addition, the range of disciplines and scientific centers in which the material obtained during field expeditions was processed is presented, as well as the results of social experiments, their contribution to the study of the history and traditional culture of the Old Believers.

Keywords: USSR, history, historiography, archaeography, scientific investigations, traditional culture, Old Believers.

...

For citation: Taranets S.V. Soviet historiography on the history and culture of the Old Believers in 1920–1990. *Old Believer*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 82–99. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0200

В последнее время одним из важных направлений исторической науки является изучение истории, культуры и повседневной жизни русского старообрядчества. В ведущих отечественных и зарубежных изданиях появились тысячи исследований, касающихся проблем старообрядоведения, но, несмотря на явный прорыв в этой области, работ, посвященных углубленному и аргументированному изучению историографии, истории и культуры старообрядчества, весьма недостаточно, поэтому данное исследование является одной из первоначальных работ, в которой рассматриваются труды представителей двух основных советских направлений: академического, представленного учреждениями АН СССР и ведущими университетами Советского Союза и унаследовавшего лучшие традиции дореволюционной науки, и идеологического направления, в той или иной степени причастного к большевистским или коммунистическим партийным структурам и показательным ориентировавшегося на марксистскую методологию.

Объектом исследования стал комплекс научной литературы по истории и специальным историческим дисциплинам, уделявшим значительное внимание изучению русского старообрядчества в Советском Союзе в 20-х — начале 90-х гг. XX в., его предметом — труды известных ученых, публиковавших свои исследования большей частью на материалах археологических экспедиций, собранных ими самими или их коллегами и публиковавшихся в ведущих профильных изданиях страны. Поставлена цель выявить и проанализировать работы, оказавшие существенное влияние на развитие изучения старообрядчества в советский период. В связи с чем поставлен ряд задач, среди которых раскрытие основных тенденций в разработке советской исторической науки в области старообрядоведения, выявление круга проблем, поднимаемых в научных работах, выделение групп ученых, принадлежащих к академическому и идеологическому исследовательским направлениям, определение спектра дисциплин и центров, в которых проводилась обработка полученного материала, изучение результатов изысканий ученых, их вклада в теорию и практику прежде всего полевой и камеральной археологии и т. д. Для решения поставленных задач был применен междисциплинарный метод и метод тотального выявления работ, исследования историографии советского и постсоветского периода. Методологической основой статьи стали труды В.И. Малышева, Н.Ю. Бубнова, И.В. Поздеевой, Н.Н. Покровского, Н.С. Гурьяновой, Р.Г. Пихои и многих других ученых, сделавших неоценимый вклад в изучение истории и традиционной культуры русского старообрядчества. В этой связи важно рассмотреть источники и литературу проблемы, которая используется в данном исследовании.

Продолжателем академических традиций прежде всего стал Институт русской литературы и Библиотека АН СССР, Ленинградский государственный университет, которые оставили богатую историографию, касающуюся прежде всего результатов своих полевых археологических экспедиций. Приоритетное место в этом ряду занимают работы В.И. Малышева [Малышев Владимир Иванович]. Некоторые итоги археологической работы Древлехранилища Пушкинского Дома представляет В.В. Кусков за 50-е гг., В.П. Бударгин за 70–80-е гг. XX в., обнародовавшие результаты экспедиций в «Трудах Отдела древнерусской литературы» [Кусков, 1962. С. 432; Бударгин, 1993. С. 474; 1979. С. 401]. Регулярные отчеты об археологических экспедициях за 70–80-е гг. публиковали В.В. Морозов и В.А. Черных в

«Археографическом ежегоднике» [Морозов, 1979. С. 353; 1981 (а). С. 349; 1981 (b). С. 352; 1982. С. 355; Черных, 1983. С. 291]. В этом весьма солидном издании, кроме всего прочего, печатались материалы о видных полевых археографах эпохи, в частности представителе ленинградской школы А.А. Амосове [Памяти Александра Александровича Амосова..., 1998. С. 229]. В МГУ им. М.В. Ломоносова И.В. Поздеева обратила внимание на необходимость проведения комплексных полевых экспедиций по изучению традиционной культуры русских старообрядцев, которые она с большим успехом применила в знаменитом Верхокамье [Поздеева, 1998. С. 12; Пушков, 2005. С. 139]. Об археографических экспедициях Уральского университета в 1970-е гг. писал их руководитель Р.Г. Пихоя [Пихоя, 1987. С. 3; 1979. С. 369]. Методами, ходом работ и результатами полевых исследований в Новосибирске делился Н.Н. Покровский в монографии «Путешествие за редкими книгами», выдержавшей три издания [Покровский, 1984. С. 2]. В начале 2000-х гг. по результатам экспедиций новосибирских исследователей вышел целый ряд исследований, в частности, Т.Г. Казанцева обратила серьезное внимание на изучение певческих рукописей из собрания Института истории СО РАН [Казанцева, 2009 (а). С. 325; 2009 (b). С. 94; 2009 (с). С. 23].

Значительный след в изучении жизни и творчества протопопа Аввакума после В.И. Малышева оставила Н.С. Демкова, исследовавшая в т. ч. автографы жития Аввакума, творческую историю этого произведения, ранее неизвестные и неизданные тексты из сочинений Аввакума Петрова [Демкова, 1969. С. 127; 1974. С. 2; 1965. С. 211]. В 1990 г. в Москве В.С. Румянцева издала документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о старообрядцах, касающиеся 50–80-х гг. XVII в. Кроме того, известны ее монографии «Народное антицерковное движение в России в XVII веке: документы приказа тайных дел о раскольниках, 1665–1667 гг.» и «Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века» [Документы Разрядного..., 1990. С. 2; Румянцева, 1986. С. 2; она же, 2010. С. 2]. Изучением исторических взглядов Н.М. Никольского занимался В.В. Молзинский [Молзинский, 2002. С. 4].

Богато своими работами в историческое науку и ярко выраженное советское идеологическое направление. Здесь прежде всего следует назвать работы А.А. Долотова «Церковь и сектантство в Сибири» [Долотов, 1930. С. 2], А.И. Клибанова «История религиозного сектантства в России», «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем», «Народная социальная утопия в России XIX в.» [Клибанов, 1965. С. 2; 1973. С. 2; 1978. С. 2], Е.Ф. Грекулова «Православная инквизиция в России» [Грекулов, 1964. С. 2], А.Д. Дмитриева «Инквизиция в России» [Дмитриев, 1937. С. 2], В.Г. Карцова «Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России» [Карцов, 1971. С. 2], большей частью пытавшихся исследовать происходившие в старообрядческой среде процессы с классовых позиций.

В настоящее время хорошим подспорьем для исследователей являются ресурсы Интернета, на которых в основном размещаются сведения о работе созданных на основе материалов полевых экспедиций специализированных лабораторий при учреждениях Академии наук или университетов. В частности, такой сайт существует в Уральском федеральном университете, который представляет богатый материал о проводимой им ранее полевой археографической деятельности [Древлехранилище]. О В.И. Малышеве и В.П. Бударагине

представлены биографические сведения на сайте «Личности Петербурга» [Бударагин Владимир Павлович].

Продолжительное время в советской исторической науке бытовало ошибочное мнение о неактуальности изучения истории и культуры старообрядчества. Советские идеологи квалифицировали старообрядчество не только как религиозное, но и как реакционное контрреволюционное движение. В сравнении с дореволюционной эпохой в первое десятилетие становления советской власти интерес к старообрядческой проблематике резко сократился, в России книг по истории и культуре старообрядчества почти не издавалось [Бубнов, 1995. С. 24]. В целом период вплоть до Великой Отечественной войны характеризовался невысоким интересом к истории православной церкви вообще и к истории старообрядчества в частности. В то же время под новым идеологическим давлением старообрядческое движение фактически перестало быть силой, влияющей на умы, мышление и систему ценностей значительной части общества, стало восприниматься учеными как достояние прошлого, как объект научного исследования. Довоенная наука в тех исследовательских центрах, где она присутствовала, в своих лучших образцах наследовала традиции дореволюционной мысли, на основе которых формировалась и крепла тенденция научно-аналитического подхода к вопросам старообрядоведения.

В 1927 г. благодаря стараниям, сформировавшимся еще до революции 1917 г., В.Г. Дружинина, П.С. Смирнова и др. Академия наук СССР на высоком археографическом уровне выпустила и по сей день лучшее издание трудов выдающегося писателя XVII в. протопопа Аввакума Петрова в серии «Памятники по истории старообрядчества XVII в.». Важно отметить, что в дореволюционное время научный сотрудник БАН В.Г. Дружинин (1859–1937) был известен своей основополагающей монографией «Раскол на Дону в конце XVII в.», изданной в 1889 г. в Санкт-Петербурге, в которой смотрел на движение донских старообрядцев как на церковно-политическое явление [Сень, 2009. С. 101].

В 30-е гг. XX в. работу по разысканию, исследованию и описанию древнерусских и старообрядческих рукописей в среде староверов возродил научный сотрудник Института русской литературы АН СССР В.И. Малышев (1910–1976), выявивший материалы, представляющие большой интерес для изучения древнерусского искусства, литературы и быта [Малышев Владимир Иванович]. Свои археографические экспедиции он проводил в основном на севере России, в Архангельской и Вологодской областях. В.И. Малышев осматривал фонды областных библиотек, архивов и музеев, коллекции которых пополнились рукописями после национализации советской властью имущества местных семинарий, епархиальных, миссионерских и монастырских библиотек. По итогам археографического обследования р. Печоры в 1960 г. им была издана монография «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.». В 1949 г. В.И. Малышев создал Древлехранилище Пушкинского Дома, которое в 1976 г. уже насчитывало более семи тысяч рукописей XII–XX вв. Значительное внимание ученый уделял изучению жизни и литературного наследия протопопа Аввакума [Малышев Владимир Иванович].

Немаловажное влияние на формирование историографии по теме старообрядчества оказали работы таких известных представителей марксистской школы, как А.Д. Дмитриев [Дмитриев, 1937. С. 8], Е.Ф. Грекулов [Грекулов, 1964. С. 39], Н.М. Никольский [Молзинский, 2002. С. 10], А.И. Клибанов [Клибанов, 1973. С. 51], В.Г. Карцов [Карцов, 1971. С. 136], А.С. Долотов [Долотов, 1930. С. 61] и др. Следует отметить, что большинство трудов советских исследователей, принадлежащих к этому направлению, посвящено истории старообрядчества XVII–XVIII вв., меньше — XIX в., и практически не исследовался XX в. Исключением является разве что исследование А.С. Долотова «Церковь и сектантство в Сибири», которое в основном посвящено положению старообрядчества в Сибири в годы становления советской власти. В целом следует отметить, что советские историки выдвинули на первый план своих исследований «мятежно-бунтарское начало старой веры» [Молзинский, 2002. С. 6].

Советский религиовед, исследователь религиозно-общественных движений в России А.И. Клибанов (1910–1994), изучая религиозное сектантство, в целом проблему староверия затрагивал мало [Клибанов, 1963. С. 2; 1965. С. 2; 1978. С. 2]. «Немного о старообрядчестве» он рассказывал в своей работе «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем», где отмечал, что старообрядчество широко выступило на арену социального действия под религиозными лозунгами, но призывами к «старой вере» оно себя не исчерпывало. Автор отличал староверие от господствующего православия, рассматривал его как движение, отдавшее дань древней традиции, возникшее и развивающееся под знаком патриархальных идеалов. Не игнорируя идеализацию староверами прошлого, ученый отмечал, что старообрядцы выработали сосуществование «причудливых» сочетаний торгово-промышленных отношений со старинными теориями и обычаями, что в религиозном мировоззрении и культуре они сделали значительно больше, чем господствующая Церковь, запечатлели в себе бытовое православие и элементы синкретических верований. В отличие от других исследователей он характеризовал старообрядчество не приверженностью букве, а психологическими и идеологическими началами народного сознания и культуры. Вместе с тем как представитель марксистской школы он видел в форме борьбы «раскольнических» и «никонианских» религиозных идей классовую борьбу [Клибанов, 1963. С. 51].

А.И. Клибанов не причислял старообрядчество к сектантству, но в то же время считал, что было бы ошибочно разводить староверов и сектантов по разным полюсам. По его мнению, именно социально-экономическими функциями эти конфессиональные группы существенно отличались от господствующей Церкви, которая стояла на охране существующего в государстве крепостнического строя. Если у сектантов действенным рычагом социально-экономических функций выступала идеология религиозного индивидуализма и рационализма, то в староверии эти отношения скреплялись традиционной авторитарной системой ценностей, подкреплявшейся патриархальными семейно-бытовыми отношениями. Этот феномен объяснял исследователь культурной отсталостью России. В то же время А.И. Клибанов видел и положительные изменения в старообрядческой среде. В частности, признавал, что экономическая зависимость старообрядческих низов от верхов в общинах не являлась зависимостью крепостного от крепостника [Клибанов, 1963. С. 51].

В монографии «Религиозный раскол как форма антифеодалного протеста в истории России» В.Г. Карцов исследовал основные этапы участия старообрядцев в антикрепостнических и антимонархических выступлениях конца XVII — начала XVIII вв. Его студии начинаются с рассмотрения героической обороны приверженцами древнего благочестия Соловецкого монастыря, участия старообрядцев в антиправительственных выступлениях стрельцов, бунте Степана Разина, астраханском восстании, выступлениях донских и яицких казаков [Карцов, 1971. С. 136]. В.Г. Карцов констатировал, что на 70–80-е гг. XVII в. приходится массовое бегство населения из центральных российских регионов на окраины государства и за границу. Особый акцент он делает на взаимоотношениях старообрядцев с представителями власти, на исследовании вопроса о численности старообрядческого населения в европейской России. В.Г. Карцов указывает основную причину появления в России самозванцев и видит ее в частых дворцовых переворотах. По его мнению, финансистами и идейными вдохновителями предводителя крупнейшей в российской истории Крестьянской войны Е.И. Пугачёва (1742–1775) были старообрядцы, среди которых называет настоятеля Иргизских скитов священноинока Филарета (Семёнова), известного деятеля уральского казачества, активного участника Яицкого восстания 1772 г. А. Перфильева, тверского откупщика В. Щелокова, московских и ржевских купцов И. Хлебникова, Е. Долгополова, П. Кожевникова и др. [Карцов, 1971. С. 23–56].

Параллельно с марксистской ориентацией в Советском Союзе сформировался академический вектор, представленный несколькими научными течениями, связанными с личностями выдающихся ученых. 50–60-е гг. XX в. ознаменовались бурным ростом интереса к изучению книжности и литературного наследия старообрядцев. Такие ведущие научные центры страны, как Библиотека АН СССР, Институт русской литературы и Институт истории Сибирского отделения АН СССР, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова поддержали инициативу Археографической комиссии АН СССР и создали специальные группы для планомерного археографического обследования территории Советского Союза.

В 1959–1961 гг. состоялись первые археографические экспедиции Археографической комиссии АН СССР в Бурятскую АССР, проводившиеся совместно с Бурятским комплексным научно-исследовательским институтом. В них принимали участие В.Б. Павлов-Сильванский, А.И. Рогов, Г.И. Охрименко, Р.В. Костина, В.С. Голышенко. Однако планомерное археографическое обследование Забайкалья началось в 1965 г., когда в экспедициях начали принимать участие исследователи Института истории, филологии и философии СО РАН, Новосибирского государственного университета, Отдела рукописей и редких книг ГПНТБ СО РАН, Новосибирской государственной консерватории [Казанцева, 2009 (а). 28. С. 325; 2009 (b). С. 94; 2009 (c). С. 23].

В 60-х — начале 90-х гг. XX в. в Советском Союзе полевая археография получила широкое признание как важное средство для решения общегосударственных задач по охране культурного наследия, и староверы, на которых была сфокусирована практически вся полевая работа, с пониманием отнеслись к проблемам, поставленным временем. В невероятно трудных условиях советской действительности старообрядцы смогли сохранить и донести

до проведения полевых работ традиционную книжность, письменную и бытовую культуру, что позволило в будущем собрать десятки тысяч памятников, отражающих все жанры и направления древнерусской и старообрядческой литературы и книжности десятков регионов страны. Учеными были открыты сотни ранее неизвестных оригинальных богословских, литературных, исторических, догматических, полемических произведений, созданных крестьянами-старообрядцами. Найденные в поле памятники принципиально расширили основу представлений исследователей о древнерусской и старообрядческой книжной культуре. За несколько десятилетий полевая археография открыла ранее закрытый пласт литературы староверов, отражавшей их повседневную жизнь, духовные поиски, значительный творческий потенциал в рамках древней традиции. Благодаря применению междисциплинарного подхода советские научные учреждения смогли внести существенный вклад в развитие археографии, палеографии, филологии, архивоведения, литературы, языкознания, фольклористики, этнографии, в публикации документальных памятников, в развитие региональной истории и краеведения. Период исследования истории и культуры старообрядчества 60-х — начала 90-х гг. XX в. можно охарактеризовать как археографический, поскольку в это время были организованы сотни археографических экспедиций в разные места компактного проживания старообрядцев.

Особо следует выделить ленинградское подразделение старообрядоведения, представленное Институтом русской литературы, Библиотекой АН СССР и Ленинградским государственным университетом. Чрезвычайно важная и кропотливая работа по собиранию, сохранению и описанию старообрядческих старопечатных и письменных источников была проведена В.И. Малышевым, А.М. Панченко, Н.В. Поныркой, В.П. Бударагиным, Н.С. Демковой, Н.Ф. Дробленковой, Г.В. Маркеловым и др. В Библиотеке Академии наук СССР несомненно ценными оказались изыскания Ю.Н. Бубнова, А.И. Копанева, А.А. Амосова, М.В. Кукушкиной и др.

Видный специалист в области древнерусской литературы Н.В. Поныркой изучала творчество и жизненный путь многих старообрядческих писателей второй половины XVII — XVIII в. В поле ее научных интересов вошел поморский писатель Трифон Петров, глава ветковского старообрядчества священноинок Феодосий (Ворыпин), автор посланий и сочинений об антихристе, основатель федосеевского согласия Феодосий Васильев, автор «Дьяконовых ответов» и «Послания» диакон Александр. Н.В. Поныркой изучала творческое наследие выговского киновиарха Андрея Денисова, духовное наследие одного из основателей Выго-Лексинского общежития Даниила Викулина, творчество выговского писателя Даниила Матвеева, литературную деятельность автора «Истории Выговской пустыни», историка и настоятеля Выго-Лексинского общежития Ивана Филиппова, архимандрита Ветковского Покровского монастыря Иосифа, творчество руководителя керженских поповцев Тимофея Лысенина, литературное наследие главы дьяконового согласия на Ветке Патрикия Патрикеевича, автора самой популярной в старообрядческой среде «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и «Винограда Российского» Семёна Денисова и др. [Словарь книжников..., 1992 (а). С. 61; 1992 (б). С. 22, 310; 1998. С. 22, 35; 2004. С. 47, 80, 142, 146, 241, 249, 250, 334].

Крупным специалистом в области древнерусской литературы является заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома В.П. Бударагин — организатор и участник многих археографических экспедиций Пушкинского Дома и Ленинградского государственного университета. Благодаря его заботам после смерти В.И. Малышева фонд древнерусских рукописей Древлехранилища увеличился в несколько раз и составил более 13 тыс. единиц хранения. В 60–80-е гг. XX в. самую значительную часть рукописных пополнений Пушкинского Дома составляли находки полевых археографических экспедиций, проводившихся в Латгалии, Северной Двине, Печоре, Пинеге [Бударагин, 1993. С. 474]. Кроме того, В.П. Бударагин организовывал и проводил ежегодные археографические экспедиции за рукописями в старообрядческие районы Русского Севера. Под его наблюдением находились рукописные хранилища российских региональных собраний [Бударагин Владимир Павлович]. Исследователь установил имена более двух десятков старообрядческих книжников конца XVIII — 20-х гг. XX в., представил краткие сведения об известных представителях северодвинской рукописной традиции, имена которых свидетельствовали о высоком уровне местной письменности, ее тесных связях с народным прикладным искусством [Бударагин, 1979. С. 401].

Более 60 археографических экспедиций в Карелию, Архангельскую, Вологодскую, Кировскую области, в Прибалтику и в Украину провели сотрудники Библиотеки Академии наук СССР, в результате чего собрано почти две тысячи рукописных и более одной тысячи старопечатных книг. В Библиотеке АН выдающийся полевой археограф XX в. Н.Ю. Бубнов стал организатором и участником 26 археографических экспедиций, результатом которых стало формирование восьми новых территориальных собраний. В 1965 г. Н.Ю. Бубнов и А.И. Копанев открыли науке каргопольский центр бегунов, благодаря чему в БАН была создана самая крупная коллекция рукописей, собранных скрытниками. В с. Черевково Архангельской области ученый обнаружил самую древнюю находку БАН — пергаменную рукопись первой половины XIV в. Одной из главных заслуг Н.Ю. Бубнова в области полевой археографии является приобретение в 1971 г. библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии (с. Белая Криница, Украина) [Таранец, 2011. С. 73].

К его безусловным заслугам следует отнести и то, что ученый впервые в российской историографии в значительном объеме предметом своего научного исследования сделал старообрядческую рукопись, признал старообрядческую книгу и литературу важной неотъемлемой частью всей русской культуры. В 1995 г. в Санкт-Петербурге была опубликована его монография «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция», в которой автор изучил старообрядческую литературу и книжность как единый культурный комплекс [Бубнов, 1995. С. 2].

Крупный вклад в теорию и практику полевой археографии внес А.А. Амосов — участник и организатор 23 археографических экспедиций. Благодаря его стараниям фонд БАН пополнился сотнями древних рукописей и книг. Его первым наставником в деле полевых исследований являлся Н.Ю. Бубнов, который в 1975 г. провел с А.А. Амосовым первую совместную экспедицию в Каргопольский район Архангельской области. Именно тогда в д. Залесье исследователям удалось приобрести ценную коллекцию рукописей и старопечатных книг от скрытников [Памяти Александра Александровича Амосова..., 1998. С. 229].

После В.И. Малышева ведущим исследователем жизни и творчества протопопа Аввакума в Советском Союзе становится профессор Ленинградского государственного университета Н.С. Демкова (1932–2018), участвовавшая во многочисленных археографических экспедициях, организуемых Пушкинским Домом. К изучению творчества протопопа Аввакума она обратилась в конце 50-х гг. XX в., в частности, исследовала его общественно-религиозные взгляды [Сарафанова, 1958. С. 390]. Н.С. Демкова опубликовала, датировала и проанализировала неизвестные сочинения Аввакума, в т. ч. ранее не изданную «Беседу о кресте к неподобным», находящуюся в сборнике сочинений Аввакума (собрание Г.М. Прянишникова в РГБ) [Демкова, 1965. С. 222], изучила автограф Жития протопопа Аввакума, в 1966 г. открытый и переданный в Пушкинский Дом И.Н. Заволоко [Демкова, 1969. С. 130]. В 1974 г. в Ленинграде Наталья Сергеевна опубликовала монографию «Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения)» [Демкова, 1974. С. 87].

Приоритетное место в области полевой археографии 60-х — начала 90-х гг. занимал Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и сформированная И.В. Поздеевой школа по изучению старопечатных книг и рукописей. Изучение результатов полевых исследований Межкафедральной археографической лаборатории очень важно для понимания всей советской полевой археографии, осуществлявшейся в Советском Союзе в десятках других научных и культурно-просветительских учреждений.

Первая археографическая экспедиция МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась в 1966 г. Полевые работы организовал Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А.М. Горького. И.В. Поздеева и И.Д. Кашкарова стояли у истоков полевых исследований. Причиной, побудившей проводить экспедиции в МГУ, стало создание полных коллекций старопечатных книг и рукописей, позволяющих проводить на базе этого университета систематические курсы по палеографии, источниковедению, истории русской литературы и языка, русскому искусству.

В 70-е гг. XX в. И.В. Поздеева на основе опыта работы других ученых Московского университета сформулировала особенности работы экспедиций археографов, собирающих памятники кириллической книжности, заключающиеся в разработке задач комплексного археографического исследования конкретного региона. Ученый включала сюда изучение аспектов истории местной культуры, связанной с местной книжной традицией, истории и идеологии старообрядческих согласий, устных форм словесности, фольклора, древней канонической музыки, изобразительного искусства, социальной и исторической психологии. При проведении полевых работ приоритетным направлением оставалось изучение местной кириллической книжности, репрезентативно отражающей региональную книжность на разных этапах ее развития [Поздеева, 1998. С. 12].

Знаковыми оказались труды И.В. Поздеевой, подготовленные на материалах территориальных книжных собраний и полевых исследований. Ею была разработана специальная методика описания старопечатных книг, которая полностью была воплощена в жизнь в Верхокамье Пермской области. Археографической лабораторией Московского университета впервые и в полном объеме осуществлены комплексные полевые работы, базирова-

шиеся на максимальной фиксации традиционными и техническими средствами не только книжной культуры, но и среды ее бытования в целом.

Ученые МГУ им. М.В. Ломоносова во главе с И.В. Поздеевой не только разработали специальную методику описания старопечатных книг, позволившую наиболее полно раскрыть информационные возможности экземпляра как исторического источника, детализировать и применить на практике методику комплексных экспедиций, но и осуществить прорыв в области изучения записей на листах старопечатных книг. И.В. Поздеева доказала широкую географию бытования печатных книг в России в XVII в.

В целом исторический факультет совместно с Научной библиотекой провел свыше 80 комплексных экспедиций в 40 регионах Советского Союза и своими исследованиями охватил самое большое число регионов страны. Количество и качество привезенного москвичами материала превратило университет в один из ведущих археографических центров СССР. Археографы, возглавляемые И.В. Поздеевой, сформировали тринадцать территориальных собраний и семь рукописных коллекций XIV–XX вв., собрали сотни редких и уникальных памятников русской и славянской письменности и печати. В целом Московский университет собрал более четырех тысяч рукописей XV–XX вв. и старопечатных книг XVI–XVII вв., изучил региональную историю и культуру многих старообрядческих согласий, книжность XVII в. Его специалисты уточнили, значительно расширили и принципиально пересмотрели представления ученых о деятельности Московского печатного двора [Пушков, 2005. С. 142].

Одним из видных исследователей проблем старообрядоведения в 70-х гг. XX в. — начала 2000-х гг. являлась В.С. Румянцева, работавшая в Институте истории АН СССР. В область ее научных интересов входила история и культура России XVI–XVII вв., история народных религиозных движений, литература старообрядчества. Заметным вкладом В.С. Румянцевой в историческую науку явилась работа «Народное антицерковное движение в России в XVII веке», впоследствии получившая широкое признание [Румянцева, 1986. С. 2]. Исследователь опубликовала важные документы по истории старообрядчества, в частности в 1986 г. «Документы Приказа Тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг.», в 1990 г. «Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России 1654–1684 гг.» [Документы приказа..., 1986. С. 2]. Вера Степановна изучала деятельность патриарха Никона в широком контексте истории русского просвещения XVII в., в 2010 г. издала монографию «Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века» [Румянцева, 2010. С. 2].

В 1962 г. председатель Археографической комиссии М.Н. Тихомиров провел переговоры с руководством СО АН СССР о создании археографического центра в Новосибирске. В 1965 г. для подготовки сибирских специалистов М.Н. Тихомировым была передана личная коллекция рукописных и старопечатных книг XIV–XIX вв., насчитывающая 766 единиц хранения (не учитывались архивные документы XV–XIX вв.). В г. Новосибирске это собрание пополнило фонд Государственной публичной научно-технической библиотеки.

В 1965 г. Институт истории Сибирского отделения АН СССР под руководством Н.Н. Покровского начал проводить археографические работы в Зауралье, Сибири и Средней Азии. В этом же году из Новосибирска в старообрядческие поселения Томской и Тюменской областей отправилась первая археографическая экспедиция, в состав которой в раз-

ное время входили В.Н. Алексеев, Е.И. Дергачёва-Скоп, Е.К. Ромодановская, Н.С. Гурьянова, Н.Д. Зольникова и др. [Покровский, 2003. С. 4]. Отличительной чертой работы группы Н.Н. Покровского в поле являлось не только изъятие памятников у их владельцев, но и копирование источников для нужд науки. Основные результаты своей работы академик изложил в монографии «Путешествие за редкими книгами», которая выдержала три издания [Покровский, 1984. С. 2].

Новосибирские ученые провели десятки экспедиционных выездов, в которых участвовали сотрудники Государственной публичной научно-технической библиотеки, Новосибирской государственной консерватории, Томского государственного университета. Н.Н. Покровский создал школу по археографии и источниковедению, в состав которой вошли видные специалисты по древнерусской культуре и литературе. За годы полевых исследований его группой в Новосибирск было доставлено около трех тысяч старопечатных книг и рукописей XV–XX вв., открыто значительное количество сочинений народной урало-сибирской литературы XVIII–XX вв., большая часть которых издана сектором археографии. Важнейшими изысканиями Н.Н. Покровского в области исследования старообрядчества явились монографии «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» (1974 г.), «Путешествие за редкими книгами» (1984 г.), «Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв.» (1999 г.).

После Н.Н. Покровского ведущим специалистом по проблемам старообрядоведения в Институте истории Сибирского отделения РАН стала Н.С. Гурьянова [Гурьянова Наталья Сергеевна]. Среди наиболее известных ее работ следует назвать «Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе позднего средневековья» (1988 г.), «История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в.» (1996 г.), «Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии» (2007 г.), изданных в Новосибирске.

В 1972 г. при поддержке ученых МГУ им. М.В. Ломоносова и Пермского государственного университета была налажена полевая археографическая работа Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР [Кусков, 1962. С. 432; Пихоя, 1979. С. 369; Морозов, 1979. С. 353; Парфентьев, 1980. С. 425; Морозов, 1981 (b). С. 352; 1981 (a). С. 349; 1982. С. 355; Черных, 1983. С. 291; Пихоя, 1987. С. 3]. В 1974 г. историки Уральского государственного университета стали проводить самостоятельные экспедиции, создав на историческом факультете Древлехранилище старопечатных книг и рукописей и Лабораторию археографических исследований под руководством Р.Г. Пихои. В разное время в ее состав входили В.И. Байдин, Н.П. Парфентьев, И.В. Починская, С.А. Белобородов, П.И. Мангилев и др. В результате проведения археографических экспедиций в университете был открыт отдельный фонд Древлехранилища, содержащий 27 территориальных собраний, сформированных по региональному принципу — от Северного Урала до Казахстана, от самаро-саратовского Поволжья до Западной Сибири. В состав коллекций вошли учительные сборники и служебная литература, оригинальные полемические и эсхатологические сочинения старообрядцев, образцы позднего русского летописания, историко-географические памятники, крюковые рукописи и сборники духовных стихов, архивные документы по истории старообрядчества личного происхождения [Древлехранилище]. В целом уральские археографы получили около шести

тысяч рукописных и старопечатных книг конца XV–XX вв. В г. Екатеринбурге создано самое крупное после Москвы и Санкт-Петербурга собрание книг и рукописей древнерусской традиции. Учеными сформирована уральская археографическая школа, признанная не только в России, но и за рубежом.

Таким образом, учеными Советского Союза сделан весьма значительный вклад в изучение истории и культуры старообрядчества. Особое развитие получили целые направления в области специальных исторических дисциплин, прежде всего полевой и камеральной археографии. Несмотря на идеологические препятствия, которые подавляющее большинство ученых смогло преодолеть, в экспедициях было получено несколько десятков тысяч старопечатных книг и рукописей конца XIV–XX вв., среди которых оказалось множество очень ценных и редких инкунабул и компиляций, оригинальных сочинений, выполненных в древнерусской традиции или присущей старообрядцам рукописной манере. Советская эпоха выдвинула ряд выдающихся исследователей историографии, источниковедения, археографии, текстологии, истории и традиционной культуры старообрядчества, среди которых, безусловно, следует назвать имена В.Г. Дружинина, П.С. Смирнова, В.И. Малышева, А.И. Копанева, Н.Ю. Бубнова, Н.С. Демковой, А.И. Клибанова, И.В. Поздеевой, Н.Н. Покровского, Н.С. Гурьяновой, Н.Д. Зольниковой, Р.Г. Пихои, которые не только сделали большой вклад в развитие полевой археографии, но и создали десятки монографий, сборников документов, различных каталогов, описаний и т. д. В Советском Союзе сформировались целые научные центры по изучению древнерусской и старообрядческой культуры, прежде всего в учреждениях и организациях АН СССР, в т. ч. Археографическая комиссия, Институт русской литературы, Библиотека АН, Институт истории Сибирского отделения. Выдающихся успехов достигли такие ведущие высшие учебные заведения страны, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинградский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Уральский государственный университет, Пермский государственный университет, Томский государственный университет и многие др.

Литература

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. — СПб., 1995. — 435 с.

Бударагин В.П. Некоторые итоги археографической работы Древлехранилища: (80-е гг.) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 46. — С. 474–475.

Бударагин В.П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1979. Т. 33. — С. 401–405.

Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. — М., 1964. — 168 с.

Гурьянова Наталья Сергеевна. URL: <http://www.history.nsc.ru/st/gurianova.htm> (дата обращения: 02.06.2021).

- Демкова Н.С. Уникальный автограф жития Аввакума // Вопросы языкознания. 1969. № 1. — С. 127–130.
- Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения) / отв. ред. В.П. Андрианова-Перетц. — Л., 1974. — 168 с.
- Демкова Н.С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. 1965. Т. 21. — С. 211–239.
- Дмитриев А.Д. Инквизиция в России. — М., 1937. — 148 с.
- Документы Приказа Тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг. / сост. В.С. Румянцева. — М., 1986. — 243 с.
- Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России 1654–1684 гг. / сост. В.С. Румянцева. — М., 1990. — 147 с.
- Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. — Новосибирск, 1930. — 128 с.
- Древлехранилище. URL: <https://lai-urgj.urfu.ru/ru/drevlekhranilishche/> (дата обращения: 02.06.2021).
- Казанцева Т.Г. (а) Певческие азбуки из собрания Института истории СО РАН (описание) // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях: сборник научных трудов. — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2009. — С. 325–353.
- Казанцева Т.Г. (б) Сокровищница древнерусской музыкальной письменности (О собрании певческих рукописей Музея книги ГПНТБ СО РАН) // Библиосфера. 2009. № 1. — С. 94–98.
- Казанцева Т.Г. (с) Певческие рукописи старообрядцев (Из новых поступлений ОРКиР ГПНТБ СО РАН) // Макушинские чтения. 2009. — С. 23–29.
- Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. — Калинин. 1971. Ч. 1. — 160 с.
- Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). — М., 1965. — 348 с.
- Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России XIX в. — М., 1978. — 342 с.
- Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. — М., 1973. — 256 с.
- Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). — М., 1963. — 272 с.
- Кусков В.В. Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. — Москва; Ленинград, 1962. Т. 18. — С. 432–433.
- Бударагин Владимир Павлович. URL: <http://www.ceo.spb.ru/rus/science/budagrין.v.p/index.shtml> (дата обращения: 02.06.2021).
- Мальшев Владимир Иванович. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/malyshev_vi.htm (дата обращения: 01.06.2021).
- Молзинский В.В. Историк Н.М. Никольский. Его взгляды на старообрядчество в русской истории // Старообрядчество: история, культура, современность. — М., 2002. — С. 4–11.
- Морозов В.В. Археографические экспедиции 1977 и 1978 гг. // Археографический ежегодник за 1978 год. — М., 1979. — С. 353–356.
- Морозов В.В. (а) Археографические экспедиции 1979 г. // Археографический ежегодник за 1979 год. — М., 1981. — С. 352–353.

Морозов В.В. (b) Археографические экспедиции 1980 г. // Археографический ежегодник за 1980 год. — М., 1981. — С. 349–351.

Морозов В.В. Археографические экспедиции 1981 г. // Археографический ежегодник за 1981 год. — М., 1982. — С. 355–357.

Памяти Александра Александровича Амосова: заседание в Пушкинском Доме 29 мая 1996 г. // Археографический ежегодник за 1996 год / отв. ред. С.О. Шмидт; ред. колл. Ю.В. Андрюшайтите, Н.А. Долбанова, В.А. Дьяков и др. — М., 1998. — С. 229–265.

Парфентьев Н.П. Крюковые рукописи в собраниях Свердловской области // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л., 1980. Т. 35. — С. 425–429.

Пихоя Р.Г. Археографические исследования в программе «Духовная культура Урала» // Археография и изучение духовной культуры / Тезисы докладов научной конференции «III Уральские археографические чтения». — Свердловск, 1987. — С. 3–4.

Пихоя Р.Г. Археографические экспедиции Уральского университета в 1974–1976 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л., 1979. Т. 34. — С. 369–374.

Поздеева И.В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества / Сборник научных трудов; отв. ред. И.В. Поздеева. — М., 1998. Вып. 4. — С. 12–24.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами / вступ. ст. Д.С. Лихачёва. — М., 1984. — 191 с., ил.

Покровский Н.Н. Поиски и находки памятников кириллической письменности и печати в Сибири // Славянский альманах. 2003. Т. 2002. — С. 4–15.

Пушков В.П. «Запланированное чудо поиска, или воспитание археографией» (К юбилею И.В. Поздеевой) // Археографический ежегодник за 2004 год. — М., 2005. — С. 139–156.

Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке: документы приказа тайных дел о раскольниках, 1665–1667 гг. / отв. ред. И.А. Булыгин. — М., 1986. — 264 с., ил.

Румянцева В.С. Патриарх Никон и духовная культура в России XVII века. Из рукописного наследия патриарха Никона: «Правила христианской жизни (“нужнѣишиа Заповѣди”)». Исследование и публикация. — М., 2010. — 255 с.

Сарафанова Н.С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Посвящается В.П. Адриановой-Перетц / отв. ред. В.И. Малышев. — Москва; Ленинград, 1958. Т. XIV. — С. 385–390.

Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII — начало XVIII в.). — Ростов-на-Дону, 2009. — 280 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси (a) / отв. ред. Д.С. Лихачёв. — СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. — 411 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси (b) / отв. ред. Д.С. Лихачёв. — СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. — 440 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачёв. — СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. — 520 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. — 889 с.

Таранец С.В. Археографическая и научная деятельность ведущего научного сотрудника Библиотеки Российской академии наук Николая Юрьевича Бубнова // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI в.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов / отв. ред. и сост. С.В. Таранец. — Киев; Винница, 2011. Вып. 5. — С. 73–116.

Черных В.А. Археографические экспедиции 1982 г. // Археографический ежегодник за 1982 год. — М., 1983. — С. 291–293.

References

Bubnov N.Yu. Old Believer book in Russia in the second half of the 17th century. Sources, types and evolution. St. Petersburg, 1995, 435 p. (In Russian)

Budaragin V.P. Severodvinsk manuscript tradition and its representatives (Based on materials from the Ancient Depository of the Pushkin House). Works of the Department of Old Russian Literature, 1979, vol. 33, pp. 401–405. (In Russian)

Budaragin V.P. Some results of the archaeological work of the Ancient Repository: (80s). Works of the Department of Old Russian Literature, 1993, vol. 46, pp. 474–475. (In Russian)

Budaragin Vladimir Pavlovich. URL: <http://www.ceo.spb.ru/rus/science/budagrין.v.p/index.shtml> (access date: 02.06.2021). (In Russian)

Chernykh V.A. Archaeographic expeditions of 1982. Archaeographic Yearbook for 1982. Moscow, 1983, pp. 291–293. (In Russian)

Demkova N.S. A unique autograph of the life of Avvakum. Voprosy Jazykoznanija, 1969, no. 1, pp. 127–130. (In Russian)

Demkova N.S. Life of Archpriest Avvakum (creative history of the work). Leningrad, 1974, 168 p. (In Russian)

Demkova N.S. Unknown and unpublished texts from the works of Archpriest Avvakum. Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Works of the Department of Old Russian Literature, 1965, vol. 21, pp. 211–239. (In Russian)

Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. St. Petersburg, 1992, no. 3 (XVII century). Part 1: A–Z, 411 p. (In Russian)

Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. St. Petersburg, 1992, no. 3 (XVII century). Part 2: I–O, 440 p. (In Russian)

Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. St. Petersburg, 1998, no. 3 (XVII century). Part 3: P–S, 520 p. (In Russian)

Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus'. St. Petersburg, 2004, no. 3 (XVII century). Part 4: T–Y, Additions, 889 p. (In Russian)

Dmitriev A.D. Inquisition in Russia. Moscow, 1937, 148 p. (In Russian)

Documents of the Discharge, Ambassadorial, Novgorod and Secret orders on schismatics in the cities of Russia 1654–1684. Moscow, 1990, 147 p. (In Russian)

Documents of the Order of Secret Affairs about schismatics 1665–1667. Moscow, 1986, 243 p. (In Russian)

Dolotov A. Church and sectarianism in Siberia. Novosibirsk, 1930, 128 p. (In Russian)

Grekulov E.F. Orthodox Inquisition in Russia. Moscow, 1964, 168 p.

Guryanova Natalya Sergeevna. URL: <http://www.history.nsc.ru/st/gurianova.htm> (access date: 02.06.2021). (In Russian)

In memory of Alexander Alexandrovich Amosov: meeting in the Pushkin House on May 29, 1996. *Archaeographic Yearbook for 1996*. Moscow, 1998, pp. 229–265. (In Russian)

Kartsov V.G. Religious schism as a form of anti-feudal protest in the history of Russia. Kalinin, 1971, Part 1, 160 p. (In Russian)

Kazantseva T.G. Singing alphabet from the collection of the Institute of History SB RAS (description). *Archaeographical studies of national history: text of the source in literary and public relations: collection of scientific works*. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009, pp. 325–353. (In Russian)

Kazantseva T.G. Singing manuscripts of the Old Believers (From new acquisitions of ORKiR SPSTL SB RAS). Makushin readings, 2009, pp. 23–29. (In Russian)

Kazantseva T.G. The treasury of Russian ancient musical written language (on the collection of singing manuscripts on the Book Museum in SPSTL SB RAS). *Bibliosphere*, 2009, no. 1, pp. 94–98. (In Russian)

Klibanov A.I. History of religious sectarianism in Russia (60s of the 19th century — 1917). Moscow, 1965, 348 p. (In Russian)

Klibanov A.I. People's social utopia in Russia in the 19th century. Moscow, 1978, 342 p. (In Russian)

Klibanov A.I. Religious sectarianism and modernity (sociological and historical essays). Moscow, 1963, 272 p. (In Russian)

Klibanov A.I. Religious sectarianism in the past and present. Moscow, 1973, 256 p.

Kuskov V.V. North Ural archaeological expedition 1959. *Works of the Department of Old Russian Literature*, 1962, vol. 18, pp. 432–433. (In Russian)

Malyshev Vladimir Ivanovich. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/malyshev_vi.htm (access date: 01.06.2021). (In Russian)

Molzinsky V.V. Historian N.M. Nikolsky. His views on the Old Believers in Russian history. *Old Believers: history, culture, modernity*, 2002, pp. 4–11. (In Russian)

Morozov V.V. Archaeographic expeditions of 1977 and 1978. *Archaeographic Yearbook for 1978*. Moscow, 1979, pp. 353–356. (In Russian)

Morozov V.V. Archaeographic expeditions of 1979. *Archaeographic Yearbook for 1979*. Moscow, 1981, pp. 352–353. (In Russian)

Morozov V.V. Archaeographic expeditions of 1980. *Archaeographic Yearbook for 1980*. Moscow, 1981, pp. 349–351. (In Russian)

Morozov V.V. Archaeographic expeditions of 1981. *Archaeographic Yearbook for 1981*. Moscow, 1982, pp. 355–357. (In Russian)

Parfentyev N.P. Hook manuscripts in the collections of the Sverdlovsk region. *Works of the Department of Old Russian Literature*, 1980, vol. 35, pp. 425–429. (In Russian)

Pihoya R.G. Archaeographic expeditions of the Ural University in 1974–1976. *Works of the Department of Old Russian Literature*, 1979, vol. 34, pp. 369–374. (In Russian)

Pihoya R.G. Archaeographic research in the program “Spiritual Culture of the Urals”. *Archeography and the study of spiritual culture*. Sverdlovsk, 1987, pp. 3–4. (In Russian)

Pokrovsky N.N. Journey for rare books. Moscow, 1984, 191 p. (In Russian)

Pokrovsky N.N. Searches and finds of monuments of Cyrillic writing and printing in Siberia. *Slavic almanac*, 2003, vol. 2002, pp. 4–15. (In Russian)

Pozdeeva I.V. Comprehensive studies of modern traditional culture of Russian Old Believers. Results and prospects. *World of Old Believers. Living traditions: results and prospects of comprehensive studies of Russian Old Believers*. Moscow, 1998, no. 4, pp. 12–24. (In Russian)

Pushkov V.P. “The planned miracle of search, or education through archaeography” (To the anniversary of I.V. Pozdeeva). *Archaeographic Yearbook for 2004*. Moscow, 2005, pp. 139–156. (In Russian)

Rumyantseva V.S. Patriarch Nikon and spiritual culture in Russia in the 17th century. From the handwritten heritage of Patriarch Nikon: “Rules of Christian life (“necessary Commandments”).” Research and publication. Moscow, 2010, 255 p. (In Russian)

Rumyantseva V.S. Popular anti-church movement in Russia in the 17th century: documents from the order of secret cases of schismatics, 1665–1667. Moscow, 1986, 264 p. (In Russian)

Sarafanova N.S. The idea of equality of people in the writings of Archpriest Avvakum. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow, Leningrad, 1958, vol. 14, pp. 385–390. (In Russian)

Sen D.V. Cossacks of the Don and North-Western Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of the 18th — early 18th centuries). Rostov-on-Don, 2009, 280 p. (In Russian)

Taranets S.V. Archaeographic and scientific activities of the leading researcher of the Library of the Russian Academy of Sciences Nikolai Yuryevich Bubnov. The fate of the Old Believers in the 20th — early 21st centuries: history and modernity. *Collection of scientific works and materials*. Kyiv, Vinnytsia, 2011, no. 5, pp. 73–116. (In Russian)

Tree storage. URL: <https://lai-urgi.urfu.ru/ru/drevlekhranilishche/> (access date: 02.06.2021). (In Russian)

главный специалист отдела публикации исторических документов, Российский государственный архив литературы и искусства

Россия, 125212, Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2

E-mail: joli-maslova@yandex.ru

Рогожское кладбище в описании Е.И. Усова (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства)

На основе архивных документов автор рассматривает историю Рогожского кладбища в описании Е.И. Усова. Дана краткая библиография вопроса XIX — начала XX века. Документы Российского государственного архива литературы и искусства были выявлены в фонде писателя и переводчика А.К. Виноградова. Автор приводит в статье биографические сведения о А.К. Виноградове и Е.И. Усове, позволяющие установить взаимосвязь директора Ленинской библиотеки и библиотекаря Рогожского кладбища. В частности, опубликованы документальные свидетельства об их духовном родстве, зафиксированные в «Выписи из книг о родившихся для общественного ведения Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища за 1921 год». В статье опубликованы полные тексты документов Е.И. Усова. В его письме к А.К. Виноградову сообщается о написанной им исторической справке о Рогожском кладбище. В следующем документе дана сама историческая справка. В качестве сотрудника музея и библиотекаря Рогожского кладбища Е.И. Усов составил подробную опись строений старообрядческого центра. Последний документ — письмо Е.И. Усова в Высшее геодезическое управление о географическом расположении и храмах Рогожского кладбища. В документах содержатся ценные сведения, позволяющие не только понять уровень исторических знаний Е.И. Усова, но и реконструировать историю и состояние старообрядческого центра на период времени 1918–1923 гг.

Ключевые слова: религия, старообрядчество, поповцы, Рогожское кладбище, Покровский храм, Рождественский храм, храм-колокольня Воскресения Христова, библиотека, музей.

...

Для цитирования: Маслова Ю.В. Рогожское кладбище в описании Е.И. Усова (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 4. С. 100–117. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0210

Main Expert of the Department for Publication of Historical Documents, Russian State Archive of Literature and Art

Russia, 125212, Moscow, Vyborgskaya str., 3, building 2

E-mail: joli-maslova@yandex.ru

Rogozhskoye cemetery described by E.I. Usov (based on the materials of the Russian State Archive of Literature and Art)

Based on archival documents, the author examines the history of the Rogozhsky cemetery in the description of E.I. Usov. A brief bibliography of the issue of the XIX — early XX century is given. The documents of the Russian State Archive of Literature and Art were revealed in the fund of the writer and translator A.K. Vinogradov. The author provides biographical information about A.K. Vinogradov and E.I. Usov in the article, which makes it possible to establish the relationship between the director of the Lenin Library and the librarian of the Rogozhsky cemetery. In particular, documentary evidence of their spiritual kinship has been published, recorded in the “Extracts from books about those born for the public management of the Moscow Old Believer community of the Rogozhsky Cemetery in 1921”. The full texts of E.I. Usov’s documents are published in the article. In his letter to A.K. Vinogradov, it is reported that he wrote a historical reference about the Rogozhsky cemetery. The following document provides the historical background itself. As an employee of the museum and librarian of the Rogozhsky cemetery, E.I. Usov compiled a detailed inventory of the buildings of the Old Believers’ center. The last document is a letter from E.I. Usov to the Higher Geodetic Directorate about the geographical location and temples of the Rogozhsky cemetery. The documents contain valuable information that allows not only to understand the level of historical knowledge of E.I. Usov, but also to reconstruct the history and condition of the Old Believers’ center for the period of time 1918–1923.

Keywords: religion, Old Believers, popovtsy, Rogozhskoye cemetery, Pokrovsky Church, Nativity Church, church-bell tower of the Resurrection of Christ, library, museum.

...

For citation: Maslova Ju.V. Rogozhskoye cemetery described by E.I. Usov (based on the materials of the Russian State Archive of Literature and Art). *Old Believer*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 100–117. DOI: 10.24412/2949-4001-2023-0210

Значение Рогожского кладбища как религиозного центра старообрядчества трудно переоценить. Оно стало средоточием сторонников древнего благочестия, принявших Белокриницкую иерархию. На Рогожском собирались знатоки церковного устава и пения, здесь формировались иконные и книжные собрания, сюда стекались купцы и их капиталы, необходимые для поддержания жизни центра. Понять историю старой веры без изучения истории Рогожского кладбища сложно. На сегодняшний день одним из фундаментальных описаний старообрядческого центра является книга Е.М. Юхименко «Старообрядческий центр за Рогожской заставою», в предисловии к которой она справедливо замечает, что история Рогожского центра до сих пор полностью не восстановлена [Юхименко, 2005. С. 9].

Среди первых исследователей, обративших внимание на Рогожское кладбище как хранилище древностей, был И.М. Снегирев, лично знакомый с некоторыми старообрядцами. В частности, он был знаком с антикваром и библиофилом Т.Ф. Большаковым, меценатом и коллекционером К.Т. Солдатенковым. В дневниках И.М. Снегирева встречается упоминание об уникальных предметах древнерусского искусства, находящихся в Покровском соборе:

«Поутру с Ф.Г. Солнцевым я ездил на Рогожское кладбище, где осматривали древние иконы новгородские, московские разных веков. Видел и записал шитую икону Иерус[алимской] Богоматери с ликами св. Иоанна Предт[ечи] и св. Димитрия Солунского и с надписью, где значится, что она принесена царем И[ваном] Вас[ильевичем] и царицею Мариєю Феодор[овной] в Сергиев мон[астырь] в память рождения царевича Димитрия июня 30. Смотрели и заметили виды Троицкого и Соловецкого монастырей, изображенные на образе князей Владимира, Бориса и Глеба. Руководителем нашим был Василий Якимов, человек смысленый и начитанный, который нас угощал» [Снегирев, 1904. С. 293].

В сентябре 1854 г. Снегирев побывал на освящении Никольской единоверческой церкви:

«Я был на освящении первой православной церкви на Рогожском кладбище. Ее освящали по Филаретову Требнику три священника. Народу было множество; присоединившихся довольно; упорные плакали в своей часовне. За обедом я сидел с А.И. Войцеховичем, который просил меня написать об этом статью. Я написал ее» [Снегирев, 1905. С. 26].

Под «упорными, плакавшими в часовне» Снегирев имеет в виду старообрядцев-поповцев, оплакивавших перешедших от них в единоверие, в том числе одного из главных организаторов единоверия В.А. Сапелкина. В 1855 г. вышло издание И.М. Снегирева «Об устройении и освящении церкви в прежней часовне Рогожского богаделенного дома».

Писатель и чиновник П.И. Мельников-Печерский в 1863 г. выпустил книгу «Очерки поповщины», основанную на архивных документах Министерства внутренних дел. В «Очерках...» отдельная глава посвящена старообрядческому центру. По словам Мельникова, в ограде Рогожского кладбища был построен целый городок, население которого превышало население некоторых уездных городов. Находящиеся на территории кладбища храмы (до освящения — часовни) были великолепно украшены:

«Иконы превосходного древнего письма — рублевские, строгановские и др., в богатых серебropозлащенных ризах с драгоценными камнями и жемчугом, серебряные паникадила и подсвечники с пудовыми свечами, богатые плащаницы, золоченые иконостасы, великолепная утварь — все свидетельствовало как об усердии, так и о богатстве рогожских прихожан» [Мельников-Печерский, 1898. С. 339].

Другой автор, писавший о Рогожском и являвшийся его прихожанином, — В.Е. Макаров [1911]. К 140-летию религиозного центра (1711–1911 гг.) он выпустил книгу «Очерк истории Рогожского кладбища в Москве». Важным недостатком очерка стало отсутствие ссылок на источники. В частности, рецензент, подписавшийся псевдонимом Рогожанин, указывает на книгу П.И. Мельникова, откуда Макаров взял «почти целые страницы» [Церковь, 1911. С. 1266]. Добавим, что В.Е. Макаров приводит ряд документов, среди которых находится донесение московского главнокомандующего князя А. Прозоровского Екатерине II о строительстве на Рогожском кладбище церквей. Донесение было ранее опубликовано в работе Н.И. Субботина «Из истории Рогожского кладбища». Н.И. Субботин, являвшийся противником старой веры, тем не менее задал коренные вопросы истории старообрядчества: «Но что такое это пресловутое Рогожское кладбище? Когда и как оно возникло? Когда и как явились на нем те обширные и богато украшенные часовни, о которых столько говорят теперь и пишут?» [Субботин, 1882. С. 3]. Теми же вопросами задаются и современные исследователи, желая узнать и дальнейшую судьбу религиозного центра.

История Рогожского кладбища в советское время мало изучена. Особенно интересны принципы выживания религиозных общин после Октябрьской революции, когда монастыри и храмы становились музеями. Поиск документов, касающихся начального советского периода истории старообрядчества, приводит порой к совершенно неожиданным открытиям. Так, в личном фонде А.К. Виноградова (РГАЛИ. Ф. 1303) нами обнаружено дело, содержащее ряд документов 1920 гг., созданных библиотекарем Рогожского кладбища Е.И. Усовым.

Для понимания того, как документы Е.И. Усова оказались в фонде Виноградова, приведем их краткие биографии. Имя Анатолия Корнилиевича Виноградова (1888–1946) — писателя, переводчика, литературоведа, библиографа, библиотечного и музейного сотрудника — известно лишь узким специалистам. А.К. Виноградов родился в селе Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии. Из автобиографии, написанной для словаря советских писателей, мы узнаем, что его отец «народный учитель Корнелий Никитич Виноградов из крестьян старообрядцев Костромской губернии Варнавенского уезда Уреньской волости деревни Рогово» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 299. Л. 11.]. Детство Анатолия прошло в Тарусе, откуда семья переехала в Москву. Литературным трудом А.К. Виноградов стал заниматься с 1905 г. В 1906 г. он окончил Первую Московскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Через два года перешел на философское отделение историко-филологического факультета. До окончания университета Виноградов был «вольнотрующимся» Румянцевской библиотеки. В 1912 г. он получил штатную должность помощника библиотекаря и «учительствовал в московских гимназиях» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 299. Л. 1 об.].

После Октябрьской революции А.К. Виноградов избран в Московский совет рабочих и солдатских депутатов. С декабря 1917 г. он был представителем Румянцевского музея в различных советских учреждениях: работал в библиотечном отделе Наркомпроса, в Коллегии по делам музеев Наркомпроса, в Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при московском Совете рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. А.К. Виноградов назначен научным секретарем Румянцевского музея. В 1920 г. он направлен в Ригу в качестве эксперта для участия в составе российско-украинской делегации на переговорах с Польшей, стал автором ряда статей Рижского трактата 18 марта 1921 г. «по защите культурных ценностей СССР от покушений бело-поляков» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 299. Л. 1 об.].

С марта 1921 г. по октябрь 1924 г. А.К. Виноградов занимает должность директора Румянцевского музея, в 1924 г. переименованного во Всероссийскую публичную библиотеку имени Ленина. В 1924 г. состояние библиотеки было обследовано специальной комиссией Наркомпроса, выявившей существенные недостатки в ее работе. В связи с этим А.К. Виноградов по личной просьбе был освобожден от должности директора. В 1925–1929 гг. он являлся сотрудником научного отделения Государственной библиотеки имени Ленина, заведующим отделом славяноведения. В 1930 гг. Анатолий Корнилиевич прошел «курс авиационных знаний» и в 1934 г. был удостоен звания летчика-наблюдателя ВВС РККА. Во время Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом и старшим научным сотрудником Института мировой литературы Академии наук. А.К. Виноградову принадлежат известные романы «Три цвета времени», «Черный консул», «Осуждение Паганини». Он является автором произведений-исследований о Мериме, Байроне, Стендале, Мицкевиче, братьях Тургеневых.

Евтихий Иванович Усов (1867–1934) родился в крестьянской старообрядческой семье в деревне Большая Липовка Балахнинского уезда Нижегородской губернии. В детстве и юности был кашеваром, бурлаком, матросом, штурвальным. После службы в армии (1882–1884) работал в торговой лавке при Богородско-Глуховской мануфактуре и пел в церковном хоре. В 1887 г. Е.И. Усов переехал жить в Москву на Рогожское кладбище, где стал головщиком левого клироса. В 1910-е гг. он избирался в Московский старообрядческий епархиальный совет, был членом Комиссии по наблюдению и охранению древностей и редкостей храмов общины Рогожского кладбища и по книгохранилищу. По решению Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища (МСОРК) в 1912 г. им была составлена краткая опись книжного собрания, после чего весь фонд был перемещен из помещения при конторе под храм-колокольню. 27 августа 1913 г. на заседании Комиссии по охранению древностей и редкостей храмов общины и по книгохранилищу, работавшей под председательством С.П. Рябушинского, заведование книгохранилищем было временно поручено Евтихию Ивановичу Усову и секретарю архиепископии Терентию Савельевичу Крапченкову. В 1914 г. библиотекарь Е.И. Усов начал составление предварительной описи рукописей и книг в книгохранилище, однако из-за дороговизны на бумагу и типографские услуги публикация работы была отложена [Юхименко, 2005. С. 100–101]. В 1918 г. библиотека была национализирована и передана в подчинение Румянцевскому музею. В январе 1920 г. Усов становится штатным заведующим филиала музея — Рогожской библиотеки.

В фонде А.К. Виноградова хранится интересный документ — «Выпись из книг о родившихся для общественного ведения Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища за 1921 год». В нем зафиксировано рождение 13 (26) мая сына А.К. Виноградова — Георгия. Примечательна запись о восприемниках новорожденного: «Крестьянин Нижегородской губ. Балахнинского уезда Катунской волости дер. Липовской Евтихий Иванович Усов и гражданка Калужской губ. г. Тарусы Нина Корнилиевна Виноградова» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1186. Л. 5]. Таким образом, Е.И. Усов был не только подчиненным по службе, но состоял в духовном родстве с А.К. Виноградовым. Возможно, именно этот факт позволил Евтихию Ивановичу оставаться в должности библиотекаря вплоть до вывоза библиотеки с Рогожского кладбища в Ленинскую библиотеку.

В 1919 г. на территории Рогожского старообрядческого центра был организован музей. По версии Е.М. Юхименко, здесь была использована сложившаяся практика музеефикации действующих монастырей, когда храмы отходили в ведение Наркомпроса, а религиозная община существовала до того момента, пока разрешала власть. В ведении отдела музеев Главнауки Наркомпроса находились все три храма Рогожского кладбища с внутренним убранством (Покровский, Рождественский и Воскресенский) и часовня (гробница или покойницкая). В 1925 г. с музея на Рогожском кладбище Наркомпрос затребовал анкету, которую составил бывший библиотекарь московской общины, единственный научный сотрудник и хранитель музея Е.И. Усов. Из анкеты, датированной 6 июля 1925 г., мы узнаем некоторые подробности. Устава музей Рогожского кладбища не имел, на отделения и секции не разделялся. Его госбюджет в 1924/1925 гг. состоял из выплаты заработной платы единственному сотруднику, специальных средств и выплат из местных средств музей не получал и за последние годы не инспектировался. Вся деятельность музея в 1925 г. сводилась к экскурсионной работе: за год здесь побывало 140 посетителей, проведено 12 экскурсий. В 1926 г. музей обследовала совместная комиссия Главнауки и Губмузея. Комиссия признала работу музея и его хранителя Е.И. Усова неудовлетворительной. Вывод комиссии был однозначен: сменить хранителя музея Рогожского кладбища как человека, лишённого инициативы и подчиненного религиозной общине Рогожской церкви [Юхименко, 2005. С. 156–157]. В акте от 21 мая 1926 г., составленном комиссией, отмечалось:

«Внутреннее убранство всех церквей Рогожского кладбища имеет большое музейное значение как памятник старообрядческого быта с его своеобразным укладом. Имущество церквей было на выдержку проверено по опис[и] 1923 года, проверенной административным отделом Моссовета 30-го мая 1925 года, и дополнительны[м] опис[ям] от 12-го февраля 1925 г. и 19-го мая 1926 года. Библиотека вывезена в 1924 году в Ленинскую библиотеку по распоряжению Анат. Корниловича Виноградова. Помещение б. библиотеки в Воскресенском храме находится опечатанным печатью Ленинской библиотеки, вследствие чего в указанное помещение проникнуть не удалось, причем члены приемочной комиссии считают необходимым отметить, что это помещение, назначенное после вывоза библиотеки для музея, в течение двух лет недостаточно вентилируется и находится пустующим» [Юхименко, 2005. С. 158].

В выявленном нами деле из фонда А.К. Виноградова находится письмо Е.И. Усова к Виноградову, историческая справка о Рогожском кладбище и описание строений кладбища (Покровского и Рождественского храмов, колокольни, библиотеки и покойницкой), сделанные Евтихием Ивановичем. Письмо, датированное 10 ноября 1921 г., поясняет, в связи с чем появилась историческая справка, и содержит сугубо личную просьбу автора:

**«Многоуважаемый
Анатолий Корнилович!**

Всенижайше Вам кланяюсь и желаю быть здоровым. При сем извещаю Вас, что Трегубов И.П. мне сообщил о том, что для Вас нужна кой-какая справка о Рогожском кладбище, не имея ничего исторического в руках, а имею свое личное чтение из разных журналов и устных сказаний, то Вам и даю сведения более верные, но написаны не по-ученому, за что и прошу Вас простите меня как невежу. Более я собрал за скоростью времени и частью нездоровья [не мог], в виду одного я решил послать Вам со своей дочерью, и примите от нее как бы от меня лично.

Анатолий Корнилович, еще для Вас моя величайшая просьба: не найдете ли возможным оные рецепты использовать, Бога ради, что возможно устройте, чем-нибудь и я Вам заслужу. Здоровье мое хотя и стало лучше, но выходить боюсь. Остаюсь Вас уважающий Евтихий Иванович Усов. 1921 года ноября 10 дня 8 часов вечера.

Анатолий Корнилович, Вас ждали на Рогожское к 5 часам. По извещению Трегубова И.П. и он к 5 часам сам прибыл, у меня побыл и ушел, не дождавшись Вас. Кое-что передал. То все для меня отрадно и приятно, что Вы принимаете участие, спаси Вас Христос. Е. Усов» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1а — 2а].

Упоминаемый в письме Иван Петрович Трегубов много лет был попечителем и членом совета Рогожской общины, председателем комиссии для приведения в порядок книгохранилища МСОРК. Он неоднократно избирался от Московского старообрядческого общества на Освященный собор и старообрядческие съезды. И.П. Трегубов пожертвовал деньги на строительство храма-колокольни Воскресения Христова на Рогожском кладбище, где находилась библиотека. Из текста письма можно сделать предположение, что историческую справку А.К. Виноградов запросил у Е.И. Усова в связи с образованным на Рогожском кладбище музеем. Приведем текст этой справки¹:

«Маленькая Историческая Справка о Рогожском Кладбище

В 1771 году в Москве за Рогожской заставой основано Рогожское кладбище /1/.

Ни застенки Преображенского приказа, ни существовавшая до 1763 года раскольническая канцелярия, ни откуп на заставах бороды деньгами, ни указанное платье с желтым козырем не в состоянии были удержать старообрядцев от стремления к Московскому жительству как русских людей, неизменно верных историческим преданиям родины, и их влекло в белокаменную. Московское старообрядчество имело хотя и тайно и без разрешения общественно домовые моельни. На Ивановке в доме Медведева, на набережной Москвы реки, близ москворецкого моста в доме Дунякова, у Тверской заставы в доме Воробьева и на Малой Андроновке в доме Кольчева. Кроме того, были три особые кладбища. I-е близ Донского монастыря, отведенное по указу имп[е-

¹ Ссылки, приведенные в тексте Е.И. Усова постранично, даны нами в конце исторической справки.

ратора] Петра I-го 1718 г. /II/. II-е за Тверскими воротами. III-е близ красного Пруда, возле полевого двора /III/ и оные кладбища просуществовали до 1770 г.

По указу Ее Императорского Величества Екатерины II-й, последовавшему от 25 марта 1770 г., Правительствующим сенатом велено было все кладбища вынести за Камер-Коллежский вал. В это-то время и старообрядцам на выше показанных кладбищах класться запрещено, а вместо оных отведено для кладбища место за Рогожской заставой /IV/. С дозволения тогда временно управляющего Москвой князя Г. Орлова для отпевания умерших старообрядцев и поминовения оных, был построен первый в Москве с дозволения правительства небольшой деревянный молитвенный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы /V/, имеющий вид церкви с одной главой и восьмиконечным крестом. В 1776 г. другой храм, каменный, несколько обширнее первого, во имя святителея Николы также с одной главой, а также и восьмиконечным крестом /VI/. Московские старообрядцы, во главе московского гражданина Никиты Павлова, обратились с просьбою к московскому главнокомандующему тогда князю А. Прозоровскому, чтобы он соизволил приехать на Рогожское кладбище осмотреть одного храма ветхость, а другого неспособность и позволить им построить более обширный каменный храм. Князь А. Прозоровский не замедлил приехать на кладбище и осмотреть храмы, кои действительно нашел неудобными, деревянный ветхим, а каменный сырым (и по сие время сырой, как ни стараются производить ремонт, но нет, сырость портит) и вместо их позволил построить новый каменный (а деревянный сломать, что и было исполнено) /VII/. В 1791 году храм был заложен в честь Покрова Пресвятой Богородицы в обширных размерах, под наблюдением полицейского архитектора Карина. В 1792 г. сентября 17 Императрица Екатерина II прислала указ на имя московского главнокомандующего князя А. Прозоровского, в коем повелевалось донести Ее Величеству о вновь строящемся в Москве храме старообрядцев /VIII/. В это время храм был доведен до карниза и представлял вид дома, после всего этого объяснения князя А. Прозоровского с Ее Величеством от 25 октября 1792 г. храм закончить в таком виде: абсиду отломать, окна переделать на домовые и с одной главой и крестом, по представленному вновь плану полицейского архитектора Карина, а окончен храм в таком виде как он есть и по сие время в 1793 году. В 1804 г. кладбищенский попечитель Шевяков исходатайствовал у тогдашнего начальника московской столицы Беклешова позволение построить храм в честь Рождества Христова для зимнего времени, т. е. теплый. Этот храм с одной главой и крестом по плану архитектора Жукова /IX/.

Итак, привожу такие краткие сведения об основании Рогожского кладбища и о построениях святых храмов при оном, не входя в их подробное описание наружного и внутреннего видов, но скажу одно: оные храмы со времени их основания и поныне стоят как живые и заветные памятники наших благочестивых предков, не жалея сил и средств на благо своему потомству. В 1905 г. 16 апреля распечатали сих храмов святые алтари, а 17 апреля издан Манифест о даровании свободы всем религиям и сектам по их верованиям. После сего Манифеста московские старообрядцы придумали увековечить столь радостный день каким-либо памятником, и вот придумали построить колокольню и при оной храм Воскресения Христова, что и исполнили с божией помощью задуманное столь великое событие. И теперь этот живой памятник свободы возвещает и призывает своим благозвучием богобоязливых людей на молитву и на всякое духовное творчество. Аминь. Е. Усов.

/I/ Смотри указ о выведении кладбищ вообще из черты города Москвы за Камер-Коллежский вал последовал в 1770 г. Марта 25 дня.

/II/ Чтения в Имп. Общ. Истории и Древн. Российских за 1889 г. Книга II, отдел I-й, стр. 81-я.

/III/ О сем кладбище находится сведение в выписках старообрядческих, сделанных для кн. Прозоровского в 1792 г. Напечатано в Русском архиве за 1864 г., стр. 246-я.

/IV/ См. русск. арх. за 1864-й г. в ст. «Черты из истории старообрядческих кладбищ», столбцы 245 и 247, а по первому изд. Русск. вестн. за 1886 г. № 5, стр. 16 и 18 в «Ист. очерки поповщины» П. Мельникова, сб. для истории старообрядч. изд. П. Поповым 1866 г., том II-й, вып. V Старообрядческие монастыри, стр. 5.

/V/ См. донесение Моск. главноком. кн. А. Прозоровского к имп. Ек. II-й [пропущена строчка] российских за 1889 г., кн. II-я, отд. I-й, стр. 82-я.

/VI/ Колокольня деревянная неизвестно, когда построена, она сторела в 1854 г. на 9 мая от иллюминации.

/VII/ Русский вестник за 1866 г. № 5, стр. 8-я и «Историч. очерки поповщины» П.И. Мельникова X, стр. 18. Сведения о единоверческих церквях В.А. Сапелкина 1858 г. Лист 20-й на обороте. Там же в донесении Прозоровского стр. 80-я, там же в донесении стр. 81-я.

/VIII/ См. Чтения Императорск. Общест. Истории и Древностей Российских во II-й книге 1889 г. в I-м отделе статья Е.В. Барсова.

/IX/ Билет, выданный управой благочиния, попечителю Рогожского кладбища купцу Илье Фокину Шевякову 21 дек. 1804 г. на постройку каменной зимней часовни, длиною 22, а шириною 11 сажень. См. Русск. вестн. 1866 г. № 5, в ст. П. Мельникова «Историч. очерки поповщины», стр. 81-я.

/X/ и призывает» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1–2].

Опись Усова учитывает в каждом строении Рогожского кладбища конструктивные детали (окна, двери, пол, потолок, столбы), внутреннее убранство (подсвечники, аналои, киоты, паникадила) и мебель. Совершенно отсутствует описание икон. Документ представляет собой машинопись на нескольких листах²:

«Покровский летний храм при Рогожском Старообрядческом кладбище.»

Главный вход в Покровский храм пролегает чрез западную паперть, которая возвышается от уровня наружной площади на 7 ступеней. Она паперть глухая и имеет между колоннами стеклянные рамы с фигурными перемычками и три входные створчатые двери, со стеклами. Ступеньки и пол паперти подольских плит, длина паперти 10 арш[ин], ширина 16 арш[ин]. Пол застан веревочными коврами. В потолке глухой фонарь. Потол[ок] и купол расписаны по золотому фону. Внутри купола висит фонарь со стеклами, медный посеребренный, о 9 главах, главы золоченые, по стене 2 киота, пред оными 2 лампы на цепях медно-посеребренные. Киота для ношения иконы в крестных ходах. Киота из Антоновой палаты. Скамейка о шести ножках крашенная темной краской. Архиерейская кафедра красного гранита. Входные двери в храм железные створчатые, и окрашены зеленой краской, а вторые деревянные створчатые со стеклами и окрашены белилами. Здесь же пристроен тамбур со стеклами и имеет средние входные створчатые со стеклами двери, а боковые однополотные и со стеклами, весь тамбур окрашен белилами. Пол вначале был чугунный плитами, а впоследствии настлали из досок. На полу во всю длину храма постланы три ковровые дорожки и при входе поперек храма таковая же. На середине храма ковер красный. Длина храма по полу с алтарем 67 арш[ин], ширина храма 41 арш[ин]. Окон в храме

² Мы разбили текст на абзацы, отсутствующие в описании строений. Текст публикуется с редакторской правкой, с исправлением пунктуационных ошибок и приведением слов к современному написанию.

б1 окно, с железными крестовидными решетками, высота окон 5 аршин 11 верш[ков], ширина 2 арш[ина] 12 верш[ков].

Солея возвышается от уровня пола на три ступеньки, и она солея застлана красным сукном и одна дорожка клеенки во всю ширину храма. На оной солее устроен иконостас во всю ширину храма, в высоту в 4 ряда /яруса/ и в оном иконостасе царские врата, южная и северная двери. На середине солеи один сшивной ковер и одна ковровая дорожка /за иконостасом алтарь/. В алтаре пол чугунный плитами, на полу линолеум, а сверху зеленое сукно, под престолом ковер сшивной, в ширину алтаря постлана ковровая дорожка. Престол деревянный, облачение парчовое, пред престолом 4 подсвечника медно-посеребренные. За престолом седмисвешник медно-посеребренный, тумба для запрестольных икон деревянная крашенная белилами, а местами золоченая. На горнем месте архиерейская кафедра, обитая красным сукном, а на оной железное кресло изящной работы, и здесь же деревянная тумба, обитая старой штофной материей, а внутри оной хранятся 10 пар брачных венцов медножелтые, а на оной 3 сиона в виде колоколен медно-посеребренные, а местами и позолоченные. У северной стены жертвенник деревянный, облачение на оном парчовое, пред оным подсвечник медно-посеребренный, за жертвенником деревянная тумба золоченая на полимент. На одной тумбе 3 ковчега со стеклами, золоченые на полимент. Внутри алтаря 2 столба, поддерживающие своды, и 2 стены, отделяющие правый и левый пределы. В алтаре своды и стены расписаны изображениями. Возле стен алтарных устроено 10 киот, не крашенных и 8 лампад на цепях медно-посеребренные. 2 скамейки, обитые красным сукном, 1 табуретка, обитая красным плюшем, 7 табуреток дубовых, а сиденья обитые материей, 9 стульев венских /черных/, 2 аналоя для икон обитые материей, 2 комода красного дерева, одна лестница в 5 ступенек, 6 картин песнопений на крюках в рамках за стеклами.

Из главного алтаря в правый разделяет стена, в оной стене устроены деревянные створные со стеклами двери, в оном пределе пол чугунный плитами и застлан веревочными коврами, во всю ширину предела устроен иконостас в высоту в 4 ряда /яруса/ и имеет царские врата, южную и северную двери. В алтаре престол деревянный обтянут старой парчой. На престоле трехсвечник посеребренный, за престолом тумба для запрестольных икон, крашенная. Жертвенник деревянный обтянут старой парчой. Пред жертвенником подсвечник медно-посеребренный. На горнем месте 2 киота не крашенные, в стене шкаф со стеклами /вне алтаря/. Аналой для икон обтянутый шелковой материей, аналой для диакона обтянутый материей. 4 лампы на цепях медно-посеребренные, один подсвечник выносной, 2 киота некрашенных, внизу оных по три ящика. 2 хоругви на древках шитые шелками, 4 фонаря выносных на ручках медные. 2 чаши водосвятные с крышками, посеребренные. Ящик никелированный для кадила, столик с затворками крашенный, 7 стульев венских /черных/ и несколько ломаных. В стене шкаф со стеклами. А также разделяется и левый придел от главного алтаря стеной, в оной стене устроены деревянные створные со стеклами двери, в оном приделе пол чугунный плитами и застлан веревочными коврами, во всю ширину придела устроен иконостас в высоту в 4 ряда /яруса/ золоченный на полимент. И имеет царские врата, южную и северные двери.

В алтаре престол деревянный, обтянутый старой парчой, тумба для престольных икон /крашенная/, на горнем месте 2 киота некрашенные. В стене шкаф со стеклами, а в оном 3 водосвятные чаши, посеребренные, одна лестница в 5 ступеней. /Вне алтаря/ у местных икон 4 подсвечника, посеребренные. По стенам 2 киота некрашенные, 2 хоругви на древках, шитые шелками. Одно паникадило посеребренное. Шкаф кипарисовый со стеклами, 6 подсвечников посеребренные,

разных фасонов и размеров. В стене шкаф со стеклами, а в оном чаша водосвятная, 2 курильницы велико-субботние, медные, кувшин для теплоты медный, /на солее вне алтаря/ у иконостаса 2 аналоя для икон обтянутые материей, пред праздничными иконами размещено 16 лампад на цепях медно-посеребренные. Больших подсвечников 14 и 2 подсвечника средних — все медно-посеребренные. На правой стороне солеи на ступеньках киот со стеклами золоченный на полимент, пред оным подсвечник медно-посеребренный.

По средине храма у солеи 2 столба, а к оным столбам пристроены клироса, и у оных столбов установлено по 4 киота золоченные на полимент и еще в храме 4 столба четырехгранные /поддерживающие своды/, и оные столбы имеют по 3 киота золоченные на полимент. У заклиросных столбов 3 подсвечника посеребренные. На левой стороне на ступеньках солеи киот со стеклами, золоченный на полимент. При входе у столбов 2 подсвечника посеребренные. Во всем храме возле стен размещено 28 киот и оные золоченные на полимент, а некоторые крашены. Во всем храме возле у столбов развешаны лампы на цепях для свечей 50, и 2 золоченные. На правой стороне у стены бадахин на 4 столбах и сводами, золоченный на полимент. Площадка, обитая красным сукном, и возвышается от пола на 3 ступеньки, и здесь стоит гробница золоченная на полимент со стеклами, и обнесена с 3 сторон решеткой, и на левой стороне в таком же виде и порядке, исключая гробницы. Здесь гробница двухсторонняя, сосновая, полированная и со стеклами, 10 паникадил посеребренные, 5 пар хоругвей на древках медно-позолоченные, 7 подсвечников /гробовых/ посеребренные, 3 подсвечника /гробовые/ золоченные.

Архиерейская кафедра, обитая красным сукном, 2 свечных ящика дубовые, полированные. В простенках окон /на полу/ размещено 13 ящиков, заменяющих скамейки, и оные ящики окрашены зеленой краской. У столбов с восточной стороны размещено 5 дубовых ящиков, заменяющих скамейки. 1 венская табуретка, 5 стульев венских /черных/, 1 тумба восьмигранная, крашенная под дуб. 2 лестницы по 8 ступеней, 2 лестницы для малых паникадил и праздничных лампад, и 2 лестницы на колесах.

На западной стене во всю ширину храма возвышаются хоры, оные поддерживаются колоннами с капителями, окрашены под малахит. На оные хоры ведут 2 деревянные лестницы и на оных хорах устроены 2 палатки /ризницы/, и в оных палатках размещены облачения священнические, и диаконские, и стихарных, а также и покрова /покойнищие/, и здесь же по западной стене в простенках окон размещено 4 киота не крашенные. В древнем московском стиле иконопись покрывает сплошь /по золотому полю/ стены, столбы, своды, арки, и самый купол храма, а откосы и отливы окон расписаны древним орнаментом с изображениями. На южной и северной сторонах храма, снаружи имеются открытые паперти на каменных колоннах, крытые железом. При каждой паперти снаружи входные железные створчатые двери больших размеров, и окрашены зеленой краской, а за оными вторые деревянные створчатые со стеклами двери, и окрашены белилами.

Рождественский Рогожский храм.

Главный вход в Рождественский храм пролегает чрез западную паперть, которая и возвышается от уровня площади на 7 ступеней, оные ступени из жернового камня /плит/. Паперть устроена на 4-х колоннах, а между оных устроены рамы со стеклами, входные в паперть трехстворчатые со стеклами двери, столярной работы, и вся паперть окрашена белилами, паперти пол подольского камня плитами, размер оной длина 5 арш[ин] 3 вершка, ширина 12 арш[ин]. Под потолком повешен фонарь медно-посеребренный, со слюдой, на стене 2 рамы бронзированные, 1 скамейка, окрашенная темной краской.

На Северной стене на чердак храма — створчатые железные двери. Вход в самый храм через западные двери, оные двери железные, створные, больших размеров, и окрашены зеленой краской с написанием изображений, за оными железными имеются деревянные, створные со стеклами двери, окрашены белилами. Здесь же пристроен тамбур со стеклами, и имеет посредине входные створчатые со стеклами двери, а по бокам 2 однополотные и со стеклами, весь тамбур окрашен белилами. Размер храма: по полу длина 63 аршина с алтарем, ширина храма 32 аршина. Окон в храме 16 большого размера и с решетками, и 6 окон в круглом виде с решетками. Пол во всем храме метлахских плиток, на полу во всю длину храма разостлано 3 ковровых веревочных дорожки, а также и поперек храма 2 дорожки, на середине храма 1 красный ковер и 2 ковра сшивных, 1 дорожка коровая. 1 ковер малый /литейный/ красного сукна, аршин 15-ть /приблизительно/.

Солея от уровня пола возвращается [возвышается] на 3 ступени, на солее во всю ширину храма устроен иконостас в высоту в 3 ряда /яруса/ и окрашен белилами, а местами золочен на полимент, и бронзирован порошком. В иконостасе царские врата, южная и северная двери, за иконостасом в алтаре 2 столба 4-хгранные, поддерживающие своды. Пол в алтаре метлахских плиток, на полу ковры, и коровая дорожка. Престол деревянный, облачение на оном — старой парчи, у престола 4 подсвечника медно-посеребренные. Седмисвечник посеребренный, тумба для запрестольных икон крашена белилами, на горнем месте архиерейская кафедра, обитая красным сукном, а на оной кресло железное изящной работы. У стены на горнем месте киот большого размера. У столбов 2 киота, 2 ясеневых комода по 3 ящика для облачений и разных вещей, 2 табуретки, обитые красным плюшем, 5 табуреток дубовых.

Алтарь отделяется от диаконника стеной столярной работы, со стеклами, и она стена окрашена белилами, и местами золоченная на полимент. В середине стены двери створчатые со стеклами. Здесь, в диаконнике, по восточной стене, устроен иконостас, крашенный белилами, а местами золочен на полимент. 3 лампы на цепях посеребренные. 4 подсвечника /ручные/ для стихарных, никелированные, 1 подсвечник золоченый, 1 пара венцов /брачных/ медно-золоченых, 1 столик, обтянутый манчестером бордо. Гардероб дубовый для облачений, 1 шкаф /сосновый/, крашенный, кадило медно-посеребренное. На левой стороне храма жертвенник, и оный отделяется от главного алтаря такой же стеной столярной работы и со стеклами, крашенная белилами и местами золоченая на полимент, и в оной стене створчатые двери со стеклами, пол метлахских плиток, на полу ковер. Жертвенник деревянный, облачение на оном старой парчи. На восточной стене жертвенника устроен иконостас крашенный белилами, а местами золоченный на полимент, пред оным 2 лампы на цепях посеребренные. В запасе 7 подсвечников посеребренных разных рисунков, 2 малых подсвечника. Аналой для икон, облачение старой парчи. Шкаф сосновый со стеклами /крашенный/. Комод красного дерева, в стене ящик, затворки никелированные.

/На солее вне алтаря/ у иконостаса 2 аналоя для икон, обитые парчой, 1 лампа золоченная в 7 стаканчиков /для масла/, 1 лампа золоченая в 5 стаканчиков /для масла/, 12 местных подсвечников и 2 подсвечника аналойные, все медно-посеребренные. На левой стороне, на ступеньках солеи киот со стеклом, золоченный на полимент. Столбов в храме, поддерживающих своды 8, оные все четырехгранные, и оные столбы обставлены с 3-х сторон киотами, окрашенными белилами, а местами золоченные на полимент. У солеи 2 столба, а к оным столбам с восточной стороны устроены клироса, у столба за правым клиросом киот красного дерева со стеклом, рамка

золоченная и здесь 2 подсвечника посеребренные, у столба за левым клиросом киот орехового дерева со стеклом, рамка золоченая, пред оным киотом 1 подсвечник посеребренный.

При входе у столбов с западной стороны 2 подсвечника посеребренные. В храме возле стен устроены киоты для икон, и оные сделаны простой столярной работы, окрашены белилами, а местами бронзированы. У оных киот развешено 18 лампад на цепях посеребренные. У столбовых киот развешено 22 лампы на цепях посеребренные. Паникадил в храме 8, медно-золоченые. Хоругвей на древках 2 пары, медно-золоченые. Аналое для икон 4, на оных облачения разные, аналое складных для пения и чтения 6, подсвечников гробовых 5 позолоченных, 4 подсвечника посеребренные, 1 чаша водосвятная с крышкою и кранами, никелированная, 2 кадки для огарков никелированные, архиерейская кафедра, обитая красным сукном. Одр для покойников, обитый черным миткалем, 4 барьера /перила/ окрашены белилами, 2 витрины сосновые полированные, 3 тумбочки сосновые полированные. Стол сосновый складной, полирован, стол сосновый с 2-мя ящиками, 2 тумбы восьмигранные /крашеные/, 2 свечных ящика дубовые, полированные. Тумба с полками крашеная, 8 скамеек дубовых, ножки точеные. 12 венских стульев /черные/, на стенах вешалок 6 штук по несколько крючков, 3 лестницы по 8 ступенек, 1 лестница в 11 ступенек и 1 лестница на колесах, по середине храма, на южной стороне, имеется придел, а в оный придел входные двери створные, столярной работы, со стеклами, и окрашенные белилами, а вторые железные створные с решетками, в приделе пол метлахских плиток, и застлан старыми коврами, окон в приделе 2 обыкновенных и 2 больших, и здесь же имеются наружные двери, на южной стороне придела имеются створные со стеклами /столярные/ двери, крашенные белилами, во всю ширину придела устроен иконостас в высоту в 3 ряда /яруса/ и имеет царские врата, южную и северную двери.

/В алтаре/ престол деревянный, облачение парчовое, на престоле седмисвечник /в виде подсвечника/ медно-позолоченный, за престолом тумба дубовая, полированная. Жертвенник деревянный, облачение парчовое, на жертвеннике подсвечник /ручной/ никелированный. На восточной стене 2 киота небольшие, 2 аналоя для икон, обтянутые материей.

/Вне алтаря/ аналой для икон, обтянутый материей, у иконостаса 4 подсвечника посеребренные /разной формы/, 1 подсвечник выносной /желтый/, на стене 2 киота со стеклами, на северной стороне храма таковой же придел, в оный придел входные столярные створчатые со стеклами двери, крашенные белилами, а за оными железные створные с решетками, в приделе пол метлахских плиток, окон в приделе 2 обыкновенных и 2 очень большие, и здесь же имеются вторые наружные двери. На северной стене придела двое створчатых со стеклами дверей /столярной работы/ крашенные белилами, во всю ширину придела устроен иконостас, в высоту в 3 ряда /яруса/, окрашен белилами, и имеет царские врата и северную дверь.

/Внутри алтаря/ престол деревянный, облачение парчовое, на престоле трехсвечник никелированный, за престолом тумба деревянная для икон, жертвенник деревянный, облачение парчовое.

/Вне алтаря/ у иконостаса 2 лампы на цепях посеребренные, 2 подсвечника посеребренные, 1 подсвечник выносной, 1 тумба сосновая полированная, 2 шкафа книжных /и кое-какая рухлядь неразобранная, а также хранятся ящики для упаковки книг, в Государственный Румянцевский Музей/.

Сзади храма устроены два придела, и оные приделы как ризницы. Правый придел: дверь столярная, створчатая, со стеклами, крашенная белилами. Пол метлахских плиток. Стены расписаны по золотому фону. 2 окна с решетками и здесь же вторая дверь, выходящая на паперть, на северной стене внутренняя дверь деревянная, однополотная, со стеклами, и окрашена белилами, а вторая /наружная/ железная однополотная, окрашена темной краской, /и в оную дверь не ходим, и ключей от оных у нас нет/, в оном приделе чаша водосвятная с крышкой и кранами, посеребренная, а местами и позолоченная. Бак красной меди для деревянного масла, 4 подсвечника золоченые, 2 стола сосновые, в запасе 1 ковер квадратный, в стеке 3 шкафа, под лестницей чулан, 1 скамейка сосновая /и несколько бумаги для фитиля в восковые свечи/. Кверху во второй этаж лестница деревянная, на оной лестнице ковровая дорожка, здесь в помещении потолок и 2 стены расписаны по золотому фону, 3 окна с решетками /круглые/, возле стен, восточной и западной, устроены шкафы с полками и вешалками для облачений и покровов, посередине стол сосновый с ящиками, и на оном разложены покрывала, на полу хранятся обожженные восковые праздничные паникадельные и лампадные свечи, здесь же фаянсовые мелкие кутейные чашки.

Левый задний придел /ризница, она же и крестильня/ в оный придел входная дверь створчатая, со стеклами, и крашенная белилами в оном приделе 2 окна с решетками, пол деревянный, досками. На стенах 2 киота и маленький шкаф, по южной стене шкаф сосновый полированный для облачений и 1 шкаф для книг, 1 купель медно-никелированная и кое-что не разобрано, привезенное из конторы, и здесь же винтообразная железная лестница, кверху во второй этаж, здесь же в помещении 2 окна с решетками, круглые, во всю западную стену, и устроен шкаф со стеклами и вешалками для облачений, в настоящее время здесь хранятся облачения /изношенные/ для ремонта и на ремонт.

Колокольня, библиотека и храм Воскресения Христова.

Колокольня построена по проекту архитекторов Ф.Ф. Горностаева и З.И. Иванова, построена из кирпича на цементе и оштукатурена, она построена крестовидно: с западной стороны паперть, с восточной алтарь, с южной вход в библиотеку и с северной вход на звонницу. В архитектуре она трехглавая, главы и крыши крыты листовым железом, и крашены сероватой краской, а кресты золоченые. Вход в храм с западной стороны, здесь открытая площадка, и сделана она из красного гранита, и выше уровня площади на семь ступеней, входные двери железные створчатые, а за ними двоестворчатые, дубовые, полированные, за оными притвор церковный, здесь пол метлахских плиток. Размер притвора 4 арш[ина] 4 вершка, ширина 8 аршин, по южной стене окно с решеткой, по восточной стене 2 киота, обитые басмой медно-золоченой. Свечной дубовый ящик, в западной стене шкаф, аналой для диакона, обитый шелковой материей, 3 аналоя для пения и чтения, один стол, обитый белым миткалем, старый саркофаг из-под плащаницы, у западной стены винтообразная железная лестница на хоры, здесь также пол метлахских плиток, весь оный придел, стены и своды расписаны изображениями разных событий. На западной стене очень большое полуциркулярное окно, с решеткой, а в настоящее время оное окно забито досками: по осени была буря и рамы с мест выворотило, а стекла зеркальные разбило вдребезги, по этому случаю и заколочено, и в храме темно. По задней стене устроена скамейка дубовая, в виде ящика, а в настоящее время хоры заняты старыми иконами, для ремонта, доставлены из конторы и из палат. Из притвора в храм двери створчатые, деревянные, обитые красной медью с нарисованными изображениями, в храме пол метлахских плиток, размер храма по полу длиною 12 аршин, шириною 10 аршин.

Солея возвышается от уровня пола на 2 ступени, на солее во всю ширину храма устроен деревянный иконостас и обитый медно-позолоченной басмой, в оном иконостасе устроены царские врата, южная и северная двери. В алтаре пол метлахских плиток, на полу красное сукно, ковровая дорожка, в стенах 3 окна с решетками. Престол цементный, облачение на оном парчовое, у престола 4 подсвечника медно-золоченные, седмисвечник медно-золоченный, тумба для запрестольных икон, обитая басмой, пюпитра, обитая басмой. Жертвенник деревянный, облачение на оном парчовое, пред жертвенником 1 подсвечник медно-золоченный.

На Горнем месте архиерейская кафедра серого мрамора, 2 скамейки, обитые сукном красным, 2 стола, обитые манчестером, 4 табуретки дубовые, в алтаре стены и своды расписаны изображениями, у местных икон /вне алтаря/ 4 лампы на цепях медно-позолоченные, с черной краской, 2 подсвечника деревянные, обитые басмой, 2 подсвечника медно-золоченные, на клиросах по стенам 2 киота, обитые басмой, заклиросные киоты, обитые басмой, за клиросами 2 деревянные подсвечника, обитые басмой, с черной краской, к клиросным киотам прикреплены 2 хоругви на древках, обитый басмой, на северной стене киот обитый басмой и пред оным киотом лампада на цепях для масла, золоченая. Паникадило медное, золоченое, с черной краской, в храме стены и своды сплошь расписаны изображениями. 2 аналоя для икон, облачения на оных шелковой материи, 5 подсвечников посеребренных, разных рисунков. 1 лестница в 6 ступеней, 1 лестница в 8 ступеней и 1 лестница для паникадила, 1 киот орехового дерева, отлив золоченый, на Южной стене храма железная однополотная дверь, за оной дверью лестница в помещение библиотеки, а в настоящее время под лестницею 1 купель никелированная, книги служебные и гражданские, облачения для духовенства /не важные/, 1 ковровая дорожка аршина в 4, ковер красный /квадратный/ из легнего храма, обоженные свечи, /местные/ иконы, собранные из разных мест и палат. Библиотека в настоящее время находится в ведении Государственного Румянцевского Музея и под личным наблюдением онаго Музея Хранителя Рукописного Отдела Г.П. Георгиевского, и в настоящее время им опечатана по протоколу. С северной стороны таковая же пристройка, здесь с восточной стороны железная однополотная дверь, а за оной две деревянные однополотные крашенные двери, и здесь же в северной стене храма устроена однополотная железная дверь. На звонницу лестница цементная и железная. Внизу помещения кое-что лежит не разобрано.

Гробница, она же и Покойницкая.

Гробница построена из кирпича /почти квадратная/, с одной главой, крытая листовым железом и окрашена зеленой краской, крест и глава желтой меди, на западной стене устроена открытая паперть на железных колоннах, и здесь же входные железные створчатые двери, и окрашены зеленой краской, а вторые деревянные створные, и окрашены белилами. Пол цементный /уже начал крошиться и требует ремонта/. Размер гробницы: по полу длина 10 аршин 5 вершков, ширина 9 аршин 13 вершков, окон в оной 6 с железными решетками, стены и своды штукатурены. На восточной стене устроен иконостас столярной работы, и окрашен белилами, а местами бронзирова́н порошком, пред иконостасом 2 подсвечника посеребренных, 1 подсвечник /выносной/ посеребренный. Паникадило посеребренное. Стол, обитый манчестером, 2 аналоя для икон, обитые парчой. Чаша водосвятная, посеребренная. Стол сосновый простой работы, аршина в 3 длину, он же и одр называется по церковному выражению» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1090. Л. 3–8].

С большой долей вероятности можно утверждать, что описание строений Рогожского кладбища, сделанное Е.И. Усовым, и есть та опись 1923 г., о которой упоминается в акте комиссии Главнауки и Губмузея от 21 мая 1926 г.

Последний документ, выявленный нами, — это письмо Е.И. Усова в Высшее геодезическое управление:

**«В Топографо-геодезический отдел Московского
полевого округа Высшего Геодезического
Управления.**

На № 3373/701 от 8/XI-22 г.:

Рогожское старообрядческое кладбище находится на восточной окраине Москвы, в расстоянии от Камер-Коллежского вала 1 ½ версты за Рогожской и Покровской заставами. Пространство, занимаемое кладбищем со всеми при нем строениями, в количестве 24-х десятин. На месте, занимаемое теперь кладбищем, при царе Алексее Михайловиче находился убогий дом, при котором [в] царствовании Петра I-го хоронили запятанных в Преображенском приказе старообрядцев /см. Исторические очерки Поповщины П. Мельникова, Часть I, страница 256 изд. Москва, 1864 года/.

Храмов при кладбище находится два и одна часовня /гробница/, в которую приносят умерших при богадельнях призреваемых, и из городских больниц, и ставят в ней до отпевания [и] погребения.

А с дарованием свободы в 1905 году построили колокольню по проекту Федора Федоровича Горностаева. Названием кладбище Рогожским получило от имени Рогожской заставы города Москвы, а в 1835 году Кладбище было переименовано Рогожским богадельным домом /Собрание постановлений по части раскола, страница 216/.

По указу ее императорского величества в 1771 году в Москве за Рогожской заставой основано Рогожское кладбище /Очерки поповщины П. Мельникова 1864 года. Часть I, страница 255 и 256 и указ о выведении кладбищ вообще из черты города Москвы за Камер-Коллежский вал последовал в 1770 году 25-го марта/.

При начальном существовании вновь отведенного места под кладбище, названного Рогожским, с дозволения временного управляющего Москвой князя Г.Г. Орлова, для отпева[ния] умерших был построен первый небольшой деревянный храм /смотри донесение Московского главнокомандующего князя А. Прозоровского императрице Екатерине II от 23-го октября 1792 года в Чтениях императорск. общества истории и древностей Российских за 1889 год, Книга II, Отдел 1-ый, страница 82/.

В 1791 году по ходатайству московского старообрядца Никиты Павлова с разрешения был заложен и по ныне существующий храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы /Историч. очерки поповщины П.Мельникова, Книга X, стран. 18 и стр. 81 и смотри донесение князя А. Прозоровского напечатано было Н.И. Субботиным в брошюре к истории Рогожского кладбища в 1884 году, а затем Ельпидифор Васильевичем Барсовым напечатано точно в Чтении императорс. о-ва Истор. Древн. России в книге II, 1880 года, в Первом отделе/.

А был еще храм каменный во имя Николы Святителя, и который в 1854 году был отобран и передан единоверцам по ходатайству Московских граждан Сопелкова и Аласина, более о сем храме я сообщить сведения не имею.

В 1804 году, в царствование императора Александра I-го по ходатайству старообрядца И.Ф. Шевякова и с дозволения тогдашнего начальника столицы Беклешова построить молитвенный храм для зимнего времени, оный храм существует по сие время. Оный храм, построенный по плану архитектора Жукова, размер таков: длиною 22, шириною 11 саж[ень].

В 1918 году при разгроме конторы всякие документы и книги были уничтожены разными лицами, неизвестно кто они такие, даже в одной из палат, так называемой новой, в нижнем помещении сожжено 38 икон и иконостас, в котором оные были расставлены, а теперь никаких планов и бумаг не существует, я пишу все это как лично интересовавшийся историей Рогожского кладбища и проживший на оном 34 года. Более сообщить ничего не могу, а [за] верность сказанного ручаюсь.

Крестьянин Нижегородской губернии Балахнинского уезда Катунской волости деревни Большой Липовки» [РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1090. Л. 9–9 об.].

Выявленные нами документы в фонде РГАЛИ, созданные библиотекарем и первым музейным сотрудником Рогожского кладбища Е.И. Усовым, открывают перед нами неизвестные страницы истории московского старообрядчества 1920 гг. Усов предстает человеком начитанным, хорошо знающим происхождение Рогожского кладбища и всей душой подчиненного интересам московской религиозной общины.

Литература

Макаров В.Е. Очерк истории Рогожского кладбища в Москве: (к 140-летию его существования: 1771–1911 гг.). Москва: Типо-лит. И.М. Машистова, 1911. — 46 с.

Мельников П.И. Очерки поповщины / Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 1–14. — Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1897–1898. — Т. 13. Ч. 1. 1898. — 396 с.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 299. Виноградов Анатолий Корнельевич. Автобиографии в нескольких вариантах. Одна автобиография составлена для словаря Советских Писателей.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1090. Усов Евтихий Иванович. Письмо к Виноградову Анатолию Корнельевичу с приложением «Исторической справки о Рогожском кладбище».

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 1186. Удостоверение акушерской клиники и выписки из книги о родившихся Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища и книги отдела записей гражданского состояния при городском районе о рождении у Виноградовых Анатолия Корнельевича и Елены Всеволодовны сына Георгия [Юрия].

Снегирев И.М. Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл. А.А. Титова. Т. 1–2. 1822–1852. — Москва: Унив. тип., 1904. — 506 с

Снегирев И.М. Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл. А.А. Титова. Т. 1–2. 1853–1865. — Москва: Унив. тип., 1905. — 291 с.

Субботин Н.И. Из истории Рогожского кладбища. — Москва: М.Н. Лаврова, 1882. — 28 с.

Церковь. 1911. № 48. С. 1266.

Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. — Москва., 2005. — 238 с.

References

Church, 1911, no. 48, pp. 1266. (In Russian)

Makarov V.E. Essay on the history of the Rogozhsky cemetery in Moscow: (to the 140th anniversary of its existence: 1771–1911). Moscow, 1911, 46 p. (In Russian)

Melnikov P.I. Essays on priesthood. T. 1–14. Saint Petersburg; Moscow: M.O. Wolf, 1897–1898. 1898, vol. 13, part 1, 396 p. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1303. Inventory 1. File 299. Vinogradov Anatoly Kornelevich. Autobiographies in several versions. One autobiography was compiled for the dictionary of Soviet Writers. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1303. Inventory 1. File 1090. Evtikhy Ivanovich Usov. A letter to Vinogradov Anatoly Kornelevich with the attachment of the «Historical information about the Rogozhsky cemetery». (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1303. Inventory 1. File 1186. Certificate of the obstetric clinic and extracts from the book about the births of the Moscow Old Believer community of the Rogozhsky cemetery and the book of the civil status records department at the city district about the birth of the Vinogradovs Anatoly Kornelevich and Elena Vsevolodovna's son George [Yuri]. (In Russian)

Snegirev I.M. Diary of Ivan Mikhailovich Snegirev. T. 1–2. 1853–1865. Moscow, 1905, 291 p. (In Russian)

Snegirev I.M. Diary of Ivan Mikhailovich Snegirev. T. 1–2. 1822–1852. Moscow, 1904, 506 p. (In Russian)

Subbotin N.I. From the history of Rogozhskoe cemetery. Moscow, 1882, 28 p. (In Russian)

Yukhimenko E.M. Old Believer center behind the Rogozhskaya outpost. Moscow, 2005, 238 p. (In Russian)

Верстка: Лазарева Анна
Корректор: Лисина Галина
Формат: 215×280
Бумага: офсетная, 100 гр/м²
Печать: цифровая
Тираж: 100 экз.
Сдано в печать: 30.12.2023

ISSN 2949-4001

9 772949 400005

2 3 0 0 4

>